

к76
и20
-34566

М.И.Иванов

СТУПЕНИ СУДЬБЫ

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

[illegible]

ка
К 76
и 2
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чувашский государственный университет
имени И.Н.Ульянова

М.И.ИВАНОВ

СТУПЕНИ СУДЬБЫ

ка

Чебоксары 2002

ББК 76.1

И 20

Обязат' Эл.

ИВАНОВ М.И.

И 20 СТУПЕНИ СУДЬБЫ. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. 256 с.

ISBN 5-7677-0645-X

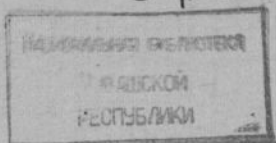
В книгу включены произведения члена Союза журналистов России, доцента кафедры журналистики Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, написанные в разные годы. Они характеризуют ту эпоху, которую прожил семидесятипятилетний ветеран печати. Книга открывается беседой Михаила Ивановича с деканом факультета журналистики А.П.Даниловым.

Для студентов и преподавателей высших учебных заведений.

ПРОВЕРЕНО
2000

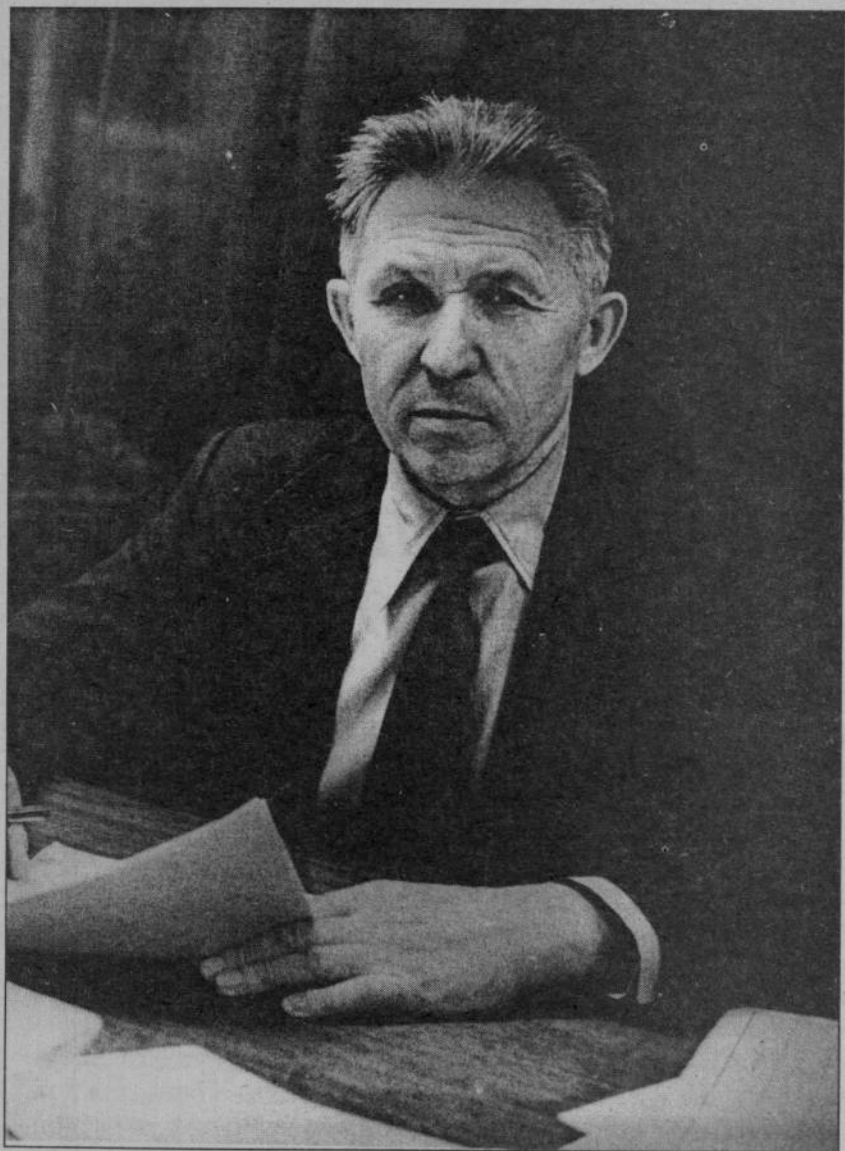
К-37.566

ISBN 5-7677-0645-X

© Иванов М.И., 2002

© Изд-во Чувашского университета, 2002

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

***ЧТО ОТДАНО ПЕЧАТИ-
ОТДАНО ЛЮДЯМ***

ПОЛВЕКА В ЖУРНАЛИСТИКЕ

Беседа декана факультета журналистики ЧГУ
Анатолия ДАНИЛОВА с ветераном печати Чувашии
Михаилом ИВАНОВЫМ.

Анатолий ДАНИЛОВ. Сегодняшние ветераны в своей жизни повидали и пережили немало, особенно те, кому пришлось участвовать в Великой Отечественной войне, а затем, засучив рукава и стиснув зубы, напрягая мышцы и сознание, взяться за восстановление мирной жизни, мирного труда, за развитие экономики и культуры родной страны, родной республики. Что касается лично вас, Михаил Иванович, то ноябрь 2002-го года совпал с большой жизненной вехой - 75-летием со дня рождения, из которых пять десятилетий (подумать только: целых полвека!) отданы служению печатному слову, журналистике. Так что заголовок нашей беседы, по моему, закономерно отмечает то главное, чему вы посвятили столько лет своего творческого труда. В таких случаях обычно говорят, “что было, то было”. Но всякое “былое” тоже нуждается в уточнении: или это были долгие годы добросовестного, честного

труда, за которые ни перед кем не приходится краснеть, или годы, по поводу которых напрашиваются эпитеты еще более высоких степеней, оставившие за собой весьма заметный, добрый след. Я уверен, более того, точно знаю, что такие следы проглядываются и в вашей судьбе.

Михаил ИВАНОВ. Мне кажется, нам лучше обойтись без обязывающих к чему-то эпитетов. Хотя почему-то считается не только допустимым, но и чуть ли не нормой, “хорошим тоном”, когда юбиляров обволакивают словесами в превосходных степенях. Но разве возможно понять, оценить прожитое человеком, его дела и душу по таким эпитетам?

А вот к тому, что было сказано о моей работе в печати, хотелось бы сделать небольшое дополнение. Нашему поколению, людям моего возраста уже в детстве и юности выпало на долю быть свидетелями и даже участниками таких событий, которые оказались переломными для судеб множества людей. Запомнились до сей поры какие-то впечатления от проходившей в нашей деревне коллективизации, организации колхоза. А когда среди наших сельских мужиков стали выкорчевывать “врагов народа”, я уже учился в школе и перед вторжением полчищ Гитлера на нашу Родину окончил шестой класс. С началом войны мы, деревенские пацаны и девчонки, отдавали все свои неокрепшие силы для помощи фронту. Едва исполнилось семнадцать - призыв в армию, участие в войне против милитаристской Японии, после - длительная служба по охране воздушных рубежей на Дальнем Востоке.

А.Д. Согласен, все это имело в вашей жизни немаловажное значение и свидетельствует о том, что вы пришли в журналистику, уже изведав, почем фунт лиха. Конечно, жизненный опыт помогает в выборе профессии, а остальное, без чего трудно было бы начать творческую деятельность, вы получили в процессе учебы на факультете журналистики Ленинградского государственного университета. Приехав в 1958 году по распределению в редакцию газеты “Советская Чувашия”, как мне кажется, вы вскоре почувствовали себя “в своей тарелке”. Ваша журналистская карьера с самого начала складывалась удачно. Сужу о том по записям в вашей трудовой книжке. Первая запись - литературный сотрудник (корреспондент) отдела сельского хозяйства, буквально через месяц - заместитель ответственного секретаря редакции, спустя три года - заведующий отделом культуры, следующая запись - о том, что в течение двух лет возглавляли редакцию газеты “Молодой коммунист”. В 1967 году вас утвердили

заместителем редактора газеты “Советская Чувашия”, а через семь лет назначили ее ответственным (главным) редактором. И этот “воз” главного редактора вы тянули целых пятнадцать лет, пока не освободились от него по собственной просьбе (с наступлением пенсионного возраста). Потом около четырех лет работали пресс-секретарем и руководили пресс-центром Государственного Совета ЧР, а с 1998 года стали доцентом Чувашского государственного университета.

Даже по этим коротким записям легко догадаться, что вами накоплен весьма солидный опыт журналистской работы, который представляет определенную ценность и для подготовки творческих кадров для редакций. Речь тут, в первую очередь, не о должностной карьере или организаторских способностях главного лица редакции (что тоже весьма важно), а о творческом наследии - о ваших запомнившихся читателям публикациях, очерках, зарисовках, деловых материалах, проблемных, публицистических статьях, рецензиях, интервью и беседах, путевых заметках и т.д. Естественно, и о серии ваших книг, вышедших в свет в разные годы.

Ученые уверяют, что творчеству, в том числе и журналистскому, научить нельзя, но что можно и нужно учить желающих специфике журналистики, всему тому, что делает журналистов специалистами именно данной профессии. Вузовская аудитория в лице студентов решает эту проблему, осваивая учебные курсы, а также знакомясь с творческим наследием людей, достигших высоких ступеней мастерства, которым по плечу решение сложных творческих заданий. И потому было бы полезно придерживаться нам в беседе ближе к реальной действительности, живой практике и попытаться, скажем, найти ответы на вопросы: что повлияло на вас в выборе профессии, что помогало в творческом росте, благодаря чему так удачно сложилась ваша творческая судьба?

М.И. Анатолий Порфирьевич, я чувствую, что мне будет не просто удовлетворить ваши пожелания. Весьма нелегко разложить по полочкам ответы на вопросы или как-то скомпоновать их по звеньям, гнездам, потому что подобных «гнезд» в моей работе не было, о них я никогда не заботился. В реальной жизни все получалось, как мне кажется, само собой. Притом, какие-то благоприятные моменты, сыгравшие заметную роль в пользу какого-либо из прозвучавших только что вопросов, возникали не по моей задумке, а самопроизвольно и в разные годы. И если мы темой нашего разговора выберем наиболее значительные, творческие проявления, этапы творческого пути, все интересующие вас вопросы прояснятся сами собой.

СИМВОЛЫ К ОБРАЗУ РОДИНЫ

**Кроха Мишутка и его мама
Екатерина Сергеевна.**

А.Д. Хорошо, я согласен с вашими доводами. И начнем, как говорится, с самого начала.

Люди еще в младенческие годы охотно рассуждают о том, кем они станут, когда вырастут, а подростки о том задумываются всерьез. Но угадать, как исполнится задуманное, какой сложится жизненная дорога, дано, видимо, немногим. Бесспорно другое: на выбор профессии влияют разные обстоятельства. К ним, по-моему, можно отнести и окружающую среду и природу родной стороны.

М.И. Действительно, природа родного края достается нам с молоком матери, ее влияние человек ощущает на первой же ступени

жизненного пути.

...Невзрачный, построенный моим дедом дом, разместившийся у самого края оврага, пролегшего посреди деревни, смотрел двумя окнами в тихий переулок. И перед ним взметнулась в небо высоченная ель. Сильнее магнита притягивала она к себе мальчишек нашей улицы. У основания ели кора местами была содрана и поцарапана осколками битого бутылочного стекла, и из незаживших ее ран сочилась прозрачная смола. Тут же рядом ползали проворные, кусающие больно, желтые муравьи, а ниже, поближе к корням, сустились красные божьи коровки. Но ель привораживала нас, малолетних сорванцов, не только этим. Нижние ветви ее, на которых висели изумрудные гирлянды шишек, распластались высоко над землей, а от корней к ним тянулся прямой и ровный, как свеча, ствол. Но даже из сельских парубков мало кому удавалось - хотя это считалось особой удачей - докарабкаться до тех нижних ветвей и сорвать несколько упругих шишек. А забираться выше не рисковали даже самые отчаянные смельчаки, очень уж высоко буравила небо ель своей острой верхушкой. Тут же возле дома, на склоне оврага, росло еще одно огромное дерево, которое размахом

и высотой своей тоже могло поспорить с елью. Это был вяз - великан, вольготно раскинувший во все стороны могучие свои крючковые лапы-ветви.

Эти два дерева, высоченная стройная ель и вяз-исполин, и явились для меня первым штрихом в многогранном образе Родины. Куда бы потом ни приходилось уезжать и возвращаться обратно, они всегда последними провожали и первыми приветливо встречали меня. Деревня наша привольно раскинулась на обширном холме; перерезанная несколькими оврагами, она постепенно опускалась своими улицами все ниже и ниже, вплотную примыкая на южном склоне еще к одному, самому глубокому оврагу. А вяз с елью стояли в центре холма, возвышаясь над ним. Они были видны отовсюду, бросались в глаза еще за несколько километров от деревни. На всю жизнь запечатлелись они в моей памяти, став как бы символом природы родного края, своеобразной визитной карточкой чувашских лесов. А начинались они, эти леса, сразу же за деревенской околицей и тянулись до самого берега Волги.

“Где родился, там и пригодился”, - говорят в народе. Как правило, люди не выбирают Родину, она достается нам с рождения. С годами представление о ней становится глубже и шире: деревня (город), район, республика, страна. Но в каждом случае в зримом ее образе у каждого из нас имеется что-то свое, которое мы впитываем с соками той земли, где жили наши отцы, деды и прадеды.

...День на исходе, наступают сумерки. Мы с моим дядей Яковом, маминым младшим братом, выехали из лесной пристани Курень в свою деревню Эльбарусово. На прикрепленной к телеге жердочке качается фонарь “летучая мышь”, пламя в нем коптит черным дымом, мечется и подпрыгивает. Лесная ухабистая дорога тянется в гору, но потом деревья неожиданно расступаются, и взору предстает огромная поляна, покрытая ровными рядами молодых

**И отец Иван Гаврилович
(в возрасте пенсионера с
солидным стажем).**

деревьев. “Люди толкуют, что на этом месте была наша деревня, - рассказывает дядя. - Отсюда во все стороны и на много верст тянутся леса, только Волга тут совсем рядом. Прадедам нашим тут, конечно, было несладко, в лесу ведь хлеба не вырастишь. Не давали покоя деревне и разбойные люди, гулявшие по Волге, потому и перебрались отсюда прадеды на лесную опушку, а селение свое называли Хуракасы, что значит в переводе “разбойная деревня”.

Дядя Яков уже не первый год работал в Курене. Он был кузнецом, мастером на все руки, любил шутку и смех, в поселке его уважали. В середине тридцатых годов тут, ниже города Мариинский Посад в километрах пятнадцати-двадцати, за короткий срок были построены для рабочих десятки деревянных домов барачного типа, столовая, магазин, клуб, детсад, конторское помещение. К сколоченному на скорую руку дебаркадеру причаливали местные пассажирские пароходы-трамвайчики. В те годы Курень представлял собой грандиозный древесный склад, раскинувшийся в широкой речной ложбине. Вся его территория под открытым небом была заполнена штабелями отборных дубовых кряжей, свежеструганной янтарной клепкой, другими изделиями-полуфабрикатами и дровами. Для перевозки этой продукции проложили тут и узкоколейку, только паровозика не было, единственный вагончик-платформу рабочие толкали по рельсам вручную. В округе, наверное, не оставалось мужиков, не попробовавших своих сил на валке, вывозке, погрузке леса. Находилась в Курене работа и женщинам, и подросткам. В летние каникулы сюда приезжали и мы с братишкой и жили здесь с отцом, еще до первой мировой войны окончившим Мариинско-Посадское лесное училище. Время от времени нас навещала мама, работавшая в колхозе. Уйма интересного, занятого было тут для нас, мальчишек. Целыми днями плескались мы в Волге, с завистью наблюдали за проплывающими мимо белоснежными теплоходами, удили рыбу, которой в главной реке России водилось тогда в изобилии, лакомились земляникой, ежевикой, малиной и другими лесными деликатесами. Или, зачарованные, наблюдали, как рабочие загружают стоящие вдоль берега баржи. “Эй-ух, дернем! Эх, потянем, эх, нажмем!” - подбадривали они себя старинной трудовой песней, накатывая на дощатые мостки тяжелейшие дубовые кряжи и опуская их на канатах.

Ничто на свете не длится бесконечно. Отдав Родине миллионы кубометров первосортной древесины, Курень до начала Оте-

чественной войны выработал свои ресурсы. Но лесничества района работают интенсивно и по сию пору. Лесные труженики заботливо ухаживают за заповедными дубравами, следят, в добром ли здравии пребывают сохранившиеся и поныне дубы-патриархи, помнящие разинских и пугачевских повстанцев, не грозят ли им коварные, невесть откуда возникающие болезни, лесные пожары. А что же Курень? Он тоже жив и здравствует, правда, от поселка тридцатых годов в нем не осталось никаких следов. Но он продолжает приносить людям пользу, на его территории разместились строения Чебоксарского тракторного завода, которыми ныне пользуются спортсмены Чувашии.

А.Д. Окружающая природа, которую вы описали, наверное, благотворно влияла на детскую психику, настраивала воображение на романтический, поэтический лад. Но в тот же период вашего детства на страну обрушились годы репрессий. Ощущали ли вы тогда, будучи подростком, что-то тягостное, неладное в жизни односельчан? И как на вас в ту пору и в дальнейшем повлияли те трагедийные годы?

М.И. Репрессивные меры, процессы тех лет, их последствия носили, на мой взгляд, сложный характер. С одной стороны, пострадало столько невинных людей, а с другой - такая политика многими поддерживалась, многие ничего в ней, видимо, не понимали, другие о чем-то догадывались, но молчали. И дискуссии в обществе по тем годам не прекращаются до сих пор.

Говоря о ставших "врагами народа" эльбарусовцах, вновь придется вспомнить о Курене, о том, что лесоразработки в этой местности велись чуть ли не с петровских времен. Многие мои односельчане вели заготовку леса в Сотниковском лесничестве и в годы НЭПа. Брали в аренду лесные участки, валили деревья и сплавляли их вниз по Волге для продажи. Другие нанимались на лесопильный завод, купленный в Заволжье в дореволюционные годы эльбарусовскими крестьянами-братьями Афанасием и Сергеем Ефремовыми. В деревне были построены в те годы десятки великолепных по меркам той поры жилых домов с надворными постройками. Но позже для многих их хозяев они обернулись бедой: послужили поводом для раскулачивания, а спустя ряд лет - и для ареста как "врагов народа". Эльбарусовское дело "контрреволюционного кулачества" в 1937 году считалось в Чувашии одним из "громких" и массовых. За трое суток августа были арестованы и доставлены в Чебоксары двадцать два жителя (среди них три жен-

щины) деревни. Через две недели спецтройка при НКВД ЧАССР четверых арестованных приговорила к высшей мере наказания, приговор сразу же был приведен в исполнение, а остальных определила к десяти, девяти годам тюремного заключения. Спустя двадцать лет их реабилитировали, но вернулись домой лишь несколько человек.

В сентябре того же 1937 года было рассмотрено еще одно дело - об "антиколхозной вредительской деятельности" руководителей Эльбарусовского сельского совета и эдешней сельскохозяйственной артели "Социализм". Выездная сессия Верховного суда ЧАССР осудила председателя колхоза Михаила Кузьмина, завхоза И. Яковлева, счетовода А. Матвеева и председателя сельсовета Н. Васильева к различным срокам лишения свободы.

Очень печально и противоестественно смешивать горе людское и великие дары природы - землю и леса. Но было и такое. Участок земли у устья безымянной реки в Курене долгие годы принадлежал крестьянской общине деревни Эльбарусово. Осенью 1924 года эта общественная наделная площадь решением общего собрания сельских граждан была сдана в аренду однопоселенцу Алексею Иванову сроком на десять лет. Арендатор обязывался построить в деревне народный дом (из своего сруба), пожарный сарай и кладовую при нем. Через пять лет по чьей-то жалобе вина за то, что данное "противозаконное решение" не было отменено и земельный участок арендатором ежегодно сдавался частным предпринимателям под лесные склады, пала на уроженца той же деревни Афанасия Фомина, который полгода назад был избран председателем исполкома Марпосадского райсовета. Тогда Афанасий Фомич отделался выговором ЦИКа республики, но про ту жалобу ему вновь напомнили в 1938 году. Оклеветанный, он был арестован и заключен в Алатырскую тюрьму. Выйти на свободу ему удалось лишь благодаря счастливым обстоятельствам, он вернулся в родную деревню и был избран председателем колхоза. В 1942 году А.Ф.Фомин ушел на фронт, а спустя два года семья его получила извещение командования части, что он пал смертью храбрых при освобождении Крыма.

...Осенью тридцать седьмого мне исполнилось десять лет. О том, что в деревне нашей арестовано много людей, в основном, отцов семейства и несколько матерей, мы, детвора, толком и не знали. Взрослые и пострадавшие семьи, будто сговорившись, избегали делиться с нами горькими известиями. О чем-то мы, ко-

нечно, догадывались, чувствовали, что происходит что-то уму нашему непостижимое; безусловно, тягостное, тревожное настроение подавленности, мрачной молчаливости сохранялось в деревне не один год. Постепенно взрослея, переходя из класса в класс, мы узнавали, видели, что у многих наших ровесников, друзей по играм и учебе нет отцов, но каким-то чутьем понимали, что спрашивать о том, где они находятся, не полагается, что этого не позволяет устоявшаяся нравственная норма поведения сельчан.

С некоторыми детьми из пострадавших семей я учился в одном классе нашей Эльбарусовской средней школы до самого призыва в армию. Но подлинная сущность и причина трагедии односельчан, как и вообще репрессий тридцатых годов, нам стала понятной только спустя много лет. Позже мне от односельчан не раз приходилось слышать, что пострадавшие эльбарусовские мужики и бабы ни по каким меркам не могли быть кому-либо врагами. Да, были среди них раскулаченные, но, отбыв наложенные наказания, они вступили в колхоз и добросовестно трудились вместе со всеми. Владельцы лесопильного завода Ефремовы, лишенные своего имущества, в том числе лесозавода в поселке Шуйка, тоже не проявляли к властям недовольства или нелояльного отношения, а стремились приспособливаться к новой жизни. В том я лишний раз убедился, неожиданно познакомившись и побеседовав лет восемь назад с младшим сыном одного из братьев - Ефремовым Михаилом Афанасьевичем, работавшим тогда заместителем директора Чебоксарского завода промышленных тракторов. Пользовался он среди заводчан большим авторитетом. Мы договорились как-нибудь вместе съездить в Эльбарусово (откуда он уехал еще до ареста родителей), но не удалось, он был уже серьезно болен, работу ему пришлось оставить, а через какое-то время он скончался.

А.Д. Похоже, впечатления той поры основательно запали вам в душу. Не зря сказано: чтобы понять человека, надо заглянуть в истоки его жизни - в детские и отроческие годы. Именно там часто обнаруживаются родники, тихое журчание которых вдруг почувствует в себе подросток. И потом они долго подпитывают его душу и сердце, определяют цену, качество его дел, творений и поступков. Судя по всему, в ту пору вы уже, наверное, пробовали, как это свойственно чуть ли не каждому второму или третьему юноше и девушке, сочинять стихи, хотя бы, писать заметки в газету. А может, оказались во власти других увлечений...

М.И. Насколько себя помню, в начальных классах мои литературные опусы не выходили за пределы участия в выпуске стенных газет (и заметки сочинял, и рисунки к ним набрасывал). В четвертом классе словно какой-то зуд напал на меня, прямо во время уроков стал писать рассказы, к тому же, не какие-то жалкие коротышки, а с продолжением, как бы из номера в номер. Учительница, понаблюдав какое-то время за моим вдохновением, решила прервать этот творческий процесс и, взяв мою тетрадку, попросила разрешения ознакомиться с моим творением. На следующий день рассказ мой был зачитан на уроке всему классу, а я до самого звонка с трепетом ожидал, что вот-вот последует разнос за занятие посторонними делами. Но все обошлось мирно, без внушительных нравоучений. Через какое-то время про прозу я забыл, во мне теперь проснулась детская болезнь стихосложения. В школе довольно активно работали творческие кружки - и литературный, и по изобразительному искусству, и другие. Какое-то время чувашскую литературу преподавал выпускник пединститута, стихотворения которого нередко печатались в журнале "Сунтал", а уроки рисования - художник, чьи отдельные живописные работы экспонировались даже на республиканских выставках. В самый канун фашистского нападения на СССР в районной газете появилось написанное мной стихотворение, а также заметка в детской республиканской газете "Пионер сасси". Посылал я свои патристические вирши и в журнал "Хат.р пул!" (Будь готов), но они там, вопреки моим ожиданиям, не появились, а одно из стихотворений почему-то было напечатано вовсе не под моей фамилией.

Когда нагрянула война, она нас, мальчишек-подростков, не очень-то встревожила. Войну мы представляли по кинофильмам о подвигах бойцов и командиров Красной Армии, ее исход виделся нам таким, как заканчивалось нападение на нашу родину в кинофильме "Если завтра война..." Но кумиром нашим мальчишеским, безусловно, был Чапай. Мы бредили также подвигами гайдаровских героев. Нам нравилось стрелять из малокалиберной винтовки по мишеням в тире, наспех оборудованном где-нибудь в овраге. С завистью смотрели мы на старшекласников, у которых на лацканах пиджаков сверкали по три - четыре оборонных значка. Время для них приближалось к призывному возрасту, и они часто говорили о скорой победе, быстром разгроме фашистов. Тогда никому не могло придти в голову, что с поля боя домой вернется из них лишь каждый десятый.

А.Д. Как вы считаете, какому возрасту соответствует детство людей, в которое ураганом и смерчем ворвалась война?

М.И. Фронт был от нас далеко, но давал он знать о себе с первых дней. Мы многого не понимали, но нутром чувствовали, как меняется жизнь. Лавиной наплывали на деревню события, больно задевающие наши детские души. Каждый день в семье поступали повестки из военкомата, который находился в райцентре Октябрьском, и сельчане ежедневно провожали в армию и холостых парней, и семейных мужчин. Прощались с ними односельчане на холме возле школы, где дорога спускалась в овраг и на той стороне круто взбиралась в гору. Приходили сюда и стар и млад. Впереди, обнявши друг друга за плечи, шли посреди улицы шеренгой отъезжающие, голосисто и с надрывом напевая старинные солдатские песни. Сзади двигались отцы и матери, жены и дети, родные и близкие, друзья и соседи. Благославляли, напутствовали призванных, мобилизованных седобородые аксакалы. Провожающие вытирали слезы, а жены, дети, остающиеся без кормильца, плакали навзрыд. Когда я глядел вслед удаляющимся все дальше от деревни подводам, мое мальчишеское сознание с каким-то недоумением, тревогой воспринимало этот совсем другой окружающий мир. Привычная вера в несокрушимую нашу силу сталкивалась в нем с картинами людского горя.

Но порой подводы везли людей и обратно в деревню, доставляя от неблизких к нам железнодорожных станций бежавших издалека от войны женщин и детей. Первую группу эвакуированных в нашем колхозе приняли во вторую неделю войны. Летним вечером у избы колхозницы, живущей рядом с нами, остановилась подвода, где вместе с возницей сидела женщина с ребенком. Через минуту всем хозяйкам соседних дворов было уже известно, что сельсовет определил их сюда на жительство. Налив в крынку молоко, поспешила к приезжим и моя мама, немного говорившая по-русски. Позже, когда мы с братишкой сели ужинать, она рассказывала, какое небывалое бедствие обрушилось на людей, сколько народу мыкает горе на дорогах, уходя от фашистов, как их обстреливают и бомбят вражеские самолеты. Добавив, чтобы мы не смели хоть чем-нибудь обидеть приезжую девочку (было ей годиков семь), она смахнула непрошенную слезинку и каким-то неловким движением, будто даже с виноватым видом, положила на стол несколько конфеток в ярких обертках. "Не хотела вот взять, а пришлось, - проговорила она, словно оправдываясь. - Иначе обиде-

лась бы. Добрые люди все одинаковы: сами в беде, а с другими делятся последним...”

Вскоре в деревне нашей, как и повсюду в Чувашии, были уже десятки эвакуированных семей, и они вместе с сельчанами от зари до зари работали в колхозе.

В километрах трех от нашей деревни проходило шоссе Горький - Казань, та самая “владимирка”, по которой когда-то гнали каторжан в Сибирь. В зной и холод, в дождь и снег не прерывался на нем с первых же дней войны поток машин. Днем и ночью тряса по узкой, мощеной булыжником дороге грузовой транспорт. Прежде никому и никогда не доводилось тут видеть такой непрерывный поток автомобилей, нагруженных ящиками, тюками, шкафами, узлами, различным оборудованием, станками, и бог весть чем еще. А женщины-возницы, ездившие встречать на железнодорожные станции эвакуированные семьи, рассказывали, что поезда везут на восток целые заводы. Многие из них, говорили они, разгружаются у нас же, в Чувашии.

ПРОЩАНИЕ С ДЕТСТВОМ

Так впитывал наш разум первые отзвуки войны. Характерные признаки детства быстро улетучивались. Каждый год осенью или зимой мы провожали ребят-десятиклассников на фронт, потом от них приходили письма, которые учителя часто зачитывали на уроках или собраниях. Мы ждали часа, когда школа проводит и нас. А пока не только учились, а делали все, чтобы помочь фронту. Ходили даже лютой зимой всем классом в Заволжье, за 10-12 километров, собирать шиповник для госпиталей, сами заготавливали в ближайшем лесу дрова для школы, после уроков, а в каникулы тем более, участвовали в самых разных, даже ночных, сельскохозяйственных работах.

В те годы в наших неокрепших душах образовались и рубцы. Придя на урок, вдруг замечаешь чьи-то заплаканные глаза, затравленный взгляд, в котором застыли полная растерянность и невыразимая боль. Никто никого и ни о чем не спрашивал в таких случаях, все становилось понятным без слов: значит, пришла еще одна похоронка. Ко многому привыкает человек, горе народное, лишения закаляют его, делают тверже духом, но вряд ли возможно такое, чтобы подростки и юноши привыкли к гибели отцов и брать-

ев, своих друзей, сверстников, или тех, с кем вместе играли с малых лет, кто на их глазах бросил первый робкий влюбленный взгляд на застенчивую, угловатую еще девчонку. Так как он был чуть-чуть старше тебя и его призвали в армию раньше, от него приходили письма, а потом - молчание и вскоре - маленький листок бумаги со словами "Ваш сын...", подписанный в конце командиром или комиссаром. Это казалось немыслимым, невозможным, самым нелепым и несправедливым. Как тяжело было смотреть потом в глаза матери погибшего сверстника! Труднее и больнее пришлось мне переживать только один раз, когда, уже немало лет поносив солдатскую шинель, приехал в отпуск и навестил родителей и сестер своего друга-однополчанина, которого никто и никогда не имел уже возможности повидать на этом свете.

...Словом, детство, отрочество вскоре ушли от нас бесповоротно. Иной раз ловлю себя на мысли: могут ли по-настоящему представить и понять то время те, кто сам в жизни не испытал, не пережил подобного, кто родился и вырос после Победы? Невесело вспоминать такое, но ведь и в тылу умирали с голоду. И дети порой прямо на уроках теряли сознание от голодного обморока. И все-таки не впадали в безысходное уныние, что-то воспринимали, искали, придумывали, чтобы голод не одолел нас. У нас была своя реакция на неприятности, свои проявления ненависти к фашизму. В дни, когда враг подходил к Москве и позже прорвался в Сталинград, мы на уроках с самыми серьезными намерениями, пока не замечал учитель, изучали географическую карту республики и составляли план своих действий, которые намеревались предпринять, если фашисты вдруг окажутся в наших краях. И еще особые счеты были у нас с немецким языком, мы его просто бойкотировали как язык лютого врага. Даже через много лет я не единожды вспоминал с чувством неловкости и досады, сколько огорчений доставляла учительнице и учителю немецкого эта наша наивная непримиримость. Сказать по правде, время не очень располагало к прилежности в учебе и по другим предметам, как-то само собой подразумевалось, что главное сейчас - помочь всеми силами бить фашистов.

к-37566

Кстати, одной из тех учительниц немецкого была талантливейший художник-профессионал, эвакуированная к нам в 1941 году сотрудница центральных журналов "Мурзилка", "Искорка", "Дружные ребята", а также издательств Детгиз и Учпедгиз Маргарита Максимилиановна Михаэлис. В школе она вела, естественно, и уроки

рисования, возглавляла изокружок. И мы, кружковцы, ее усилиями не раз устраивали выставки своих работ в районном центре и в других местах. Она, как график, обладала высоким мастерством иллюстратора книги и одиннадцать лет проработала в Чувашском книжном издательстве, ее произведения участвовали во многих выставках страны, России, Чувашии и отмечались высоким признанием посетителей и критики. Ей было присвоено звание заслуженного художника ЧАССР.

А.Д. В глубокой древности мудрец изрек: когда говорят пушки, музы молчат. Так, вероятно, и было. Я все же полагаю, что они говорили не беспрерывно, не слишком долго, а с большими или малыми паузами, чтобы дать волю музам. В первую мировую и в Великую Отечественную грохот пушек вообще не переставал, не прерывался годами, и музы приспосабливались к нему, чтобы внести свою долю для победы над врагом. Даже в умирающем от голода, сжатом в тисках осады, но не сдающемся Ленинграде прозвучала (впервые) в исполнении симфонического оркестра знаменитая симфония Шостаковича. Сколько талантливых коллективов, выдающихся деятелей искусств выступали, поднимая боевой дух воинов, на фронтовых концертных площадках. Можно вспомнить и вдохновляющее, пламенное слово писателей, поэтов, публицистов. Пушки своей пальбой не заглушали их, а звучали с ними в унисон, усиливая их. Несмотря ни на что, в стране продолжалось и воспитание будущих талантов, привитие молодежи, как и всему населению, чувств прекрасного, веры в победу. Разве не о том свидетельствуют и упомянутые вами выставки школьного изокружка? Наверное, с той поры остались и другие следы добрых увлечений, не забывшиеся и в последние годы?

М.И. Вопрос ваш, по-моему, носит принципиальный характер - о сочетании единственно возможного для жизни человека с не менее важным, чрезвычайно нужным для его души. Вначале - о единственном, что было тогда возможно.

В первую же военную зиму, когда на улице трещали сорокоградусные морозы, мы с моим братишкой - он на три года моложе меня - остались дома одни. Надо было самим топить печь, натаскать из колодца воды и, подогрев ее, напоить корову и нескольких овец, покормить их и приготовить хоть какой-нибудь еды для себя. Уезжая на строительство оборонительных сооружений (тысячи и тысячи женщин работали тогда в Чувашии на их строительстве), мама оставила нам несколько килограммов муки, полученной в

колхозе. Мы пекли из нее лепешки, варили картошку. Но надо было еще думать о дровах. Как и соседские мальчишки, после уроков мы запрягались в самодельные сани и спешили в лес. Он же,

Братья Михаил и Николай.

благо, был рядом: перейдешь овраг - и уже на опушке. Залезали на дубы, рубили нижние ветви и, притащив их домой, разбрасывали во дворе. Корова и овцы дружно, с аппетитом обглаживали древесную кору (сено для них давно кончилось), а ветви шли потом на дрова. Это было для нас единственное из возможного. И оно долгое время повторялось ежедневно.

Во время летних каникул распорядок учащихся-трудяг менялся. “Эй, дружок, на работу пора!” - будил на зорьке бригадир, стуча палкой в окно. Наспех брызнув в лицо водичкой, шагали в табун за лошадью. Мы и пахали, и сеяли, вывозили на поля навоз, и сено косили, жали и серпом, и жнейкой хлеба, молотили, возили на хлебоприемные пункты зерно, картофель. На обратном пути нередко заставала ночь. Лежишь, укрывшись мешком, на трясущейся телеге, конь бежит себе трусцой за идущей впереди подводой, и начинает тебя незаметно обволакивать сон. Случалось и такое: проснешься, когда уже забрезжит рассвет, а вокруг - одни лошадиные силуэты: не дождавшись пробуждения своего хозяина, вороной приволок его на телеге в табун.

Что касается увлечений, которые мне нравились, я им по возможности оставался верен. Приятно было видеть время от времени свои заметки в районной газете. Чаще всего в них сообщалось о колхозных, школьных делах. Издававшиеся в Чебоксарах “Пионер сасси” и “Хатёр пул” с началом войны закрылись на долгие годы. Как-то один из фронтовых друзей написал мне, что его наградили медалью “За отвагу”. Я попросил его известить подробнее, за что конкретно она вручена ему. И получив ответ, взялся излагать, как сержант Вячеслав Никитин по приказу командира роты, заметив с высокой ели пулеметный расчет противника, уничтожил его снай-

перскими выстрелами. Заметку скоро поместили. Но когда я прочитал ее, вконец расстроился: редакционный сотрудник так нафантазировал и размазал материал отсебятиной, что автор почувствовал себя перед своим другом почти Хлестаковым. Это был для меня первый негативный урок в журналистике. Кстати, до ухода на фронт Вячеслав писал очень неплохие стихи, они стали печататься и в Чебоксарах, но после демобилизации, окончив юридический институт, он целиком посвятил себя судебной деятельности, был членом Верховного суда республики, удостоился звания заслуженного юриста Российской Федерации

В течение двух зим перед призывом, совмещая учебу в школе, по просьбе председателя сельсовета мне довелось заведывать сельским клубом, хотя в летние каникулы продолжал работать и в колхозе. В клубе было холодно, дров нам почти не давали, но ровесники мои и детвора собирались туда охотно. Согревались танцами под гармонь. Спектакли, которые мы ставили, собирали полный зал зрителей. Как-то я прочитал автобиографическую книгу рассказов русского детского писателя "Ленька Пантелеев" (такова и фамилия автора) и загорелся желанием сделать сценическую инсценировку одного из его произведений на чувашском языке. Не могу судить, насколько удачно был исполнен замысел, но юные сельские актеры репетировали с вдохновением, а зрители на спектакле аплодировали им долго и от души.

...После очередного клубного вечера ночью мне приснился странный сон. Будто я перелез через ограду перед палисадником нашего дома и, достав из-под снега шкалик водки, стал рассматривать его на лунном свете. Утром, когда поделился о приснившемся с бабушкой, которая гостила в те холодные дни поздней осени у нас, она сказала: "Пора укладывать дорожную котомку. Будет повестка!"

Так и случилось. Еще в начале лета строгая республиканская врачебная комиссия отобрала в Чебоксарах большой отряд призывников для отправки в летное военное училище. Отбор проводился весьма жесткий, придирчивый, хотя это была для нас уже вторая призывная комиссия (первую проходили в военных комиссариатах своих районов). Оказавшимся годными для учебы - а таких было 160 человек, ставилось обязательное условие - в Советскую Армию вступать добровольно. Мы все тут же писали заявления с такой просьбой и отдавали его председателю комиссии. Но время шло, несколько месяцев нас не трогали. И вот призывно заиграл трубач...

ПУТИ - ДОРОГИ ДАЛЬНИЕ

А.Д. Знаю по себе, воинская служба даже в мирное время является нелегким испытанием. А о том, что переживают семнадцатилетние, вдруг перейдя из “домашней жизни” в суровые солдатские будни, да еще когда в стране бушует страшная война, могут рассказать правдиво только они сами. Но люди, побывавшие на фронте, не любят делиться своими переживаниями. Очевидно, считают, что сентиментализм мужчинам не к лицу. Ведь не секрет, война беспощадна, безжалостна, и, тем не менее, воин присягает отдать ради победы всего себя, вплоть до своей жизни. Мне кажется, вчерашние в чем-то наивные еще подростки, очутившись на войне, на все начинали смотреть по-другому, быстрее выросли...

М.И. В общем-то, так и было. Но моих ровесников судьба во многом пощадила, мы были призваны в предпоследний год второй мировой войны, когда впереди маячили уже признаки победы, хотя всем и повсюду, как и прежде, было еще очень трудно. Началось и последующие годы воинской службы были памятли для меня обретением новых друзей и неожиданным открытием: как много, оказывается, на свете доброжелательных, отзывчивых и душевных людей, готовых передать тебе свои знания и опыт, помогать в духовном и нравственном развитии, быть с тобой рядом и в радости, и в трудные минуты.

...Погрузившись на станции Канаш в четыре товарных вагона, наша воинская команда отправилась в дальний путь. Сопровождавший ее старший лейтенант, устроив переключку по вагонам, так и сказал: “Настройтесь на дальнюю дорогу!” Стало ясно, что едем вовсе не в Энгельс, как нам говорили на медкомиссии, а неизвестно куда. Мы, шестеро уроженцев Октябрьского района - Валентин Меркулов, Георгий Оков, Алексей Павлов, Алексей Разумов, мой одноклассник и однофамилец Николай Иванов, разместились на нижних нарах четвертого вагона. Впервые мы встретились во время прохождения летной комиссии в Чебоксарах. Немного позже, перед самым призывом, они заезжали ко мне и домой. Рядом с нами занимали места трое козловчан. За время холодного (на улице стояли жуткие морозы) и полуголодного пути мы узнавали друг друга лучше, в нас стали проклевываться и зерна дружбы. На других нарах расположились ребята из Алатыря, Порецкого, Ядринского, Марпосадского районов.

Ехали долго, недели четыре, может, и больше. Бегая на останках за кипятком или в поисках угля и дров для вагонной железной печурки, которую обычно накаливали докрасна, или для покупки на свои жалкие, тающие на глазах рубли какой-либо еды, многие из нас не раз отставали от эшелона, но потом всегда умудрялись догонять его. Если повезет, то в пригородном поезде, чаще всего - в открытом товарняке, закрыв лицо ладонями от свирепого, проникающего во все щели ветра. У иных в пути угрожающе подсакивала температура, их снимали с поезда и оставляли в местной больнице или госпитале, но и они догоняли свою команду, а то и обгоняли ее. Наше многосуточное путешествие прервалось в Хабаровском крае на крохотной железнодорожной станции Возжаевка Амурской области. Крохотным был и пристанционный поселок, но разместившийся рядом авиационный гарнизон, тем не менее, выглядел весьма солидным: тут стоял истребительный полк, размещались две авиационные школы - воздушных стрелков-радиостов и младших авиаспециалистов, батальон аэродромного обслуживания и т.д.

Вместо училища военных летчиков мы оказались в первой из этих школ. Весь ее курсантский контингент состоял теперь из парней, отобранных для учебы в Энгельсском училище в республиках и областях Приволжского военного округа. Видимо, командование ВВС внесло коррективы в свои планы (назревала война с Японией), решив пополнить ими, обучив за короткий срок в 58-й ШВСР, бомбардировочные авиационные части Дальнего Востока. Из казарм мы отправлялись на занятия рано-ранехонько в ротном строю, с песнями, и возвращались поздно вечером, тоже с песнями. Столовая находилась там же, в трехэтажном здании школы, кормили нас, мягко говоря, очень скромно, чувство голода не покидало курсантов ни утром, ни днем, ни вечером. И потому мы чертовски были обрадованы, когда за месяц до начала боевых действий против Японии школу перевели на первую (фронтовую) норму. Школа наша почему-то и называлась (вполне официально) фронтовой, может, потому, что находилась она лишь в нескольких десятках километров от границы. Начали нас часто поднимать по тревоге. Курсанты несли и караульную службы в гарнизоне, охраняли самолеты на аэродроме, позже стали готовить для них боекомплекты (снаряды и пулеметные ленты), обслуживали зенитные пулеметные установки.

Ждали мы сигнала тревоги и в первой декаде августа. Однажды вечером по приказанию взводных командиров скатали шинели, заполнили патронами подсумки и на ночь сложили их на тум-

бочки, стоявшие рядом с кроватями. С восьмого на девятое августа ночью действительно прозвучал сигнал тревоги. В считанные минуты вся наша 58-я ШВСР выстроились в полном боевом снаряжении. Начальник школы майор Чуйков зачитал приказ о мерах по обороне гарнизона для отпора возможного нападения японцев. Затем, уже на рассвете, когда перед школой начался митинг, с аэродрома стали подниматься "яки". Набирая высоту, они брали курс на позиции Квантунской армии. А мы, курсанты, в тот же день приступили к экстренной сдаче экзаменов. Узнав, что желающие могут сразу поехать в часть, я поспешил в кабинет, где велась запись. Рассудил: разве плохо, если мы, ребята из одного района, окажемся в одном полку. Но их там не было (занимались мы в разных группах), и все же меня и некоторых из них занесли в список желающих отправиться в часть.

И вот мы, девяттеро вчерашних курсантов, на вторые сутки прибыли в пригородном поезде на станцию Бобстово, а оттуда в кузове "Студебеккера" подъехали к штабу 782 скоростного бомбардировочного авиаполка 10-й воздушной армии, который размещался в блиндаже у подножия невысокой, заросшей кустами орешника сопки. Из-за гор, подковой окружавших аэродром, взлетная полоса которого была выложена металлическими плитами, выплывал огненно-красный солнечный диск. На стоянках самолетов гудели моторы, экипажи пикирующих бомбардировщиков Пе-2 готовились к вылетам. В штабе находился только дежурный, нам было велено подождать. Разлеглись в кустах, чтобы вздремнуть, но тут же вскочили, услышав чей-то зычный командирский голос. Он принадлежал, оказывается, начальнику штаба полка майору Ветряку. Через минуту мы стояли перед ним в блиндаже. Коротко побеседовав, он распределил нас по эскадрильям. Из девяти прибывших трое были уроженцами Чувашии, и каждого из нас начальство направил в разные эскадрильи: Алексея Разумова - в первую, меня - во вторую, Петра Лукина - в третью. Вместе с нами должны были прибыть в Бобстово также Алексей Павлов и Валентин Меркулов, но в момент отправления группы в школе их не оказалось, старшиной роты они были направлены в Куйбышевку Восточную, где располагался штаб корпуса, за продуктами. (Спустя года два мы с ними все же встретились).

В первые дни наш полк наносил удары по войскам противника из аэродрома Бобстово-два (вблизи Биробиджана), а по мере продвижения фронта перемещался все дальше на восток. Утром

эскадрильи вылетали на боевое задание из одного места, возвращаясь, приземлялись на другое. Мы, новички, сразу почувствовали, что оказались в спаянном, сплоченном коллективе, ощущали благожелательное, доброе отношение к себе, особенно со стороны стрелков-радивов. Почти все они были опытными летунами и опекали нас, новичков, оберегали от ошибок и оплошностей. Словом, были как заботливые старшие братья.

Войну полк завершил на Южном Сахалине. Свои Пе-2 он оставил на здешнем, бывшем центральном японском, аэродроме Атеай, а сам перебазировался на морском транспорте во Владивосток. Здесь мы расположились на берегу залива в районе Черной речки. И пробыли тут около двух месяцев почти под открытым небом. Благо, осень была теплая, без дождей. Привезли нам откуда-то старые доски, и мы возводили из них крышу над головой - жилища наподобие шалашей и сарайчиков. В нашей эскадрилье были, не считая нас с Асхатом Вагазовым, с которым мы прибыли из Возжаевки вместе, еще трое "салаг" (ребят последнего призыва) - электрик Леонид Фридман, моторист Иван Боголюбов и мастер по вооружению Иван Щербанюк. Друг с другом мы скоро нашли общий язык и впятером построили себе отдельный сарайчик (у нас оказался и свой "прораб", - Леня до армии занимался изготовлением ящиков для снарядов). И в нашем жилище разместилась подлинно интернациональная семья - русский, еврей, украинец, татарин и чуваш. О чем мы только не разговаривали, каких только вопросов не обсуждали и в каких только уголках Владивостока не побывали. Несколько раз ходили в цирк, часто посещали кинотеатры, солдатские и матросские клубы, где все время шли концерты самодеятельных коллективов, устраивались и танцы.

Исторические события, если они в целом относятся даже к числу великих, в реальной жизни проявляются, видимо, двояко - и позитивно, и мрачно негативно. Не все, что происходило тогда в городе, воспринималось мажорно, мы видели и немало такого, что тревожило, беспокоило наши неокрепшие души.

Свободного времени было у нас достаточно, занятий каких-либо, если не считать политинформаций, не проводилось. В воинских частях и подразделениях, которых во Владивостоке набралось тогда великое множество, - здесь их накапливали для переброски на Сахалин, острова Курильской гряды, Камчатку, Чукотку, - праздновали победу. Пили и с радости, что враг разгромлен, и за помин души погибших. Спиртное (японскую рисовую водку-саке) солда-

ты навезли с собой отовсюду, где они воевали. Обстановку тех дней в городе можно считать наглядным примером той истины, что войска, оказавшиеся без дел, без твердой дисциплины, не занимающиеся боевой подготовкой, - это опасное сборище людей. На центральной, переполненной пешеходами улице Владивостока среди бела дня раздавались автоматные очереди. Однажды мы оказались свидетелями и такой картины: пьяный солдат, выкрикивая слова угрозы, размахивал, стоя посреди улицы, зажатой в руке гранатой.

Ни для кого не было секретом, что от таких "праздников" ежедневно случались десятки жертв. Заместитель командира полка по политчасти на утреннем построении сообщил нам, что в городе ежесуточно патрулируют по пятьсот матросов, солдат и офицеров, что по приказу Верховного главнокомандующего маршала И.В. Сталина патрульным вменено в обязанность за бандитизм и мародерство расстреливать на месте. Но обстановка окончательно нормализовалась во Владивостоке лишь тогда, когда войсковые части были погружены на транспортные суда, которые сразу отчаливали от берега и становились на рейд перед выходом в море. Предстояло им перебазироваться на "край земли" - Курильские острова, полуостров Камчатка и на Чукотку.

Перед этим там же, во Владивостоке, проводилась демобилизация девушек. В нашей летной части, где личный состав состоял только из офицеров и сержантов, они исполняли целый ряд должностей младших технических специалистов, а также штабных работников. Некоторые из них, демобилизовавшись, сразу же вышли замуж за офицеров.

А.Д. Если люди долгое время находятся вдали от родных корней, от той земли, которая их вскормила с детства, где они оставили близких и дорогих людей, их обычно обуревают ностальгия. Ведь тоска по родным местам, близким людям - одно из самых сильных, хотя и благородных, но и гнетущих человеческих чувств. Не угнетала ли она вас, молодых военнослужащих, которых после окончания войны судьба забросила, как принято говорить, к черту на кулички?

М.И. Окончание Второй мировой войны внесло перемены в жизнь каждого из нас, в том числе и "салаг", хотя мы ими числились еще года три-четыре, так как после нас в армию долгое время никого не призывали. Но пора юности закончилась, и для нас наступило совершеннолетие. Мне выпала доля встретить его за морями-океанами, в немыслимой дали от малой родины. В конце

октября сорок пятого огромное американское грузовое судно, до предела нагруженное личным составом и транспортными средствами нескольких воинских частей, в числе которых был и наш полк, покинуло владивостокскую бухту и вышло в бушующее осенними штормами Японское, и затем - Охотское море. Нашу многотонную стальную громадину море швыряло как щепку, волна то подбрасывала ее на десятки метров вверх, то кидала, словно игрушку, куда-то вниз. Огромные потоки воды перекатывались через палубу. Сотни людей, запертые в задраенных трюмах, страдали от морской болезни. И это жестокое испытание на выносливость длилось более десятка дней, пока наш корабль не спрятался от шторма, войдя в Авачинскую бухту.

Командование 18-го авиакорпуса разместило наш полк там, где уже располагался штаб этого соединения, перебравшийся сюда чуть раньше из Хабаровского края, - на аэродроме Елизово, в тридцати километрах от Петропавловска-на-Камчатке, почти у подножия Корякской сопки, действующего вулкана полуострова. С давних пор тут стояла авиационная часть, имевшая на вооружении американские истребители "аэрокобра". Сказать, что нас тут ждали, было бы преувеличением. "Старожилы" и сами находились в стесненных условиях. Офицерам прибывшего полка - пилотам, штурманам, инженерам, техникам пришлось квартироваться в семьях ближайшего села Елизово (оно давно уже получило статус города) и других деревень. Прежние "хозяева" все-таки выделили нам одно казарменное помещение. Командованию части пришлось "вселить" в него технический персонал (сержантов) всех трех эскадрилий, так что людей набилось в нем как сельдей в бочке. Нам же, стрелкам-радистам второй эскадрильи, повезло: на лесной опушке рядом со стоянкой самолетов мы обнаружили занесенную снегом землянку и, осмотрев ее, обратились к начальству с просьбой, чтобы нам разрешили занять ее. Получив добро, быстро привели ее в порядок, соорудили нары, столы, установили железную печь. И землянка стала для нас и маленькой казармой (для 8-10 человек), и учебным классом. Теперь начальник связи эскадрильи старший лейтенант Устинов все чаще начал тренировать нас в приеме-передаче морзянки, а радист-механик старшина Орехов - обучать эксплуатации радиостанций нового для нас самолета - А-20, прозванного по имени крупного промышленного центра на северо-востоке США "бостоном", и на который всем нам предстояло переучиваться.

Словом, жизнь начала входить в нормальную армейскую колею. Питались мы в гарнизонной летной столовой, кормили нас по весьма привилегированной пятой норме, о лучшем не стоило и мечтать. Когда по приезде сюда мы впервые пришли на обед, сразу столкнулись с сенсационным фактом: на Камчатке во все времена года военнослужащим каждый день выдавали фронтовые сто граммов, точнее, сорок два грамма спирта. И пользовались мы этим наркомовским стимулом несколько лет, пока его не отменили. Были для воинов-камчадалов и некоторые иные льготы. Как-то всему летному составу, например, выдали легкие, теплые, удобные в носке канадки - импортные куртки из высококачественного искусственного меха. А самая существенная камчатская привилегия заключалась в оплате, каждый из нас получал очень приличную сумму - по четыре оклада в месяц. Правда, мы их нередко тратили безалаберно; бывая в командировках, денег на развлечения не жалели. Если у родителей возникали сложности, неурожай и т.д., в первую очередь, конечно, помогали им. К концу службы, тем не менее, все мы имели какой-то финансовый резерв, который затем весьма пригождался в годы учебы.

Потому, мне думается, отправляя людей, в частности нас, военных, в отдаленные края, высшие органы власти и командование Вооруженных сил стремились компенсировать и трудности их быта, и длительную оторванность от родных мест, и тоску по ним. А ностальгия, о которой вы, Анатолий Порфирьевич, упомянули, тем не менее, ни с чем не считалась, одолеть ее было очень непросто. Самым мучительным оказалось ожидание писем. Вот прибыли мы на Камчатку и узнали, что письма отсюда до Центральной России идут не менее месяца, так что первую весточку из родного дома можно было ожидать не раньше, чем через два месяца. А еще ведь бывали у нас и командировки, которые продолжались месяцами. К тому же ежегодно проводимые демобилизации старших возрастов и их отъезд на Большую землю невольно порождали мысли о том, когда же такое станет возможно и для нас, хотя каждый прекрасно понимал, что служить нам еще как медному котелку. Действенным противоностальгическим средством было для меня, вероятно, как и для многих, пристрастие к художественной литературе. А книг в библиотеках гарнизонных клубов и домов культуры было достаточно. Но самое главное, суровая армейская служба редко оставляла нас наедине с ностальгическими воспоминаниями и размышлениями. В ней постоянно происходили перемены,

изменения, она не была монотонной и однообразной, да еще случались и разного рода происшествия, в том числе и трагические, без которых авиация, к сожалению, никогда не обходилась.

Ко времени нашего приезда на аэродроме Елизово находилось шесть-семь “бостонов” - двухмоторных американских бомбардировщиков среднего радиуса действия. Интересным показался нам факт их появления на советском полуострове. Они были из тех самолетов, которые в годы Второй мировой войны базировались на ближайших к Камчатке американских островах и оттуда совершали боевые вылеты на Курильскую гряду. Их маршруты пролегли вдоль побережья нашего полуострова. Если чья-то машина оказывалась поврежденной японцами, то летчик, как предусматривало советско-американское соглашение, сажал ее в Елизово. Помню, как рассказывал один из тогдашних елизовских летчиков, потом переведенных в наш полк, о том, как он, будучи дежурным по аэродрому, обеспечил посадку целой эскадрильи “бостонов”. Они приземлились здесь потому, что была повреждена машина их командира (такое тоже предусматривалось соглашением). В целом, очевидно, все это соответствовало условиям поставки Соединенными Штатами “бостонов” для Советской Армии, осуществляемой по Ленд-Лизу. Значительное их количество участвовало в боевых действиях на Западном фронте. Потому и все садившиеся в Елизово американские самолеты (и подбитые, и исправные) оставались тут, а экипажи возвращались на свою базу. На Камчатке, оказывается, имелись уже два полка, укомплектованные (правда, лишь частично) “бостонами”, они размещались в тридцати-сорока километрах от Елизово на двух аэродромах - Коряках Южных и Коряках Северных. Как и эти войсковые части, наш полк входил в состав 83-й авиадивизии.

В течение зимы наши летчики и технические службы изучали, осваивали новую для них технику. Она во многих отношениях отличалась от советских пикирующих Пе-2. За несколько месяцев все экипажи совершили на “бостонах” по несколько вылетов. А весной последовал приказ: полку перебазироваться на аэродром Северные Коряки.

И наша войсковая часть пополнила здешний гарнизон, который составляли батальон аэродромного обслуживания и 903-й авиационный полк. У них имелась приличная материальная база: штабные, казарменные помещения, столовые, санитарная часть, дома для офицерских семей, склады, магазин военторга и т.д. Правда, все они были возведены из местного стройматериала, каковыми тут являлись ольха и береза, но смотрелись добротно, ведь соору-

жали их явно стройбатовцы. Мы же оказались тут, можно сказать, на голом поле (хотя и аэродром, и гарнизонный поселок со всех сторон окружали леса) и разместились в палаточном лагере. В этих американских вместительных палатках (в каждой из них размещался весь сержантский состав одной эскадрильи) нам пришлось обитать года два. Но с первых же дней мы тоже вели строительство, притом, лишь своими силами, стройбата в гарнизоне уже не было. Сами валили деревья по берегу буйной горной реки Авача, распиливали их на пилораме и сами же начали возводить учебный центр и казарму. Все это делалось как бы во внеурочный час, в дополнительное время, а главной задачей полка оставалась учеба, летная подготовка экипажей, полеты.

И вот ровно через год пребывания на Камчатке все экипажи полка выехали обратно на материк. Впереди нас ожидала длительная командировка, важное задание и... большие неприятности.

И ТЕРЯЛИ ДРУЗЕЙ БОЕВЫХ

А.Д. В том, что вы сейчас рассказали, с познавательной точки зрения, безусловно, содержится много интересного, раскрывающего, как окружающая среда, обстановка влияют на мировоззрение человека, его духовное развитие и взросление. Вместе с тем, оно воспринимается и как прелюдия, пролог к чему-то важному, поучительному. Что же произошло дальше? О какой продолжительной командировке вы упомянули? Куда и с какой целью отправились экипажи вашего полка?

М.И. Получилось так, что освоив новую технику, мы оказались «безлошадными». У нас было всего несколько самолетов, выделенных для переучивания двумя коряжскими полками одной дивизии, в которую теперь входили и мы. И в конце первого послевоенного года наша часть получила задание перегонять «бостоны» из Красноярска, куда они были пригнаны после разгрома Германии. Всем экипажам полка вновь пришлось, захватив с собой зимнее летное обмундирование и парашюты, преодолеть просторы двух морей. Затем, проехав несколько суток поездом, во второй половине декабря мы оказались в авиагородке на берегу Енисея, очень внушительном по размерам территории и застройке.

В Красноярске стояли не просто лютые, а, как уверяли местные жители, небывалые даже для здешних мест морозы. Небо

казалось прозрачно чистым, в нем не было ни облака, в застывшем воздухе не ощущалось и малейшего дуновения, и над землей зависла густая белесая дымка. Столбик термометра много дней подряд держался ниже пятидесяти градусов. В большом зале гарнизонной гостиницы, где рядами стояли десятки узеньких железных кроватей, тоже было нестерпимо холодно, вздремнуть ночью можно было только в меховых комбинезонах, шапках и унтах. Посредине зала стояла большая железная печь, но топить ее было нечем. И нам приходилось действовать по принципу «спасайся, кто как может»: искали добрых людей, просились квартирантами к жителям авиагородка. По утрам экипажи уходили на аэродром.

Там каждый имел «свою», прикрепленную машину. Считалось, что самолеты находятся «в строю», но в действительности их техническое состояние было далеко не идеальное, ведь они не эксплуатировались целый год. Экипажам следовало все проверить, прощупав все своими руками, выявить неполадки и с помощью специалистов устранить их. Но делать это в такие морозы было нелегко. Стоило дотронуться рукой, сняв краги, до какой-либо детали, как пальцы сразу становились белыми, бесчувственными, их следовало скорее окунуть в бензин, где отморожение снималось быстро. Как бы ни было, дело делалось. Наш экипаж, как и некоторые другие, проверил готовность машины и в полете, покружившись в зоне над Енисеем. Командование полка распределило экипажи по группам и установило их очередность вылета из Красноярска. Когда группе подходила очередь, ее механики рано утром спешили на стоянку, чтобы прогреть «полярными печами» моторы. Затем к ним присоединялись пилоты, штурманы, стрелки-радисты и общими силами готовили к полету материальную часть и себя, после чего оставалось только ждать разрешения на вылет. Но вместо «добро» часто давали «отбой» (из-за плохих погодных условий). И люди шли в столовую на обед, прихватив с собой, чтобы согреться, наполненную спиртом флягу.

Однажды после такого отбоя, когда мы уже заканчивали обед, официантка, обслуживавшая нас, передала нашему командиру Игорю Голубеву, что его просят срочно выйти в коридор. Мы со штурманом остались на месте. Прошло несколько минут, и из коридора послышался глухой треск, на который в зале особенно никто и не среагировал. Но тут же у нашего стола оказался Алеша Разумов и сходу выпалил: «Там вашего командира уводят патрули!» В коридоре мы никого не застали, командира увидели уже на улице, и толь-

ко издали, он помахал нам рукой. А у входа в столовую в это время санитары заносили в машину с красным крестом носилки, на которых лежала раненная молодая женщина. Вскоре мы услышали от официанток, что она - врач гарнизонной больницы и постоянно бывает в летной столовой для проверки качества готовых блюд, что с первого же дня, как только увидела нашего командира, она «положила свой взгляд на него», постоянно искала повода для встреч. Игорь нравился многим женщинам, он был еще совсем молод, строен и симпатичен, общителен, обходителен, играл на гитаре и обладал чудесным голосом. Год назад он женился на прекрасной девушке, с которой дружил со школьных лет, за месяц до командировки у них родилась дочь. Молодая докторша, как потом свидетельствовали местные женщины на суде, шла на все, чтобы «поймать его в свои сети». Через несколько дней нам со штурманом Александром Фесенко разрешили встретиться с Игорем в гарнизонной гауптвахте. Он был подавлен, переживал случившееся и осуждал себя, что в ответ на интриги и провокации допустил непростительный промах: чтобы она отвязалась, решил припугнуть ее - вытащил из кобуры пистолет и выстрелил в потолок. От ее же толчка пуля угодила ей в голову. Судили его здесь же, в авиагарнизоне. В комнате судебного заседания присутствовало немало женщин, они открыто выражали свое сочувствие Игорю.

...Шел уже февраль. Группы одна за другой оставляли Красноярск. В числе первых из моих земляков улетел Петя Лукин, после него проводил Алешу Разумова, Алешу Великанова. Командиром нашего экипажа выбрали, причем, здесь же, на месте, опытного, имевшего достаточный налет на «бостонах» Павла Белостова. Оказались мы теперь в замыкающей группе из шести экипажей. День нашего вылета пришелся на начало марта, природа дышала уже первыми признаками весны. Вылетели мы не с группой, а самостоятельно, в качестве разведчика погоды. Она, погода, была нормальной, но полет наш проходил, как поется в популярной шуточной песенке американских летчиков, «на честном слове и на одном крыле». Во-первых, в моей кабине стрелка-радиста не было дверцы от люка (непонятно, кому и зачем понадобилось снять ее) и ничего не стоило провалиться в него. Чтобы такое не случилось, механик Скобелевский, которого в наш экипаж определили тоже в Красноярске, заложил отверстие люка прочным фанерным листом, на который расстелил массивные зимние моторные чехлы, а сверху улегся сам.

Окажись что-то непредвиденное, выпрыгнуть в люк не смог бы никто. К тому же, у механика вообще не было парашюта. Вторых, наблюдая в иллюминатор, я заметил, что из радиатора правого мотора брызгает тоненькая пока масляная струйка. Доложил о том командиру, он распорядился, чтобы Скобелевский последил, как радиатор поведет себя дальше. А он вел себя весьма непристойно: брызги фуговали все сильнее, они покрыли немалую площадь фюзеляжа и облачком тянулись сзади мотора. Но до аэродрома Белая, к счастью, было уже близко, и мы приземлились нормально. Через полчаса совершили посадку и другие экипажи.

А.Д. Похоже, что ваша служба в авиации все годы была связана с риском. Без серьезных происшествий, жертв и трагедий в ней не обходилось никогда. Да и в настоящее время средства массовой информации обильно снабжают нас сведениями подобного рода. Михаил Иванович, как воспринимали их в ваши годы сами летчики? Как чувствовали они себя, зная, что не застрахованы от любых случайностей? Или у них уже зачерствели души и закаменили сердца?

М.И. Заданные вами вопросы и в самом деле подсказывает сама жизнь. Хотя чувство риска, отсутствие гарантий безопасности в настоящее время возросли многократно, притом, независимо от рода занятий людей. Но это отдельный разговор, у нас же беседа о временах давно прошедших. Действительно, в те годы, впрочем, как и сегодня, имелись профессии, особенно в вооруженных силах, которые не исключали проявление риска не только в периоды военных действий, но и в мирные дни, не только на фронте, но и в тылу. Находясь немало лет на Дальнем Востоке, мне не раз доводилось слышать, например, в том числе и от живых очевидцев, о том, в каких тяжелейших, сложнейших условиях работали здесь летчики, перегонявшие американские самолеты, получаемые по Ленд-Лизу в США, из Аляски в Сибирь. Среди авиаторов хорошо была известна поговорка, что на маршруте Чукотка-Сибирь заблудиться невозможно, так как он на всем протяжении покрыт костями летчиков и обломками разбитых самолетов.

Похожие трагедии не миновали и нас. На аэродроме Белая нам сообщили о постигшем наш полк большом несчастье. Трудно было поверить, что нам не суждено больше увидеть членов двух экипажей, входивших в группу капитана Андрианова. С этой группой месяц с лишним назад я провожал в Красноярск и своих друзей по 58-й ШВСР - Разумова и Великанова. И вот первого из них

уже нет на свете. О том, как случилась трагедия, излагаю по воспоминаниям Алексея Великанова.

Катастрофа произошла 27 февраля 1947 года. В этот день группа вылетела из Укурея. Слева от ведущего находился экипаж Калейникова, в котором радистом был Великанов, справа - Николаенко (радист Иван Супрунов), и в краешке клина - экипаж Бирюкова (у него радистом был Алеша Разумов). Вокруг все

**Друзья по военной службе в дальних краях:
два Алексея – Разумов
и Великанов.**

утопало в густой дымке. После взлета самолеты долго шли с набором высоты, чтобы выбраться из тумана. Бирюков передал по радио, что он начинает отставать, ибо слабо тянут моторы. Когда достигли высоты шесть тысяч метров, командир группы накренил машину вправо, Николаенко последовал его примеру, и оба корабля исчезли в «молоке». Экипаж Калейникова шел теперь по маршруту в одиночестве. Видимость была скверной. Великанову удалось связаться с аэродромом посадки, и они благополучно приземлились в Куйбышевке Восточной. Уже на земле Великанов услышал голос Андрианова, он находился в воздухе и разыскивал группу, но вскоре тоже совершил посадку. О двух других экипажах не было никаких вестей. Лишь на другой день нам сообщили из комендатуры, что обнаружен сгоревший самолет Бирюкова. У членов экипажа не сохранилось никаких документов. Только у Разумова, лежавшего вниз лицом на бронеплите, уцелела в нагрудном кармане красноармейская книжка... Через день или два в Куйбышевке появился Николаенко. Он не помнил, что произошло и как выпрыгнул из самолета. Позже, выявляя причину катастрофы, комиссия пришла к заключению, что он, уйдя с креном от ведущего, столкнулся с Бирюковым...

Лешу Разумова, как и весь экипаж, с почестями похоронили жители таежной деревни, вблизи которой упал их самолет. А кто и как предал земле членов второго экипажа - штурмана, стрелка-радиста и механика, командир которых остался жив (все они были

из нашей второй эскадрильи), мы долгое время ничего не знали. С Супруновым я постоянно общался и «дома», на Камчатке, и во время командировки. Он был сибиряк, парень физически крепкий, любознательный и упорный в достижении своих целей. В Красноярске он познакомился с доброй, симпатичной девушкой, проживающей вдвоем с матерью в авиагородке, говорил, что полюбил по-настоящему и повстречался даже с ее матерью... Трагедия над сибирской тайгой имела для меня и непростую нравственную проблему, которая время от времени напоминала о себе конкретными вопросами. Например, таким. Скомандовал ли командир членам экипажа перед тем, как выпрыгнуть на парашюте самому, чтобы они покинули корабль? К тому же, зная о том, что радист едва ли сможет это сделать, так как у него в кабинете находится беспарашютный механик. Комиссия не считала его виновным, он и после аварии продолжал служить в нашем же полку. Но механики наши после этой трагедии предпочитали находиться во время перелета не со стрелками-радистами, а лежать на животе в кабинах пилотов за их спинами (сидеть там просто не было места).

Единственному из земляков, окончивших вместе с Алешей Разумовым 58-ю ШВСР, последние десять дней перед трагедией довелось провести вместе с ним Петру Глебову. Он в то время находился в Укурее на переучивании, и когда приземлились четыре "бостона" нежданно-негаданно, встретился с ним. Все дни были вместе, даже кровати в гостинице поставили рядом, вспоминали родную Чувашию, разбросанных по Дальнему Востоку и Сибири друзей по военной школе. Расстались они в день вылета группы. А к вечеру до Укурей дошла весть о катастрофе. Можно представить, как было тяжело Петру написать о случившемся в Опнеры, отцу и матери Алеши - Никите Филипповичу и Анне Степановне.

На душе было скверно, неуютно. Она еще была полна переживаний от суда над Игорем Голубевым. И тут же - более страшная беда, новый безжалостный удар под дых. И вообще, о том перелете из Красноярска на Камчатку можно рассказывать долго. Он сопровождался, к сожалению, целым рядом чрезвычайных происшествий. После потери двух экипажей все группы надолго были задержаны на тех аэродромах, где они находились в те дни. От начальства поступило приказание основательно проверить материальную часть, провести необходимые по

регламенту технические мероприятия, заменить отработавшие срок детали, даже моторы.

Вылет из Белой нашей группы разрешили только в конце марта, а в начале апреля она приземлилась в Куйбышевке Восточной, где присоединилась к основной массе экипажей полка. Здесь всех нас задержали, вновь и надолго - на целый месяц. По какой причине, этого нам никто не раскрывал. Но мы и сами догадывались, в чем тут дело, ибо видели, как по железнодорожной ветке, проложенной к Благовещенску, непрерывным потоком движутся эшелоны с боевой техникой. На платформах стояли закрытые брезентом танки, самоходки, артиллерийские орудия, автомашины... Мы понимали, кому все это предназначено. Китайская народно-освободительная армия, которая в боях с войсками Гоминьдана терпела поражение, удерживала лишь небольшую территорию, примыкающую к границе с Амурской областью. Через какое-то время именно отсюда начала она свое мощное наступление. Потому мы ни у кого и не спрашивали, зачем так долго, целый месяц, нас тут продержали.

Еще дольше пробыли мы в Комсомольске-на-Амуре. Но здешняя задержка была предусмотрена заранее. Тут, в поселке городского типа Дземга, километрах в пятнадцати от центра Комсомольска, раскинулся большой самолетостроительный завод, выпускавший в войну бомбардировщики для дальней авиации. Наши "бостоны" теперь по очереди "за-

гоняли" в сборочный цех и устанавливали в них дополнительные бензобаки. К тому же инженерная служба полка организовала на заводском аэродроме пункт технического обслуживания перегоняемых самолетов. Словом, дел разных было немало. Но нам тут нравилось: бывали в цехах завода, знакомились с девушками, вечерами встречались с ними на танцах, ходили в кино или на концерты в заводской Дворец культуры.

*Михаилу двадцать лет
(Комсомольск-на-Амуре).*

Улетели из Комсомольска в разгар лета. Выпускали нас отсюда, как и на других аэродромах, группами. Попасть на Камчатку можно было лишь с посадкой в Николаевске и Магадане. И столица проклятого тысячами людей Колымского края, где мы несколько дней ждали летной погоды, преподнесла нам приятный сюрприз. Разве могли мы предполагать, что на этой забытой Богом каменистой, скалистой земле увидим и послушаем легендарную исполнительницу русских народных песен Лидию Русланову, кумира сотен тысяч любителей лирической эстрады Вадима Козина и целый ряд других знаменитостей, оказавшихся на Колыме отнюдь не по своей воле. Их концерт в городском Дворце культуры гулаговского лагеря ссыльных, на котором нам удалось побывать, произвел на зрителей, конечно, и на нас, ошеломляющее впечатление. Так что души наши не очерствели. В почетной ложе зрительного зала за ходом выступлений на сцене наблюдал сам начальник Колымы с помощниками. Местная молва доносила, что он является одним из постоянных посетителей концертов своих "подопечных".

Не секрет, что самое чудесное, прекрасное в жизни порой соседствует с чем-то мрачным, нелепым. На рассвете следующего дня я проснулся в комнате деревянного барачного сооружения (в нем мы ночевали с механиком), которое почему-то называлось гостиницей, с каким-то странным ощущением. И вдруг на тумбочке рядом с кроватью заметил огромную крысу. Она неподвижно смотрела на меня и прыгнула на пол лишь тогда, когда я, перетрухнув, схватился за подушку. В тот же день мы оставили Магадан, увозя о нем сочетание самых странных, противоречивых впечатлений, и во второй половине дня приземлились в своих Северных Коряках.

А.Д. Стремление человека взлететь в небо, желание парить в его просторах, как птица, испокон веков считалось романтической мечтой, ведь неслучайно придумали люди сказки о коврах-самолетах. Или вспомним буревестника, гордо реющего "над седой равниной моря". По мнению многих, летчики, космонавты и сегодня относятся к представителям романтических профессий. Не противоречит ли такое мнение тому, с чем вам пришлось столкнуться за время длительной командировки?

М.И. До ответа на ваш вопрос хочу коротко сообщить о второй своей командировке на материк. Это как бы продолжение уже начатого рассказа. После возвращения в свою эскадри-

лью я пробыл в ней лишь около полутора месяцев. Назначенный в экипаж старшего лейтенанта по фамилии Козинец, я вновь оказался в составе группы, направляемой за "бостонами". Теперь в нее входили экипажи из разных полков дивизии, и направлялась она не в Сибирь, а уже в знакомый нам Комсомольск на Амуре. Приехали мы сюда в начале осени. В остальном все делалось по-прежнему. Заводчане устанавливали в наших машинах бензобаки, технари готовили их к полетам. Но возникали иногда и какие-то новые впечатления. Как-то в воскресенье с механиком из соседнего полка мы решили съездить в город, просто так - прогуляться, поразвлечься. Нам повезло, вывешенные в разных местах афиши извещали, что сегодня футбольная команда города "Динамо" встретится с командой Хабаровска. На Дальнем Востоке "Динамо" считалось лучшей командой, ее тренировал тогда один из прославленных мастеров кожаного мяча, знаменитых братьев Старостиных, оказавшийся в здешних краях во времена гулагов. Запомнилось, как в ходе игры тренер - одет он был в военную форму без знаков различий - прохаживался по краю футбольного поля и что-то подсказывал игрокам.

...В группу нашу входили семь или восемь экипажей. Когда разрешили вылет, все прилетели в Николаевск-на-Амуре. Следующий солидный отрезок маршрута до Магадана считался более сложным, он проходил частично над морем, частично - вдоль побережья скалистых гор. Наш экипаж, назначенный разведчиком погоды, вылетел на полчаса раньше группы. Вначале погода была благоприятной, но затем над морем появилась "дымка", начал сгущаться туман. И как назло, у меня в наушниках исчезла слышимость, судя по всему, никто не слышал и меня. Я уже догадывался, что нет соединения самолетной антенны с приемо-передатчиком. Сама антенна была цела, она хорошо просматривалась с турели стрелка. Радиостанция на "бостоне" находилась не в кабине стрелка-радиста и попасть к ней во время полета не было никакой возможности. Доложил командиру (внутрипереговорное устройство работало нормально) об отсутствии связи. На подступах к Охотску корабль наш находился уже в условиях сплошной невидимости. Командир спросил: как поступим - повернем назад, пойдем дальше на Магадан или попробуем сесть в Охотске? Ответ был ясен без слов, наставление по полетам запрещало вести самолет без свя-

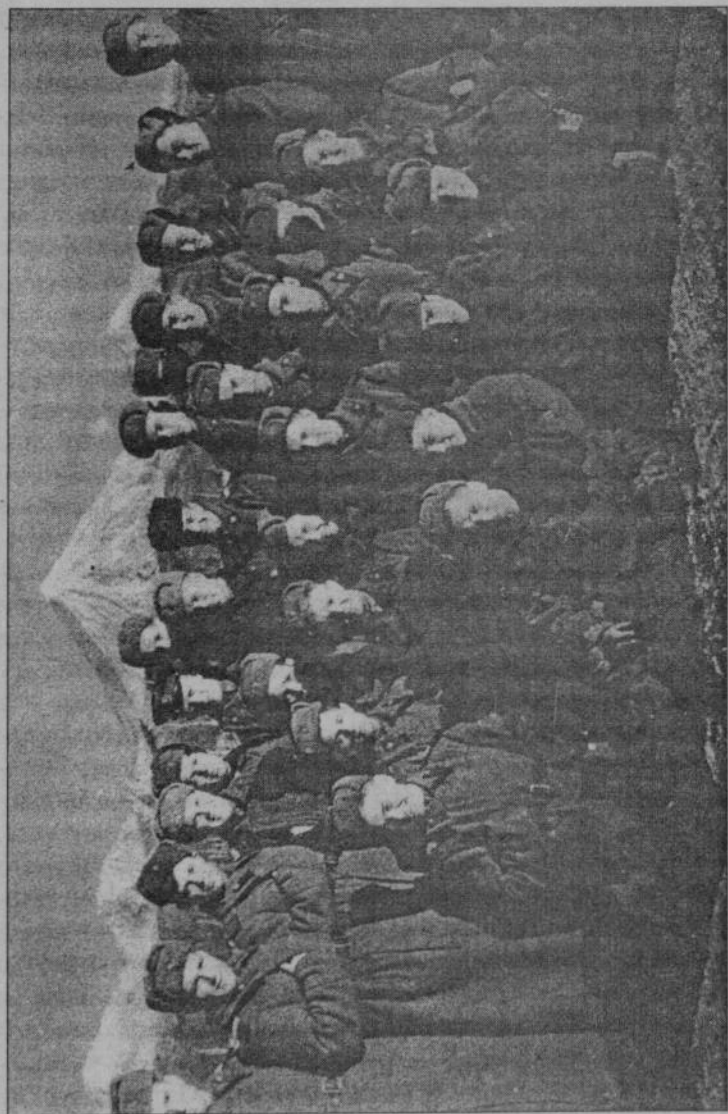
зи. Надо отдать должное мастерству командира: снизившись над морем, он точно вывел машину к аэропорту, окруженному с трех сторон горами, и посадил ее на занесенную свежим снегом взлетно-посадочную полосу. Убедившись в правильности моего предположения по неисправности радиостанции, Козинец со штурманом Николаем Козятниковым направились к расположенным вблизи служебным помещениям.

В одной из комнат этих деревянных домов мы прожили почти трое суток. Не имея никакого представления о том, где теперь находится наша группа. Экипаж наш оказался в незавидном положении. Воинских подразделений на аэродроме не было, нас никто не ставил на продовольственное снабжение. В небольшой аэропортовской столовой кормили только за деньги, а они уже были истрачены. Выручил аварийный бортпаек, которым в ту пору обеспечивались в ВВС все самолеты. Благодаря помощи местных связистов командир сообщил в Магадан, что экипаж наш, совершивший вынужденную посадку в Охотске, просит разрешения на вылет. Но наш механик Гайдабуря начал проявлять беспокойство, что горючего в баках у нас лишь тютелька в тютельку, если при посадке в Магадане вдруг придется пойти на второй круг, то нет гарантий, что его хватит. Командир уточнил, что если не будет встречного ветра, то проблем с бензином не возникнет. Обсудив разные варианты, экипаж решил на авантюру, предложенную механиком. В метрах ста от нашего самолета лежали в штабелях, словно громадные поленья дров, двухсотлитровки - бочки с авиационным бензином. Высмотрев все заранее, после полуночи мы подошли туда вчетвером, приподняли одну из бочек и, дотащив на руках до своего "бостона", перекачали ее содержимое ручным насосом в бак машины... Можно было подумать, что нам покровительствуют сами небеса: утром экипажу разрешили вылет, через пару часов мы приземлились в Магадане, и когда Гайдабуря измерил остаток горючего в баках, то его оказалось там ровно двести литров.

Но делиться с кем-либо эмоциями по этому поводу не пришлось. При встрече нас сразу оглушили страшным сообщением: при перелете на Магадан нашу группу настигла огромная беда. В Магадане подступы на посадку, которые располагались между сопками и требовали точного маневрирования, накрыл плотный туман, выползнув из Охотского моря. И посадку смогли совершить только четыре экипажа. Густой туман покрыл и весь прилегающий

район. Один из экипажей, ища в молочной гуще хотя бы малейший просвет, в горах заметил замерзшее озеро. Оставалось одно - садиться на живот. Командир предложил штурману, чья кабина в "бостонах" размещается в самом начале фюзеляжа, выпрыгнуть на парашюте. Он так и поступил, но попал под винт правого мотора. Остальные три члена экипажа остались живы. Судьба другого экипажа оказалась еще трагичней. Он блуждал в полной невидимости, по радио просил дать ориентиры для выхода на аэродром, пока не выработал горючее... В Магадане уже находилась солидная комиссия, прибывшая из Южного Сахалина (штаба Воздушной армии). Велось расследование, были изданы грозные приказы, но людей-то было уже не вернуть.

Само собой понятно, что потери друзей и товарищей не проходят бесследно. Такими и были для нас первые послевоенные годы. Наверное, слова бардовской песни "времена не выбирают, в них живут и умирают" - это и про нас. Случались потери и позже. Когда наша воинская часть была уже полностью укомплектована техникой и занималась плановой учебно-боевой подготовкой, при выполнении задания в зоне столкнулись два самолета первой эскадрильи. Полк проводил их экипажи в последний путь сразу с несколькими болезненными рубцами на сердце. И все же черные дни проходили, лучи солнца не избегали и нас. Постепенно все мы набирались опыта, знаний, повышали свое мастерство, высокое командование в своих приказах все чаще отмечало успехи полка. На протяжении нескольких лет часть наша не имела ни одной аварии, за что командир полка был премирован легковым автомобилем "Победа", а весь личный состав эскадрильи - солидными денежными вознаграждениями. Особое чувство гордости испытывали мы на полковых, дивизионных учениях, когда экипажи в четком строю, строго соблюдая свое место, эскадрилья за эскадрильей, полк за полком демонстрировали командованию корпуса или Воздушной армии мастерство пилотирования, отличное бомбометание по наземным и морским целям и высокое качество стрельбы из крупнокалиберных пулеметов. В такие часы авиаторы твердо убеждены, что летчики, как и космонавты, безусловно, являются людьми романтических профессий. На мой взгляд, в чем-то они родственны и с журналистами. И те, и другие не могут обойтись без романтических чувств, те и другие - люди избранных, особых профессий.

Бравые и удалые – стрелки - радисты авиаполка. (Михаил – в центре). (1948 г.)

БЫЛИ И СПЕЦЗАДАНИЯ, И ЗАГАДОЧНЫЕ КОМАНДИРОВКИ

А.Д. Казалось бы, нынешней молодежи, тем более нам, людям среднего возраста, многое известно о жизни и делах старшего поколения. Но послушаешь чей-либо живой рассказ о событиях его жизни, его судьбе - и начинаешь думать, как мало мы еще знаем ветеранов, своих отцов и дедов. Но ведь все то, какими они были, как жили, что мы от них получили, должно оставаться новым поколениям. А время не ждет, потом спохватимся, да будет поздно. Оставлять на завтра эту заботу нельзя. Тут многое могли бы взять на себя журналисты, особенно, молодые.

М.И. Совершенно верно. И просто замечательно, что декан факультета, где готовят журналистов, занимает по данному вопросу четкую позицию. Не так давно студенты журфака подарили мне книгу о преподавателях Чувашгосуниверситета, участвовавших в Великой Отечественной войне, полностью написанную ими самими. Уверен, эти ребята, начав работать в газетах, на телевидении и радио, уже не будут равнодушными к подвигу советских солдат и тружеников тыла в годы Отечественной войны, к теме патриотизма и героизма. Хочу только надеяться, что этот наш обмен возникшими мыслями никто не воспримет, как намек на что-то особое в последующем рассказе.

...После возвращения из командировок в нашем экипаже произошло изменение: штурманом в него назначили Ивана Козинченко. Причиной тому, скорее всего, послужило то, что заместитель комэска Козинец получил задание на проведение аэрофотосъемок районов Камчатского полуострова, и что новый штурман был более подготовлен к такой работе. Съемки, а требовались они для составления точных карт, проводились во второй половине лета, когда снежный покров в горах, в основном, уже исчезал. После ознакомления с технологией, приемами картографических съемок с воздуха в 1948 году экипаж приступил к выполнению порученного ему задания.

Вести съемки полагалось только при безоблачной, ясной погоде. Захватив свою меховую одежду и зимние унты, мы утром рано приезжали на стоянку самолета и ждали сообщения метеослужбы. Если оно было благоприятным, мы взлетали и шли с набором высоты к заданному квадрату. Корабль наш должен был подойти к нему на высоте не ниже шести тысяч метров. В кабинах

- в те годы они не были герметичными, - мы находились в зимнем обмундировании и кислородных масках. По пути следования штурман уточнял свои расчеты, а командир то и дело требовал от меня сведений о состоянии погоды. Процесс съемок мне казался пахотой, которую тракторист ведет в колхозном поле. Только он ходил, обрабатывая участок, по кругу, а мы, включив мощные фотоаппараты, установленные в бомболоках, двигались строго по прямой сначала в одну, а развернувшись, - в другую сторону. Если позволяла погода, то съемки продолжались по несколько часов. Порой возвращались на аэродром, полностью выбившись из сил. На стоянке всегда дожидались специалисты фотолаборатории, чтобы забрать заснятые кассеты для проявления. Кстати, начальником у них был чувашский парень из Башкирии. Часто встречал нас из полета врач полка с витаминными таблетками, а иногда и с твердыми, толстыми кусками шоколада, который полагался за высотные полеты, но перепало это нам только изредка.

Аэрофотосъемки продолжались и в следующем году. Заканчивали их в одном квадрате и переходили на другой. Фотографировали и в районе самого мощного камчатского вулкана Ключевская, на побережье Берингова моря и внутри полуострова. Правда, работа на некоторое время была прервана, так как капитана Козинца назначили командиром третьей эскадрильи. Наш экипаж теперь возглавил капитан Черкасов, и съемки были возобновлены, но в другом районе. Нам было приказано начать съемки Курильских островов. Казалось, к их выполнению подготовились особенно основательно.

Получив все необходимые данные для полета в пограничной зоне, пароли, коды, сигнал «я свой самолет» и разрешение на выполнение задания, в один из дней начала сентября наш корабль взял курс к одному из первых северных островов Курильской гряды. Набирая высоту, прошли Петропавловск, Авачинскую бухту. Когда самолет находился над неприветливыми хребтами юго-восточной горной части полуострова, у нас прервалась связь с землей. Судя по всему, произошло то же самое, из-за чего год назад мы произвели вынужденную посадку в Охотске. Командир на мой доклад об отсутствии связи прореагировал относительно спокойно. Поинтересовавшись мнением штурмана и стрелка-радиста, он решил продолжать полет. Выйдя к исходной точке, экипаж приступил к съемкам. Мы уже прошли северную гряду островов, когда к нашему «бостону» с красным звездами на крыльях и фюзеляже с

обеих сторон пристроились «аэрокобры» с такими же опознавательными знаками. На мои ракетные сигналы «я свой самолет» они никак не реагировали, а требовали, маневрируя понятным авиаторам образом, чтобы наш самолет начал снижение и готовился к посадке на островах. Видя, что наш командир не отвечает согласием, истребители выпустили перед штурманской кабиной «бостона» несколько перекрестных трассирующих очередей и, выйдя вперед, помахали крыльями, чтобы мы следовали за ними. Вскоре внизу, на одном из небольших островов, показалась взлетно-посадочная полоса, которой мы и воспользовались для посадки. Остров был фактически голый, на нем виднелась только тундровая растительность, он со всех сторон был открыт холодным морским ветрам, а самолетов мы тут не заметили вообще. Вскоре к нам подошли двое: майор, комендант острова, и механик-радиист. Вместе с ними мы проверили радиостанцию и убедились, что связь у нас прервалась из-за обрыва провода антенны. Механику хватило нескольких минут, чтобы ликвидировать неисправность. А через полчаса нам разрешили вылет на свой аэродром.

Когда в Коряках зарулили на стоянку, членов экипажа сразу взяли в оборот разного рода штабные представители. Я не успел даже толком открыть дверцу люка своей кабины, как туда ворвался начальник связи дивизии и вырвал у меня из рук планшетку с бортовым журналом. На мою бедную голову обрушилась такая лавина ругани, всяких угроз, что подобного больше в моей жизни ни разу не случалось. От терзаний этого подполковника с украинским местечковым акцентом меня избавил лишь мой командир, попросив его отпустить экипаж на ужин. В столовой посетителей уже не было, и мы могли обсудить свои дела в спокойной обстановке, выделить основные моменты рапорта командира вышестоящему начальству. Мы полагали, что нас ожидает крупный скандал, ведь по нашей вине возник переполох во всей Воздушной армии, против нарушителей было применено оружие. За ужином же застал нас рассыльный, который передал приказание, что завтра в девять утра экипаж должен быть в штабе дивизии.

Первым, кого мы встретили из штабных, оказался начальник политотдела дивизии полковник Пушкарский, который сидел возле штаба в курилке, о чем-то беседуя с двумя офицерами. Он знал каждого из нас, и тон его ответа на наше приветствие показался нам добрым предзнаменованием. Зная, к кому мы вызваны, он пожелал нам ни пуха, ни пера. В штабе нас сразу пригласили к командиру дивизии полковнику Еремину, в кабинете которого нахо-

дились и начальники ряда служб. Ответом нашего командира Вениамина Черкасова на свои вопросы комдив, похоже, остался доволен. Мы со штурманом тоже подтвердили, что решение продолжать полет без связи принято командиром при полной поддержке всего экипажа, так как не хотели, чтобы за дивизией числилась вынужденная посадка. Слушали нас благожелательно и, как говорится, отпустили с миром. История не имела каких-либо нежелательных последствий.

Разные специальные задания время от времени давались, конечно, и другим экипажам. Петра Лукина, например, как-то включили в состав временного экипажа для лидирования эскадрильи истребителей с Сахалина на Чукотку. Лидирование заключалось в

Алексей Павлов и Михаил Иванов.

том, что малютки-истребители, взлетев с аэродрома, пристраивались к ожидавшему их в воздухе бомбардировщику, который вел их, как гусыня своих деток-гусят, на дальние расстояния. Перелетая вместе с ними с аэродрома на аэродром, «лидер» довел своих подопечных до самого края азиатского материка - Анадыря. В другой раз,

вернувшись из командировки, я опять не застал Лукина в полку, ребята из его эскадрильи, где он был еще и старшиной, сказали, что он в составе экипажа, которому было поручено перегнать на запад давно находившийся на Елизовском аэродроме мощный четырехмоторный «Либереитор» (название одного из американских бомбовозов дальнего действия), улетел в Казань.

Однажды, это было летом 1950 года, в сборный экипаж включили и меня. Я был прикреплен к экипажу командира звена первой эскадрильи Николая Калейникова, хотя у него с давних пор был свой стрелок-радиотехник - Алексей Великанов. Почему его, притом, на одну только командировку, «заменили» мной - не понимаю и доныне. Такой же экипаж - «окрошка» был сформирован в соседнем 903-м полку; в нем оказался наш земляк Алексей Павлов, с которым мы намеревались вместе уехать из 58-й ШВСР, но помешал

случай, и спустя два года неожиданно встретились в Северных Коряках. Скоро, только уже в Южных Коряках, обнаружился и Валентин Меркулов. Эти два экипажа вместе прилетели на центральный сахалинский аэродром Сокол. О цели командировки нам было заявлено сверхкратко: будете находиться в распоряжении штаба Одиннадцатой Воздушной армии.

Судя по всему, наши «бостоны» не должны были здесь слишком бросаться в глаза, их сразу же поставили в закрытых ангарах ПАРМа (полевые авиаремонтные мастерские) на противоположном конце аэродрома. Работникам мастерских было сказано, что в них тут будут устанавливать дополнительные бензобаки. Позавтракав в гарнизонной столовой, экипажи в полном составе, кроме механиков, направлялись в штаб армии и находились тут до тех пор, пока нам не заявляли, что «на сегодня вы свободны». И это продолжалось изо дня в день. На юге острова, где мы находились, стояла тогда невыносимая духота. По утрам, когда всплывало солнце, с поверхности земли поднимался пар, люди чувствовали себя, как в бане. В первую неделю мы с Калейниковым несколько вечеров подряд отправлялись в пристанционный поселок, чтобы встретиться с находящимся в санатории моим командиром Черкасовым (они с Калейниковым были близкими друзьями). Разыскали мы его только с четвертой попытки. У него уже заканчивался срок лечения, и он скоро уехал в часть. Мы же провели в Соколе еще не менее трех недель. Свободное время, чего у нас было в достатке, тратили на чтение, вечерами здесь же в ПАРМе или в гарнизонном Доме офицеров можно было посмотреть кинофильмы. Воскресными или субботними вечерами мы с Алешей Павловым и с механиками бывали на танцах, которые проводились в клубе мастерских, куда приходили девушки из ближайшего поселка.

Улетели мы из Сокола в свою часть, так и не разобравшись в том, какова была цель нашего месячного пребывания здесь. Были лишь предположения, какие-то догадки. А подтверждение им попало мне на глаза только ровно через полсотни лет со дня прекращения боевых действий в Корее, то есть в двухтысячном году. В воспоминаниях одного из тогдашних военначальников говорилось, что в борьбе против бомбардировщиков США, применяющих напалмовые бомбы, активно участвовали советские истребители. Но обеспечение их всем необходимым, общение с ними происходило в трудных условиях, наши транспортные корабли часто сбивались противником. И у командования возникла идея исполь-

зовать в этих целях американские самолеты, находящиеся на вооружении отдельных частей ВВС, но до применения ее на практике дело не дошло. Отсюда становится ясным, почему наши экипажи оказались прикомандированными в распоряжение штаба командующего Воздушной армией.

ПРОЩАЙ, ОРУЖИЕ!

А.Д. Вы рассказали о многих необычных и далеко не простых событиях, с которыми сталкивались в годы службы на Дальнем Востоке. Участие в них, конечно, закаливало характеры людей, приучало их глубже разбираться в сложных обстоятельствах, заставляло дорожить общечеловеческими ценностями, о которых в обычной, «домашней» жизни если и вспомнишь, то только изредка. Замечается еще и такая особенность, - все эти события, факты связаны с непосредственным исполнением воинского долга, воинских обязанностей. Но человеку в любых условиях необходимо удовлетворять и свои духовные потребности. В условиях строго регламентированной армейской жизни они, естественно, удовлетворялись в ограниченных рамках и направлялись на конкретные цели. Но у людей с творческой жилкой, как правило, возникают и сугубо свои, индивидуальные запросы и увлечения. Разумеется, они были и у вас. В какой мере удавалось вам реализовывать их?

М.И. О моем пристрастии к чтению художественной литературы я уже говорил. Но происходило оно как бы бессистемно, читал то, что попадало под руку. Причиной тому было и то, что условия нашего быта долгое время оставались далекими от нормальных. Книгу, взятую в библиотеке, приходилось хранить под матрасом, больше было негде. Каждый из нас выписывал одну или две армейские газеты, что всячески поощрялось замполитом эскадрильи, но они, доставляемые не чаще одного раза в месяц, лежали в общих стопках у выхода из палатки, и читать их не очень-то тянуло, их содержание давно уже потеряло оперативность. На следующий год я выписал не газеты, а литературные журналы «Знамя» и «Новый мир». И мое доброе отношение к ним продолжалось затем не одно десятилетие. По ним я знакомился с новыми произведениями Шолохова, Фадеева, Тихонова, Твардовского, Суркова, Паустовского, Горбатова, Симонова, с романами, повестями, поэмами, стихами вчерашних фронтовиков Бондарева, Бакланова,

Орлова, Друниной, Кулешова, Исаева, Асадова, Фатьянова и других. Их творения будоражили душу, тормозили воображение, звали в неведомые дали. В тайниках сознания рождалась дерзкая мысль: не попробовать ли писать и мне? А ведь и пробовал, раза два участвовал в полковых конкурсах, которые проводила комсомольская организация. А дальше этого дело не сдвинулось.

Более долговременным оказалось увлечение рисованием, но оно поддерживалось не личными моими пристрастиями, а заинтересованностью штабных начальников. Подготовка к полетам требовала наглядных схем, таблиц, диаграмм, рисунков. И на изготовление их в числе тех, кто до армии учился в художественных школах, училищах, занимался в изокружках, часто привлекали и меня. Мне же это приносило не удовлетворение, а сложности, так как был вынужден пропускать занятия, на которых анализировались условия и порядок выполнения полетных заданий.

Правда, бывали поручения, которые доставляли радость. Вскоре после прибытия на Камчатку меня включили в группу художников, направленных из разных подразделений в распоряжение начальника гарнизонного Дома офицеров для изготовления стендов, плакатов и других средств наглядной агитации в связи с выборами в Верховный Совет СССР. Вместе с нами работал в ней военнопленный японец, окончивший в своей стране академию художеств. Он показался нам человеком интеллигентным и хорошим специалистом. Начальник клуба доверил ему нарисовать на полотне большой портрет генерала армии М.А. Пуркаева, в Отечественную войну командовавшего войсками Калининского, Дальневосточного, Второго Дальневосточного фронтов и выдвинутого кандидатом в депутаты. Работу он выполнил профессионально, но комиссия, принимая ее, указала, что цвет лица генерала носит желтый, «японский» оттенок, и предложила исправить этот изъян. Художник сильно расстроился. Но портрет переделал, как ему посоветовали, и он затем много лет висел в зрительном зале.

Спустя года четыре еще больше удовлетворение доставило мне выполнение другого задания. К тому времени мы жили уже не в палатке, а в казарме, построенной вплоть до кирпичных печей своими руками. Таким же способом возводились и дома для офицерских семей. В них не было комфортных условий, но если верить поговорке «с милым рай и в шалаше», то для временного проживания они годились. Каждая из четырех эскадрилий имела теперь не только казарму, но и учебную комнату для политзанятий. Благода-

ря изобретательности и настойчивости самих обитателей дощатые нары в казармах были заменены железными кроватями. Но все это - попутное воспоминание. А порученное мне комэском задание исходило из объявленного политотделом дивизии конкурса на лучшее оформление комнат для политзанятий (ленкомнат). Незадолго перед этим командиром нашей эскадрильи был назначен прибывший с Большой земли старший лейтенант Иван Шабанов - высокий, подтянутый и умный парень со Средней Волги. По моей просьбе «помощником» мне выделили Леню Фридмана.

Как я полагал, центральное место на передней стене комнаты должна занимать большая, рельефная, электрифицированная карта Советского Союза. Леня сколотил для нее крепкую четырехметровую по длине раму, обшил прочными фанерными листами

Леня Фридман и Миша Чумаченко.

и начал монтировать на ее тыльной стороне целую систему проводов. А саму карту мы выкладывали из мелкоизмельченных и основательно пропаренных в печном чугушке старых газет. (В школьном изокружке такой бумажной кашицей, с добавлением в нее расплавленного столярного клея, мы делали рельефные портреты вождей). Когда карта подсохла, выкрасили ее масляной краской в соответствующие цвета, затем Фридман продолжил монтаж, используя разноцветные лампочки, вырезанные из небьющегося стекла символы столиц, разные тумблеры управления. Радуюсь, что все получается как надо, я по утрам еще до команды «подъем», наспех сполоснув лицо, спешил на свое рабочее место и возился там до самого отбоя. Так продолжалось недели три. В результате мы завоевали первое место в конкурсе.

Когда конкурсная комиссия обходила ленкомнаты, мне пришлось выслушать немало теплых слов, поздравлений и благодарностей и принять из рук начальника политотдела премию - два комплекта дефицитных в то время художественных масляных красок.

А спустя несколько дней комэска, как бы случайно оказавшись у карты рядом со мной, сказал: «А ну, земляк, покажи, в каком месте живут твои родители». Подумалось: неужели светит отпуск? И через пару месяцев убедился, что командир наш слов своих на ветер не бросает.

С тех пор я его стал относить к числу людей, про которых говорят, что они рождены в рубашке. При нем эскадрилья наша находилась, как говорится, на коне и гарцевала впереди других. Он активно поддерживал людей, стремящихся сделать досуг личного

Юрий Соболев.

состава, включая и семьи офицеров, содержательным и интересным. Наверное, удачливым людям везет во всем. В штурмане эскадрильи майоре Саламатине, имеющем музыкальное образование, он высмотрел дирижерские способности и попросил его взяться за организацию хорового коллектива. На первую же репетицию комэска привел свою супругу; глядя на нее, дружно потянулись на спевки и жены других офицеров, да еще на пару с мужьями. Подобралась и танцевальная группа. И на смотре коллективов художественной самодеятельности ансамбль нашей второй эскадрильи завоевал призовые места не только в дивизии, а и в корпусе.

Прикосновение к прекрасному не только сплавивало нас, но помогало и в службе, и в дружбе. Душой коллектива, объединяющим всех, долгое время оставался механик Миша Чумаченко. В полку его по праву считали одним из самых лучших «технарей», общительным, неунывающим парнем. За участие в боевых действиях он был удостоен нескольких боевых наград. Он отличался широкой эрудицией, любил петь, плясать, танцевать. Рядом с ним ощущали себя на сцене как в родной стихии и Володя Климов из подмосковного Клина, Саша Дмитриев из Павлово Нижегородской области, Юра Соболев из Донбасса, хотя относили себя к тем, кому на ухо наступил медведь. Но все трое обладали и неунывающим, компанейским характером, любили юмор, шутку, а Саша еще и по-

эзию, писал стихи. Погожие летние воскресные дни мы часто проводили - к нам обычно присоединялся и Алеша Павлов - на живописном берегу Авачи, в заводях которой кишмя кишела лососевая рыба, зашедшая метать икру именно в то место, где она сама возродилась два года назад.

Первым, неожиданно для всех, покинул наш дружеский союз Миша Чумаченко. Его поразили туберкулез, и он, демобилизованный по болезни, уехал в родной свой Кривой Рог. Его примеру вдруг последовал Саша, коварная камчатская погода наказала его (непонятно за какие грехи) острым воспалением легких. Лечение в госпитале не помогло, его тоже демобилизовали. Мы пытались как-то помочь ему, послали денежный перевод на покупку лекарств, но безрезультатно. Через несколько месяцев он скончался на руках близких ему людей - родителей, брата и сестер. Вскоре после этого настало время демобилизации Юры. Потом полетел из Камчатки в дальний город на Неве Алеша Павлов. Но не по демобилизации, а в отпуск; вернувшись обратно, он основательно взялся за учебники, начал готовиться к вступительным экзаменам в Ленинградский госуниверситет.

О продолжении учебы в полку мечтали многие. Казалось, над нами витают добрые вирусы, насыщающие нас тягой к знаниям. Желанными для пилотов, штурманов, техников стали конкурсные экзамены в военные академии, которые ежегодно проводились в Хабаровске. В одно прекрасное время сразу два штурмана нашей эскадрильи - Иван Козинченко и Михаил Петров - стали слушателями академии имени Жуковского в Ленинграде; а стрелок-радист Михаил Якимчук, который в первые годы службы был для меня добрым наставником, выдержал конкурс, правда, со второй попытки, в Военно-воздушную инженерную академию. А специалисты срочной службы в ожидании скорой демобилизации (ведь находились в армии по семь лет) штудировали учебники для поступления в гражданские вузы. По некоторым предметам занимался и я. Будущее свое представлял уже совершенно четко - только журналистика.

Но неожиданно для всех на полковом построении нам зачитали приказ Верховного главнокомандующего. Он гласил о том, что военнотружашие срочной службы ВВС 1927 года рождения задерживаются в вооруженных силах сроком на один год на правах сверхсрочника. А через несколько месяцев последовало дополнение к нему: имеющие документы о среднем образовании

будут отпущены для поступления в вузы нынешней осенью. Казалось, справедливый, гуманный приказ, но у меня не было аттестата об окончании средней школы. Нам, как добровольцам, было отказано в его выдаче, хотя призванным из десятого класса в предыдущие годы он выдавался. По поводу явной, как мне казалось, несправедливости, написал письмо председателю Верховного Совета СССР К.Е. Ворошидову, но получил неутешительный ответ чиновника его канцелярии. Но мир и в этот раз оказался не без добрых людей. Когда со своей проблемой обратился к начальнику политотдела дивизии полковнику Пушкарскому, встретив его в гарнизоне, он обрадовал меня, пообещав помочь. И в действительности помог: в приказе по дивизии моя фамилия находилась в списке отъезжающих на учебу.

Проводили нас с добрыми напутствиями, с благодарностью за многолетнюю добросовестную службу. Накануне в летной столовой состоялся прощальный вечер. Выступая на нем, командир полка подполковник Шабанов, в недавнем прошлом мой комэска и затем инструктор штаба армии по летной подготовке, находил для нас проникновенные, сердечные слова признательности и пожеланий счастья в новой жизни. Утром мы были в Петропавловске. Не испортило нам настроения даже отсутствие билетов в кассе. Зная организаторские способности Петра Лукина в житейских вопросах, направили его к капитану корабля. Он сумел довольно скоро оформить на всю группу палубные билеты (потом, в ходе рейса, у всех оказались и места).

Отойдя от причала, теплоход все больше отдалял нас от ставшего почти родным полуострова, от близких нам людей, от родного полка. И что-то уже щемило в груди, хотелось крикнуть: прощайте, скалистые горы и живописные долины! Прощай и будь счастлива, Камчатка! Прощай, оружие!

НАША АЛЬМА-МАТЕР ЛГУ

А.Д. Вы сказали, Михаил Иванович, что задолго до демобилизации уже твердо решили стать журналистом. Наверное, к такому решению подтолкнули не только романтические представления о профессии, но и какие-то конкретные жизненные обстоятельства, противоречия реальной действительности. И еще: почему вы местом учебы выбрали Ленинград, а скажем, не Московский универ-

ситет, он же по расстоянию гораздо ближе к дому, Чувашии? О том, что вы окончили ЛГУ, мне стало известно лет двадцать назад от преподавателей здешнего факультета журналистики, где я тогда занимался в очной аспирантуре. Вы уже давно покинули его, а работающие тут преподаватели студента Михаила Иванова помнили хорошо.

М.И. Такое, наверное, приятно слышать каждому, вдруг ощущаешь в себе всплеск положительных эмоций (как же беззащитен человек перед похвалой). Но... вернемся к нашему делу - беседе. В моем выборе профессии основную роль, безусловно, сыграли люди, с которыми я общался долгие годы, а также пороки, несправедливости жизни, от которых никто не может быть огражден. Мне казалось, что и о добрых делах, и о неблагоприятных поступках должно быть известно всем. Журналистом я собирался стать потому, что хотелось поддерживать в людях добрые, созидательные порывы и "выводить на чистую воду" (как было модно тогда выражаться) тех, кто тормозит движение вперед. А местом образования выбрал для себя город на Неве потому, что там уже учился мой друг-однополчанин Алеша Павлов. Демобилизовавшись, он сразу поехал поступать в вуз, мне же пришлось задержаться, чтобы подготовиться и сдать экзамены за десятый класс в своей Эльбарусовской школе. Спасибо педагогам и тогдашнему директору Генину (бывшему фронтовику, комбату), они в этом всячески помогали мне, мои знания были оценены даже на серебряную медаль.

И вот я в Ленинграде. Мои документы, отправленные почтой, оказались почему-то не в факультетской, а в общеуниверситетской приемной комиссии. И тут - неожиданный сюрприз: ни в какую не дают мне направление на журналистику, а усиленно "сватают" поступать на физический факультет, на закрытое отделение, где готовили "атомщиков", куда отбирали наиболее нужных, на их взгляд, и надежных людей. "Мурыжили" несколько дней: "Иди, еще подумай, до завтра". Условия, конечно, были весьма соблазнительные: и отрасль престижная, и уже на первом курсе стипендия чуть ли не втрое выше обычной. Но дня через четыре, наконец, дали мне желанное направление на собеседование в приемную комиссию отделения журналистики. А здесь опять тормоз: что на "журналистике" уже мест нет, и рекомендуют поступать на славянское отделение. И лишь после того, как я попросил вернуть документы ("Поеду поступать в Московский университет"), было сказано: "Ме-

сто для вас найдем". А дальше все пошло нормально. Общежитие дали сразу, правда, далеко, на Охте, на дорогу в один конец уходил почти час. На первый курс набрали после огромного конкурса (18 человек на место) четыре группы журналистики, где преобладали парни. И были они

Ленинградский университет. Четвертая группа журналистики.

своего рода элитой многолюдного "женского" филфака. А нашей группе, "4-й журналистике", даже по-особому завидовали. Она была очень дружная, и своего рода интернациональная: учились у нас девушки из Осетии, словак, а также два венгра.

Учеба давалась мне легко, занимался в охотку, "с аппетитом". Начиная со второго курса, был именным стипендиатом разных уровней, а последние два года получал Ленинскую стипендию. Интересно было учиться и потому, что у нас оказался сильный преподавательский состав. Лекции читали известнейшие на всю страну профессора, многие из них - с мировым именем: Бялый, Мейлах, Плоткин, Бурсов, Пропп, Мануйлов, Хавин, Вяземский (по учебникам которого готовили журналистов всей страны), известный писатель Федор Абрамов заведовал одной из факультетских кафедр. Будущий директор пушкинского Дома Иезуитов (потомок знаменитого в Чувашии доктора Волкова из Ядрина) был при нас аспирантом. Надолго запомнился и сравнительно молодой тогда преподаватель Павел Макагоненко (он не раз организовывал на факультете многолюдные встречи со своим большим другом, бывшей женой поэтессой Ольгой Бергольц, ставшей символом и советью блокадного Ленинграда), особенно понравившимся нам изречением: "Если вы, готовя курсовую работу или статью в газете, позаимствуете" особо понравившиеся вам абзацы у одного автора - это будет плагиат, у двух - будет считаться компиляцией, а

если процитируете многих авторов - это уже называется эрудиция".

В первый же год моего студенчества мы встретились с однополчанином, ставшим слушателем военной академии, Мишей Петровым, а вскоре побывали вместе с ним в гостях у его коллеги-молодожена Ивана Козинченко. Вспомнили Камчатку, друзей, о том, как истребители, припугнув пулеметными очередями, вынудили нас приземлиться на неудобный остров Курильской гряды. В небольшой комнате, которую они нанимали, кажется, стояла коляска с новорожденным. Миша часто бывал на наших студенческих вечерах и вечеринках. Позже он познакомил меня с миловидной и скромной ленинградкой, дочерью адмирала, к которой был явно неравнодушен. Когда между ними как-то пробежала черная кошка (может, просто кошечка-малютка), мне пришлось стать даже «парламентером» - посетить ее дома и принести ей Мишины извинения. А в семидесятые-восемидесятые годы мы с полковником Петровым изредка встречались уже в Москве. Как-то пригласил он меня в гости к себе в подмосковный городок, и на мой звонок дверь открыла знакомая ленинградка. От Миши я узнал также о том, что иногда он встречается по служебным делам с Михаилом Якимчуком, которому также присвоено полковничье звание... А однажды разыскал меня в общежитии Ленья Фридман, приехавший в Ленинград в командировку из Ростова, где он работал мастером в упаковочном цехе фабрики, выпускающей папиросы. В качестве презента бедному студенту Ленья приволок с собой большую картонную коробку с пачками «Беломора». Время от времени стали мы встречаться в университете и с Алексеем Великановым. Работая на Кировском заводе, он поступил на заочное отделение философского факультета. Так что на берегу Невы собралось целое землячество бывших однополчан из Северных Коряк.

Интересно проходили на факультете всевозможные литературные встречи. Одна из них, с Владимиром Дудинцевым, автором нашумевшего тогда «острого» романа «Не хлебом единым», стала настоящей сенсацией для всего Ленинграда: кто-то объявил о ней по городскому радио, и нахлынуло столько всякого «митингующего» народу, что у факультета выставили наряд конной милиции и никого не пропускали. Даже ректор университета академик Александров не смог пройти в актовый зал филфака, только мой однокурсник Рид Витте провел его через двор, хитросплетениями всевозможных закоулков и «черными ходами» в которых могли ориен-

тироваться лишь вездесущие студенты, «хозяева» старинного здания петровских времен, в котором размещался наш, а также восточный факультет.

Это были годы «оттепели», начавшейся в стране после смерти Сталина. Она сказывалась и на атмосфере таких вот литературных диспутов, и в эмоциональной горячности университетских собраний, на многих событиях, происходивших и в России, и в зарубежных странах. Одно из них рикошетом задело и мою судьбу. В нашей «4-й журналистике» изучали итальянский язык. И после третьего курса выбрали среди «итальянцев» несколько человек, которые должны были ехать на годичную стажировку в Рим попрактиковаться в языке и ознакомиться с опытом работы журналистов Италии. Мы прошли медицинскую и другие комиссии, в общем, уже «готовили чемоданы», когда начались известные «венгерские события». И нашу поездку сначала отложили, а потом вовсе дали отбой, не объясняя причин.

И еще, возвращаясь к студенческим будням, замечу: работали у нас в университете сильные творческие объединения и кружки, которые в немалой степени делали погоду на факультете. Так, наша факультетская стенная газета длиной не менее восьми метров по праву считалась лучшей в ЛГУ и по содержанию, и по оформлению. В ней помещались интересные для всех материалы в разных жанрах, вплоть до поэм. Делалась она, в основном, силами студентов-журналистов. А наши учебные практики проходили в самых популярных ленинградских газетах. Например, в «Смене». Нам, студентам-журналистам, доверяли даже самостоятельно выполнять выпуск ее отдельных номеров. На втором курсе я проходил практику в «Вечернем Ленинграде», а годом раньше – в выходившей трижды в неделю многотиражке знаменитой обувной фабрики «Скороход». После третьего-четвертого курсов мы ездили практиковаться во все республики и области страны. Я, например, был в Осетии, а потом – в Чувашии. И распределение выпускников тоже было на всю страну: от западных границ до Петропавловска-на-Камчатке. Спрос на наших выпускников превышал тогда возможности журфаков, они в то время были лишь в Москве да Ленинграде.

Во всех отношениях в Ленинграде было интересно и жить, и учиться. Весьма активно работали на факультете общественные организации: и комитет комсомола, и профком, и студсовет. Так

как я человек «общественный», меня быстро «запрягли» на разные общественные должности. На первом курсе выбрали членом профкома, потом – секретарем студенческой парторганизации, был и в университетском комитете комсомола. Не знаю, почему во мне видели «лидера», сам я себя не считал таковым. Наверно, это шло еще от моего недавнего армейского коллектива, там сама жизнь приучала людей к естественности и непосредственности в общении, чувству ответственности за свои слова и поступки.

А какими «престижными» считались у нас летние студенческие стройки, проводимые силами общественных организаций. На одной из них, помню, сооружали бетонную силосную яму, на другой – телятник, каждую осень выезжали «на картошку». Сейчас эти времена вспоминаются, как самая счастливая пора: жили дружно, интересно, столько песен перепели по вечерам у костра. Вместе с нами был и наш одноклассник-журналист, двумя курсами моложе, Борис Спасский, но вскоре ему, будущему чемпиону мира по шахматам, пришлось выехать на какую-то международную встречу. И его приятель-тезка Борис Грищенко (известный в прошлом репортер-тассовец, а ныне – один из асов Интерфакса) от нашего общего имени послал ему шуточную телеграмму-пожелание: «Боб! Каждого гроссмейстера встречай и провожай матом!»

Вообще, многие студенты журналистского отделения становились впоследствии людьми известными, отличными специалистами. С нашего выпуска, например, это популярные телекомментаторы Дамир Белов и Георгий Саркисянц, правдист Станислав Пастухов, поэт Илья Фоняков, чукотский писатель Юрий Рытхэу, редактор центральной газеты Туркмении Борис Пшеничный.

Интересно было учиться в университете и потому, что сам Ленинград – это необыкновенный город. В него влюбляешься с первого же взгляда, с первой встречи. Когда приезжаешь сюда – вроде бы, все тебе уже знакомо по книгам, фильмам, иллюстрациям. Набережные Невы, Медный всадник, Дворцовая площадь, волшебные решетки Летнего сада... А потом – все новые и новые «узнавания» и открытия, которые воспитывали, обогащали ум и душу, расширяли кругозор, прививали по-особому высокий, утонченный вкус. Музеи ленинградские, театры, филармония. Спектакли каких только корифеев ни посчастливилось нам повидать в студенческие годы: Товстоногов, Акимов, Черкасов. Даже университетский хор был явлением в культурной жизни города, а из студенческого драматического коллектива ЛГУ вышла целая плеяда

выдающихся актеров и киноактеров. В киноверсии «Ревизора», к примеру, еще студентом ЛГУ бесподобно сыграл Хлестакова Игорь Горбачев. Сергей Юрский, Эдита Пьеха – тоже «наши». Мы с первого курса обзаводились всевозможными абонементом по живописи и музыке, стремились не пропускать театральные премьер, часами стояли в очереди за билетами на «галерку» на балет в Мариинский театр. Умудрялись «просочиться» на премьеры престижного кинофестиваля французских фильмов и встречи с Жераром Филиппом, Симоной Синьоре, Ивом Монтаном в соседний с общежитием кинотеатр «Великан». И как азартно «охотились» за книгами, ночами простаивая за талончиками на подписные издания собраний сочинений классиков (купленные на студенческие стипендии и привезенные из Ленинграда на Волгу, эти тома и поныне занимают почетное место в нашей семейной библиотеке).

За что еще я навсегда благодарен Ленинграду, университету, нашему отделению журналистики, которое сразу же после нашего отъезда обрело статус факультета, это то, что нас приучили здесь к самостоятельности взглядов, мышления, поступков. Это вообще было характерно для преподавателей университета, - они нас «не натаскивали», не опекали излишне, а приучали работать самим. Моему руководителю дипломного сочинения, например, я приносил показывать свою работу лишь пару раз. Он прочитал и сказал: «Все нормально, продолжай так же». Вот и все, никаких больше «цзю». А диплом я написал у наставника многих поколений журналистов – профессора Николая Петровича Емельянова (который в более поздние годы, кстати, был и руководителем при подготовке кандидатских диссертаций у аспиранта, а ныне декана факультета журналистики ЧГУ А.П.Данилова и у старейшины журналистского отделения И.Я.Тенюшева). Тема моего диплома называлась «Письма из деревни» Энгельгардта». Очерки под таким названием долгое время печатал в «Отечественных записках» Александр Николаевич Энгельгардт, - сосланный в 1871 году в Смоленскую губернию русский агроном, публицист, член «Земли и воли», профессор Земледельческого института в Петербурге. «Письма» я проштудировал от строчки до строчки, а затем в двух номерах журнала последующих лет вдруг обнаружил, к своей огромной радости, нигде в литературе не упоминавшийся очерк о самом авторе. Н.П.Емельянов советовал мне продолжить научную работу. И после защиты диплома, во время распределения, мне предложили занять должность ответственного секретаря в литературоведчес-

*Первый семейный портрет
на берегу Невы.*

ком журнале Пушкинского Дома Академии наук. Но...пришлось отказать: редакция не могла предоставить жилье, а я на четвертом курсе уже обзавелся семьей, женившись на "филологине" - однокурснице. И я принял предложение начать работать после окончания ЛГУ в редакции газеты "Советская Чувашия", где обещали дать квартиру.

А.Д. Вы только что назвали человека, который занял главное место в вашей судьбе. Не буду уточнять, сколько воды утекло с тех пор. Кем стали за это время вы сами, чего достигли — о том я напомнил еще в начале беседы. Но по всеобщему признанию знающих вас людей, корреспондент ИТАР —

ТАСС Валентина Иванова тоже ни в чем вам не уступает, многими, в том числе, и коллегами, она давно признана одним из лучших, талантливых журналистов республики. Скажите, где вы, Михаил Иванович, нашли такую жену? И как влияло на ваше творчество ее близкое соседство? Важным представляется мне и другой вопрос: каким образом влияют родители на творческие поиски детей? Вам приходилось испытывать подобное на себе?

М.И. Начну с маленького отступления. В редакцию газеты "Советская Чувашия" в последние годы Ленгосуниверситет неоднократно направлял своих выпускников. В 1958 году, когда мы приехали сюда, их в редакции было четверо. И они радушно приняли нас в свою семью. Для "филологини", хотя у нее был красный диплом, в школах города вакансии не нашлось. И земляки — ленинградцы взялись помочь ей стать журналистом. Они помогли устроиться ей на Чуваширадио, даже пару раз сходили с ней, в качестве консультантов, на задание. Опытный и чуткий наставник обнаружился у нее на работе, да и дома был человек, готовый в любое время прийти на помощь. Главное, сама ученица оказалась понятливой, способной все схватывать на ходу, быстро осваивала премудрости новой профессии.

На вопрос “Где ее нашел?” скажу: появилась она на моем жизненном пути в коридорах филфака, а познакомились мы поближе в студенческом стройотряде, куда я был назначен начальником стройки. В трудовой книжке у нее всего две записи — Чуваширадио и ТАСС. На нашем общем семейном счету сотни и сотни очерков, статей, интервью, репортажей. Плюс книги: в общей сложности, их вышло в издательствах Чебоксар, Москвы, Венгрии более двадцати. В последние два года изданы две ее новые книги — “Пароль — Акцыновы” и “Обгоняя время” (“Евтихий

Андреев, председатель”). Так что и находясь “в одной берлоге”, мы чувствуем себя весьма комфортно в нашем творческом союзе, несколько книг написали даже в соавторстве. В семье мы являемся друг для друга первыми читателями, советчиками, беспристрастными и доброжелательными редакторами. Мы оба неисправимые трудоголики. Это тоже, вероятно, объединяет нас. Что касается моей редакторской работы, то и в ней Валентина Андреевна постоянно помогала мне, являя собой прочный, надежный “семейный тыл”.

А как могли влиять на мою жизнь и дела мои родители — о том можно сказать одним словом — своим примером. Каким оказался их пример, отвечу отрывками одной из книг самого близкого мне человека, жены. Вот как она вспоминает о моей матери: “Сызмалу не привыкла она жалеть ни себя, ни своего труда; любимой ее присказкой было “глаза бояться, а руки делают”. Семья, дети, соседи, односельчане — это было для нее главное в жизни. Ради этого жила, ради этого, за что не возьмется, все так и горело у нее в руках. Если же видела, что кто-то из детей ленится, — выходила из себя, сердилась, могла даже быть в этой своей нетерпимости не совсем объективной. По всему саду-огороду из года в год пылали у нее огненно-красные георгины. Было ей присуще поразительное чувство красоты, а еще — поразительное чувство такта. “Молоденькая-то какая...” — осторожно вздохнула она, как мне рассказывали потом, увидев впервые мою фотографию. О чем ду-

Теперь они, Михаил и Валентина Ивановы, профессиональные журналисты. Чебоксары.

и сегодня, родной,
мечтаю то же...
сентябрь 1987г.
Да! Да! Да!
2002 год твоей мечты
Я хочу быть твоей сестрой
Я хочу быть ветром,
свехсим ветром,
насушим хлебом,
над тобою летящим небом
13.11.1955г.
Золотой юбилей
посвящение отойдет
тем же...
15.11.1977
Сегодня, 14.11.1965г.
я тысячу раз готова
поблизить то же самое...

Семейные «тылы». Им скоро – полвека.

мала она, чувашская крестьянка, безвыездно проживавшая свой век в деревне, глядя на ставшую судьбой ее сына незнакомую русскую девочку из далекого-предалекого города? Но, не сказав больше ни слова, вставила глянцевый квадратик в рамку, что издавна висела на стене,

Отв. редактор «Советской Чувашии» М.И. Иванов и корреспондент ТАСС по Чувашской Республике В.А. Иванова.

рядом с другими семейными фотографиями. И это было ее молчаливым одобрением, ее материнским благословением”.

Или вот отрывок из воспоминаний об отце: “Жаль, что слов этих никогда уже не сможет услышать близкий мне человек – отец мужа, один из самых замечательных людей, кого я знала. Мне кажется, что в нем были сконцентрированы многие лучшие черты чувашского национального характера. И прежде всего, исключительное трудолюбие. Наверное, и прожил-то он так долго, имея тяжелый недуг со времен гражданской войны, до восьмидесяти четырех лет, потому, что главным лекарством для него от всех болезней был труд. Он и минуты не мог посидеть без дела. Крепкое хлебоборбское нутро, неиссякаемый запас душевной прочности был в этом маленьком, худеньком, беспомощном на первый взгляд человеке, в трудовой книжке которого в графе “род занятий” стояло несколько старомодное слово “хлебопашество”... Односельчане уважали его, уравновешенного, умудренного жизненным опытом человека, не знавшего ни суетных мыслей, ни суетных поступков. Когда к нему приходил кто-то из деревенских, в сторону откладывались все дела. Коль требовалась какая помощь, о том не надо было просить дважды”.

Если в моем облике можно обнаружить что-то из перечисленных качеств, значит, гены и в самом деле существуют. И влияние предков на наши дела, наши устремления – бесспорны.

НИ ДНЯ БЕЗ СТРОЧКИ

А.Д. Настал август 1958 года. И вы приступили к той работе, к которой давно стремились и основательно готовились. Ваша специальность в дипломе была названа “журналистика”. С чем вы столкнулись, оказавшись в коллективе “Советской Чувашии” – солидной республиканской ежедневной газеты? Не секрет, что “акклиматизация” молодых специалистов, их “вхождение” в свою профессию не всегда протекает гладко, без шероховатостей и трудностей. К ним присматриваются с повышенным ин-

тересом. Им приходится проходить своеобразный “карантин”, период “вживания”. Как долго длился у вас этот период, как скоро признали вас в редакции “своим”?

М.И. На “узнавание” редакции времени для меня потребовалось немного, так как только год назад вдвоем с однокурсником Ридом Витте мы проходили здесь полуторамесячную практику, к тому же весьма солидное “землячество” редакционных ленинградцев при надобности могло нас проинформировать, проконсультировать по любому вопросу. Да и уверенности в себе тогда в нас, - двух начинающих журналистах одной семьи, - было в избытке. А зачислили меня литературным сотрудником (корреспондентом) отдела сельского хозяйства. Но в сельхозотделе материалы под ногами не валялись, для их получения надо было побывать в колхозах.

Запомнились мне командировки в районы для сбора сведений о работе животноводческих ферм. Первая поездка была в колхоз “Аниш”. Чтобы попасть в него, сначала пришлось добираться на грузотакси до бывшего райцентра Октябрьское, а оттуда еще километров шесть протопать на своих двоих. Тут хоть повезло, зоотехник оказался на месте, и мы с ним побывали в летнем свиноводческом лагере. Таким же способом удалось попасть в одно из хозяйств Цивильского района, откуда мне предстояло написать материал о “секретах” доярок, получающих высокие надои. Уговорил председателя съездить на заливные луга, где находилось молочное стадо, но к вечерней дойке мы не успели. Председатель пригласил переночевать к себе, он был не местный, жил тут один, без семьи, в чьем-то пустующем доме. Рано утром мы вновь отправились на луга, подошли к месту, где располагалось стадо, перед самым началом дойки. В результате этих поездок в газете появились два зарисовочных, репортажных материала. В них я попытался показать, благодаря чему лучшие доярки и свиноводы добиваются хороших надоев и привесов, отметить усердие в труде, а кое-кому напомнить, что условия их труда явно нуждаются в улучшении.

Об этих командировках, как и других, последовавших за ними, завел речь потому, что они были первыми и напомнили мне о важных нормах, правилах поведения журналиста: в общении с любым человеком нужно быть самим собой, не пыжиться и не манерничать, разговаривать искренне, просто, проявляя подлинный интерес к тому, чем они заняты. Если кто-то из нас почувствует к себе неприятие, то оно чаще всего вызвано нашим равнодушием или

некомпетентностью. Порой же даже на телеэкранах приходится часто видеть, как молодые труженики пера, сидя на пресс-конференции, не проявляют интереса к теме, совсем не подготовлены к ней и не в состоянии задать ни один, даже самый примитивный, вопрос, но зато в своих "творениях" без зазрения совести используют плоды активности своих коллег.

Моя "акклиматизация" в отделе сельского хозяйства длилась очень недолго, уже в сентябре меня назначили литературным секретарем редакции. С высоты сегодняшнего понимания эта инициатива редактора воспринимается как недоразумение. Человеку, только что пришедшему в редакцию со студенческой скамьи, надо бы прежде всего дать возможность практиковаться в своей профессии, мне было бы полезно хотя бы года два поработать в должности литсотрудника. У редакции, судя по всему, подход был иной: если требуется подобрать для работы в секретариате человека, то кандидатура так или иначе должна найтись. И выбор пал на меня. Разумеется, эта должность тоже весьма необходима редакции, но сотрудник, занявший ее, будет привязан к своему столу, его работа - литературное редактирование текста, отправляемого в набор, макетирование полос номера и контроль за ходом верстки. Для этого требуется и профессиональное мастерство, и литературно-художественное чутье, и умение оперативно, грамотно решать возникающие вопросы. Хотя то, что мне пришлось более трех лет проработать в этой должности, научило меня основательно понимать специфику важнейшего участка газетного производства.

И все же было бы лучше начать мне работу в редакции с корреспондентской деятельности, то есть с азбуки, основы журналистского труда. Мне же пришлось осваивать ее, эту основу, сочетая с выполнением обязанностей литературного секретаря (то есть заместителя ответственного секретаря) и в основном, за счет личного времени. Правда, имелись и некоторые плюсы: я был свободен в выборе темы, писал, как правило, о том, что мне казалось интересным, - чаще всего, по вопросам культуры, литературы и искусства. Часто работал ночами, днем не было времени. Тогда я пришел к выводу, что отношусь к тем, кого в среде литераторов и журналистов прозвали "совами". Отрывки из романа Никифора Мраньки "Жизнь прожить - не поле перейти", путевые очерки Федора Уяра "В Шуше у подножия Саян", переведенные мной с чувашского и напечатанные в газете, большинство читателей встретили с одобрением. Известно, спрос рождает предложение. Позже

“Советская Чувашия” начала печатать в газетном варианте и целые произведения отдельных авторов. Прочитав в журнале детективную повесть молодого, работающего весьма плодovито писателя Георгия Краснова, ныне профессора факультета журналистики ЧГУ, “Почему молчит ОРЖ?” (в основе ее сюжета лежат подлинныe события времен Великой Отечественной войны, в которых участвовали уроженцы Чувашии), я предложил редактору свои услуги в ее переводе с учетом, что она будет печататься по главам из номера в номер. Повесть начали печатать, когда были подготовлены лишь первые несколько главок, а остальные посылали в набор прямо с “колес”. Через некоторое время “Советская Чувашия” опубликовала еще одну повесть того же автора, в этот раз научно-фантастическую, под названием “Треснутая трубка”. Мне кажется, подобный опыт публикации относительно небольших художественных произведений в газетах, особенно, претендующих на широкую аудиторию, вполне применим и сегодня. Но при соблюдении определенных требований: произведение должно быть по-настоящему интересным, актуальным по теме и на достаточно высоком уровне.

Во время экскурсии в польских Татрах.

Чувствую, что я понемногу начал отходить от заданного мне вопроса. Но рассказанное выше позволяет понять, что “акклиматизация” по части профессиональной в целом проходила нормально. Но у этого процесса есть еще, как и у медали, другая сторона - жилищно-бытовая. Она была далека не только от идеального, но и нормального. Конечно, тех денег, которые зарабатывала наша семья, состоящая из двух начинающих журналистов, нам по тем временам вполне хватало, в первое же лето мы даже побывали в туристической поездке по Польше и Чехословакии, не знали и трудностей с питанием, кормились в столовых и даже в ресторане. А вот с жильем было хуже некуда. Мы снимали угол, точнее, уголок, немного отгорожен-

Солнце, воздух и вода (в доме журналиста в Болгарии).

и шириной в один шаг. Нам пришлось слышать все разговоры хозяев дома. Их было четверо, в том числе, девочка-дошкольница, которой очень нравилось наблюдать с печки, что делается в нашем закутке. Сидеть вечером допоздна за чтением или писаниной нам не разрешалось, свет, горящий у нас, якобы мешал владельцам дома.

Ближе к Новому году мы, наконец, вздохнули свободно: директор газетного издательства разрешил нам занять переднюю половину старого пятистенного деревянного дома на берегу грязной речки Кайбулка. На другой половине, где была большая русская печь, проживала многолетняя уборщица Дома печати со своей пожилой матерью. Первое чувство облегчения покинуло нас сразу же, как только мы вселились в своей передней. Дом был весь обветшалый, в нем чувствовали себя хозяевами не столько мы, сколько свободно проникающие сквозь стены и окна зимние стужи и ветры. И небольшая голландская печь была не в состоянии, хоть сколько ни топи, создать в комнате нормальную температуру. Вода в ведре, стоявшая за перегородкой, зимой покрывалась льдиной. Хорошо еще, что двухметровые березовые дрова из-за Волги доставляли водители издательства, но мне их надо было затащить во двор, распилить и расколоть. Дрова

Много воды утекло с той поры...

и "таяли" быстро, ведь пользовались ими, причем, в двойном объеме, и соседи.

Подобное "вживание" в коллектив ни у нас, ни у наших друзей особого восторга не вызывало. Вот через год после нас, тоже окончив нашу альма-матер, приехал в "Советскую Чувашию" бывший моряк-балтиец Валентин Таловов. Мы его знали не только по годам учебы, но и по совместному участию в студенческих стройках. Он был женат на студентке, приехавшей в ЛГУ из Чехословакии, но она пока осталась в Питере, чтобы дать ему время устроиться на новом месте. Но он, немного поразмыслив над увиденным и услышанным, сказал, что поворачивает оглобли обратно и, оставив нам привезенную с собой модную широкую тахту, в тот же вечер уехал обратно в Ленинград. В городе на Неве он затем редактировал университетскую газету, защитил кандидатскую диссертацию и много лет преподавал на факультете журналистики.

Понятно, проживание на Кайбулке не доставляло нам радости. Но мы особо не сокрушались по этому поводу. Вокруг было много такого, что занимало и притягивало нас - интересная работа, новые друзья, театры, музеи, выставки. А весной следующего года появился на свет наш сын. Родильный дом размещался по соседству с редакцией. И мы с фотокорреспондентом ТАСС Юрием Ананьевым, воспользовавшись журналистскими полномочиями, сумели проникнуть туда. Так что сына впервые увидел я на груди у мамы в двухдневном возрасте. Ко времени их выписки приехала из деревни моя мать, и в первое время в уходе за малышом она оказывала нам большую помощь, но к началу весенней страды на приусадебном участке стала проситься обратно. Да и руководство Чуваширадио то и дело стало напоминать, что послеродовой отпуск корреспондента Валентины Ивановой должен длиться не более месяца. Так столкнулись мы с проблемой няни. Рассказывать, с какими мучениями и нервотрепкой она решалась - только расстраивать себя. Видимо, нам очень не везло с нянями...

Но еще хуже было то, что наше пребывание на Кайбулке затягивалось, и о мало-мальски нормальной жизни с грудным ребенком приходилось только мечтать. В том в какой-то мере недобрую роль сыграл, наверно, и мой излишне мягкий, шепетильный, сердобольный характер. Через полтора-два года у редакции появилась возможность выполнить свои обязательства о предоставлении мне благоустроенного жилья. Из двух выделенных ей квартир редколлегия и профком одну решили отдать мне. Но в коллек-

тиве обнаружались вдруг и другие претенденты на нее. Один из них, технический работник, много лет числившийся в очереди на жилье, в присутствии нескольких сотрудников редакции заявил мне, что решение это несправедливое, что если я не откажусь от квартиры в его пользу - он повесится. О том же извещал он всех, обходя комнату за комнатой. Что-то объяснить ему, успокоить никто не решался. Мне же одни советовали не обращать на него никакого внимания, другие полагали, что от такого "чокнутого" можно ожидать всего. Не знаю, поступил ли я правильно или нет, сказав редактору, что отказываюсь от выделенной мне квартиры. И она была отдана этому человеку. Мне же пришлось ждать еще более года. Помогли получить квартиру хлопоты и обращения друзей, того же фотокорреспондента ТАСС, в исполком городского Совета, который, сочувствуя моему положению, выдал моей семье ордер на двухкомнатную квартиру в доме - "хрущевке". На этом, пожалуй, мое "вхождение в профессию" перешагнуло через свой первый, очень важный этап.

Ответственный секретарь редакции В.Г. Станюков, чьим замом я продолжал оставаться, не возражал против моих коротких выездов на места. А вот в колхоз "Гвардеец" Батыревского района меня направил сам редактор (им был в то время Д.И. Абашев). Задание его - написать о семинаре кукурузоводов - особо не вдохновляло. Но когда нас повезли по полям, все резко изменилось. Они были не только ухоженными на совесть, обработанными любовно, а поражали своим непривычным, каким-то фантастическим видом: и вдоль, и поперек, и по диагонали тянулись невероятно ровные, бесподобно прямые, будто кто их выровнял линейкой, ряды нежно-зеленых, упругих всходов. Восхищаясь ими, кто-то из участников семинара воскликнул: "По ним хоть геометрию изучай!" Семинару, всему тому, чем обогатил он собравшихся на него со всей республики людей, "Советская Чувашия" посвятила целый разворот. Читая высказывания его участников, их отклики на все увиденное, рассматривая большущий фотоснимок с видом кукурузного поля, иные, покупая в киоске газету, поражались: "Что за чудо? На каком материке это происходит?"

А самое поразительное было в том, что сотворила это чудо колхозная трактористка Василиса Кузнецова. Когда пришла пора убирать кукурузные поля, самый высокий, рекордный урожай оказался у Василисы Павловны и ее напарника Анатолия Сейфуллина: на каждом из 132-х гектаров они собрали по 1190 центнеров зеле-

ной массы. За короткий срок новая сочная кормовая культура стала приносить на полях хозяйств Чувашии отличные урожаи. Окончившая курсы трактористок еще в 1938 году, Василиса Кузнецова стала знатным кукурузоводом не только в Чувашии, но и в стране. Она выступила на Всесоюзном совещании передовиков сельского хозяйства, в президиуме которого находился страстный кукурузовод Никита Хрущев. Отрывки из ее речи печатались в ряде центральных газет. Когда заканчивалась работа в поле, Василиса Павловна от зари до зари возила в колхоз строительные материалы. Жила она без мужа (он умер рано), одна воспитывала дочь. С душой, старательно выполняла просьбы и поручения избирателей, — она была депутатом Верховного Совета страны.

Прочитав газетные материалы, в которых приводились эти и другие факты ее жизни, работники Чувашигиза попросили меня написать книгу о знатной трактористке. Небольшая по объему, изложенная в жанре очерка, она вышла в свет в 1961 году под названием «Хозяйка королевы полей». Хотелось, чтобы люди, прочитав ее, поняли, откуда в Василисе Павловне столько доброты, душевности, преданности нелегкой для женщины профессии и почему она окружена славой, почетом, уважением и любовью.

Так появилась первая в моей жизни книга. Недавно решил перечитать ее, захотелось взглянуть на себя тогдашнего и оценить его работу спустя сорок с лишним лет. Немного было даже страшновато: не потускнет ли тогдашний молодой газетчик перед нынешним ветераном печати? Оказалось, что беспокоиться не стоило, просьба Чувашигиза была выполнена на должном уровне. Только вот испытывал ли я тогда чувство удовлетворения? Казалось бы, должен испытывать. Но как ни напрягаю память, вспомнить ни о чем подобном не могу. Наверное, потому, что книга вышла в свет в тот период, когда в мою жизнь, как и всех моих земляков-эльбарусовцев, смерчем ворвалась невыразимо страшная, душевраздирающая трагедия. И она, вероятно, вытравила из моего сознания все другие тогдашние ощущения.

До этой поры в памяти эльбарусовцев самым страшным событием оставалась расправа над деревенскими «врагами народа». Но даже сама попытка сравнить ее с тем, что произошло в Эльбарусово 5 ноября 1961 года, показалось бы нелепостью, а то и кощунством. Их объединяют не масштабы, а то, что по поводу каждой из этих трагедий хочется взвыть, глядя на небо: за что ты,

всемогущий Космос, обрушиваешь свои безжалостные удары на бедных эльбарусовцев?

Весть о трагедии дошла до меня в самый канун праздника Октября. Каким-то образом удалось мне втиснуться в грузотакси, направляющееся в село Октябрьское, и, выпрыгнув из него в пути, поспешить в сторону своей деревни. Школа, расположенная на возвышенности, не бросалась теперь издали в глаза. Все вокруг утопало в густом тумане, будто природа прятала от всех любопытных следы чей-то преступной халатности. От солидного школьного здания, которое когда-то деревня строила всем миром и в закладке мощного кирпичного фундамента которого, как вспоминали пожилые односельчане, помогали австрийские военнопленные, остались одни головешки.

... 5 ноября в школе отмечали Октябрьский праздник. Как всегда, он проводился в зале, разделенном когда-то движущейся дощатой перегородкой в два классных помещения. Перегородка была раздвинута, парты нагромождены вдоль стен. Учитель физики с двумя десятиклассниками в это время ремонтировал двигатель. Кто-то ненароком опрокинул ведро с бензином, и от искры от горящей печи вспыхнул огонь. И огненная лава от бензиновых паров ринулась по коридору, ворвалась в зал, обрушилась на детей и взрослых, находящихся там. Поднялась паника... Учителя, бывшие в зале, стали спасать, как могли, детей. Но их возможности были малы. В пожаре погибли 106 детей и четыре педагога. Я не успел на какой-нибудь час, чтобы принести им прощальный поклон, они уже все были спешно похоронены в братской могиле. В деревню понаехала уйма всякого народа - милиции, прокуроров и следователей, представителей разных уровней власти от района до Москвы. Люди не знали, куда им деться, как пережить огромную беду, безмерное горе. Они как будто были в каком-то гипнотическом сне. Но ни тогда, ни позже, ни в нашей «Советской Чувашии» и ни в одной другой газете страны не было о трагедии ни строчки. Некоторые чебоксарцы говорили нам, что зато «Голос Америки» оповестил на весь мир, что «коммунисты сожгли в СССР детей». Группа журналистов нашей редакции высказывалась за опубликование материала о происшедшем, его причинах, но тщетно. Тогда на такого рода события накладывалось строгое табу.

Школьный пожар обернулся трагедией для каждой деревенской семьи. Мой дядя Яков потерял в огне младшего сына; у других родственников - учителей Варвары Федоровны и Апполона

Григорьевича Григорьевых- из четверых дочерей в живых осталась одна, да и она, как и мать, сильно обгорела; лишь чудом не пострадали моя племянница-дошкольница и ее беременная мать, выйдя буквально за несколько минут до взрыва бензиновых паров на улицу подышать свежим воздухом. Трех дочек и сына унес огонь в семье сестры моего друга, погибшего на фронте, Риммы Лесниковой... Все погибшие дети - дети моих друзей и товарищей, родственников. Огромное бедствие навсегда осталось кровавым рубцом в их судьбах, в истории деревни. Напоминает о том и памятник на братской могиле с фамилиями всех погибших, высеченными на мраморных плитках, и обелиск скульптора В.Нагорнова на месте сгоревшей школы. На памятной стеле обелиска изображен ребенок, как бы улетающий в небо, а над ним- летающие птицы - тоже символы детей, принявших их облик. И пусть эти символы живут в нас, напоминая о трагедии и тленности мира, о нашем людском долге-служению добру и милости к тем, кто в ней нуждается.

А.Д. Представляю, каково было эльбарусовцам пережить эту трагедию. Невольно напрашивается вопрос: способны ли люди избавиться от таких стрессов? Для этого, очевидно, человеку нужны противовесы, устанавливающие равновесие и приносящие положительные эмоции или хотя бы отвлекающие каким-то образом от гнетущих отложений в душе и на сердце. Дарила ли, Михаил Иванович, ваша работа подобные эмоции, которые мы называли противовесами? Если да, то в чем они выражались?

М.И. Известно, что главное средство против душевных недугов - это труд, работа. Оно доступно всем и понимается всеми. Находясь с утра до вечера в хлопотах по хозяйству, в заботах о хлебе насущном и о благополучии родных и близких, сельские жители тем самым в трагические дни ограничивают, сдерживают их разрушительную природу и спасают себя от худшего. Так было и с моими односельчанами. Природа наделила их и другой мудростью. Знаю по личным наблюдениям, что, общаясь между собой, они предпочитают не теребить без особой надобности свои незаживающие душевные раны разговорами, воспоминаниями о трагедиях - будь это события тридцатых годов или пожар, случившийся сорок с лишним лет назад. Изредка обстоятельства подносили им и те самые противовесы, о которых вы сейчас вспоминали. К ним хочется отнести, в первую очередь, экономический подъем совхоза «Эльбарусовский», который в семидесятые - восьмидесятые годы выдвинулся в ряд лучших хмелеводческих хозяйств. Он

стал получать большие доходы, рабочие начали хорошо зарабатывать, постепенно оттаивая лед в своих душах. Менялось их настроение, самостоятельный фольклорный ансамбль эльбарусовцев стал одним из признанных не только в Мариинско-Посадском районе, но и в республике. К сожалению, все эти мажорные факты остались в прошлом.

Понятно, настроения односельчан, с которыми я связан прочными узами, отражались и на мне. Что касается противовесов, приносящих добрые эмоции, они меня тоже не миновали. Особенно благодарен судьбе за то, что она втянула меня в водоворот событий, связанных с космическим полетом Андрияна Николаева, который последовал через десять месяцев после эльбарусовской трагедии. Тогда я был потрясен тем, что Космос за что-то убийственно-жестоко наказал моих односельчан, а теперь было потрясение от той великой чести Чувашии, которую он оказал, приняв одним из первых в свои объятия ее сына. В одном из очерков, вошедших в данный сборник, я рассказываю, какую безмерную, беспредельную радость познали мы, земляки Космонавта-Три, в те дни, а также о первых встречах с ним в Москве. Здесь, может быть, уместно будет добавить строки и об одной из других встреч.

Например, о той, которая состоялась по инициативе некоторых шоршелцев. Тогда они собирались приглашать для руководства своим хозяйством знатного председателя колхоза «Победа» Героя Социалистического Труда Василия Зайцева. У кого-то появилась идея: чтобы на общем собрании колхозников не возникло никаких неожиданностей, надо бы ознакомить их с мнением Андрияна Григорьевича. Мне и доверили съездить к нему, в городок военного аэродрома Чкаловское, где тогда проживали все космонавты. Приехал я туда в воскресенье, но космонавта-земляка дома не застал. Прождав до вечера, решил справиться у соседей, не уехал ли он куда-либо надолго. Соседями, в чьи двери позвонил, оказались Поповичи. Дома были только тетя Павла Романовича, которая ведала в семье домашними делами, и его дочка-дошкольница. От них узнал, что сосед уехал, скорее всего, в Москву, там в больнице находится на лечении его мама, а Валентина Владимировна сейчас в Англии. Просидел я у гостеприимных хозяек перед телевизором допоздна, но Андрияна Григорьевича не дождался, уехал ночевать в Москву. В половине шестого утра я вновь был в Чкаловском. Андрияна Григорьевича застал на ногах. Проблему, из-за которой я был направлен сюда, он понял с полуслова.

Пока он дописывал короткое послание шоршелцам, я по его совету совершил экскурсию по комнатам квартиры. Обстановка была в ней весьма скромная, одна из комнат использовалась как домашний спортивный зал. Вернувшись из Москвы, я присутствовал на колхозном собрании шоршелцев, на котором было зачитано также привезенное мною письмо. А о самом собрании, об избрании Василия Васильевича Зайцева председателем здешнего колхоза, наша газета напечатала на следующий день короткую заметку.

Еще одним противовесом, или фактом, сыгравшим в моей творческой биографии немалую роль, стало назначение меня заведующим отделом культуры, литературы и искусства. Признаться, оно оказалось для меня полной неожиданностью. Полагаю, что это произошло по инициативе Матвея Семеновича Семенова, недавно утвержденного ответственным редактором «Советской Чувашии». Верно, интерес ко многим темам, которыми занимался отдел культуры, у меня был достаточно велик. Работая в секретариате, я нередко выступал на страницах газеты с рецензиями на произведения писателей и поэтов, на театральные постановки, новые кинофильмы и другими материалами. Но круг вопросов, освещение которых входило в обязанности отдела, был гораздо шире, они включали всеобщее среднее и высшее образование, воспитание детей и молодежи, работу творческих, научных организаций, культурно-просветительских учреждений и ряд других, с которыми мне до сих пор сталкиваться не приходилось. А главное, журналистского стажа, три с лишним года работы в секретариате, как мне казалось, у меня было явно недостаточно.

Я думаю, что именно по этой причине секретарь обкома КПСС Алексей Иванов, ведающий идеологическими вопросами, в последние два года дважды предлагал мне ехать в Москву на продолжение учебы: в первый раз — в высшую партийную школу, во второй — в Академию общественных наук. И я дважды отказался, считая, что у меня уже имеется университетское образование, которое вполне обеспечивает работу по избранной специальности. Кстати, в нашей редакции было немало людей с высшим партийным образованием, но я не замечал, что они по профессиональному уровню в чем-то превосходили других, не имеющих такого титула. Попутно поделюсь одной своей привычкой: и в этот раз, и потом, когда мне предлагали новые должности, я никому и никогда не давал никаких обещаний, гарантий, что непременно справлюсь с возлагаемыми на меня новыми обязанностями, а говорил, что

попробовать согласен, и если все получится нормально, пусть останется как есть, если же не получится, то лучше переиграть.

Но все это — к слову. Как бы то ни было, я занимал теперь кресло заведующего отделом. Мне повезло, сотрудником в отдел определили недавнюю учительницу Зою Григорьеву, которая по окончании пединститута несколько лет проработала в школе и одновременно активно

сотрудничала в газете как нештатный автор. Ее материалы о школьных делах, интересах и проблемах учителей, зарисовки о людях увлеченных отличались прекрасным знанием того, о чем она писала, чутким, за-

Зав. отделом культуры «Советской Чувашии» Михаил Иванов (в центре) беседует с поэтами Петром Хузангаем, Алексеем Сурковым и Александром Калганом.

ботливым отношением к учащимся и читабельным, литературно безупречным стилем. Я же, в основном, уделял внимание вопросам литературы, искусства, налаживал связи с писателями, поэтами, художниками, артистами, композиторами.

В моей домашней библиотеке имеется заветная полка, где хранятся книги с автографами. Вот одна из них — небольшой, изящно оформленный сборник «Стихи» Петра Хузангая. На суперобложке — на редкость удачный портрет поэта. Под портретом — дарственная надпись: «Пусть вечно живет взаимное беспокойство». Книгу эту, только что увидевшую свет в издательстве «Советский писатель», Петр Петрович принес мне на работу, в отдел культуры, литературы и искусства, но не застал меня на месте. Хузангай был одним из самых активных авторов отдела. И чем, бывало, мудренее подкинешь ему тему, тем с большим азартом брался он за нее. И в этот раз, зайдя в редакцию с заказанным материалом и не застав заведующего отделом на месте, не захотел он, видно, уйти, просто оставив на столе «не остывший» еще очерк. И с присутшим

ему мягким юмором, доброй усмешкой над самим собой и вечной неудовлетворенностью сделанным, перевернул он следующую страницу книги, что принес в подарок, и, вновь взявшись за перо, дописал: «Нелегкое дело печатного слова сулит нам встречи снова и снова... Не так ли, дорогой Михаил Иванович, мой шеф и гений – будоражитель? А кто хранитель?» Но вот поставлено уже число, заполнено все белое поле, но осталось еще невысказанное. И он продолжает писать на полях: «Сутки сидел сиднем, а что высидел – бог весть! Все из-за Вас! До вижданья! П.Х».

Но чем больше сам он сомневался – хорошо ли получилось? – тем более в удовольствие было читать его с блеском написанные статьи и очерки. Нельзя было не поражаться его эрудиции, оригинальности, свежести и ясности суждений, неожиданным поворотам мысли. Потом многие из этих очерков и статей вошли в его «Книгу дружбы». Хузангай одинаково мастерски владел и чувашским, и русским языком, он сам для себя был переводчиком. Это был труженик-непоседа, жадный до новых людей, новых впечатлений, неутомимый путешественник. От Волги до Днепра, от Прибалтики до Кавказа, от котлована Чебоксарской ГЭС до новостроек Болгарии, Румынии, Чехословакии, ГДР – география его дружеских связей широка необычайно. Возвращаясь из поездок, он часто отчитывался о них на страницах газеты. И где бы он ни был, Хузангай всегда чувствовал себя, по его собственным словам, посланцем чувашского народа.

Как-то однажды Петр Петрович поделился своей заветной мечтой – написать книгу о земляках своих, о чувашском крае. Какая бы эта была великолепная книга! Для ее создания он имел все публицистический дар журналиста, зрелость опытного мастера слова, доскональное знание истории отчего края, острый человеческий и писательский интерес к глубинам национального характера. До боли жаль, что задуманное не сбылось.

Другим нашим весьма популярным автором был Яков Ухсай, чьи поэтические книги имелись чуть ли не в каждой чувашской семье. Отдел старался помочь народному поэту Чувашии в подготовке публицистических выступлений, всячески поддерживая, в частности, его поэтическое кредо. Он считал, что чем сильнее любит человек свой край, свой народ, тем с большим уважением относится к другим народам, к их обычаям и традициям, и тем в большей мере вправе он считать себя интернационалистом. На той же заветной полке, о которой я вспомнил недавно, хранился

и сборник в броской, яркой обложке под загадочным названием «Семь голосов». На титульном его листе чуваш Яков Ухсай занял место в одном ряду с русским поэтом Яковым Смяляковым, аварцем Расулом Гамзатовым, башкиром Мустаем Каримом, кабардинцем Алимом Кешоковым, балкарцем Кайсыном Кулиевым, калмыком Давидом Кутультиновым. Народные поэты разных республик России собрались будто за круглый стол для ведения душевной, волнующей всех беседы - о жизни, труде, о призвании и долге человека, о дружбе и братстве народов.

Яков Гаврилович в отдел культуры заглядывал часто, редакционная обстановка была привычна ему со студенческих лет, когда он сотрудничал в центральной чувашской газете «Коммунар», а затем, уже в годы войны, работал корреспондентом фронтовой газеты «Родина зовет». Но и теперь, когда его литературное призвание давно перешагнуло пределы чувашского края, он не порывал связей с республиканскими газетами. Родная земля, святая, беспредельная любовь к ней, призвание и долг человека по отношению к родной природе - эти темы стали для него главными не только в поэзии, но и в публицистических выступлениях. Они появлялись в «Советской Чувашии» довольно часто, и каждый его очерк или статья становились для читателей заметным событием, их нередко обсуждали коллективно, по ним разные ведомства и министерства принимали конкретные решения.

Отдел культуры, да и редакция в целом, стремились знакомить своих русскоязычных читателей с многогранным творчеством поэтов республики, с их новыми сборниками, публикациями в журналах. Многие произведения Ухсай, в том числе и отдельные поэмы, печатались в русском переводе на страницах нашей газеты. В них поэт размышлял о времени и о себе, о соотечественниках, об отчуждении. Читатель чувствовал, как в его размышлениях властно врываются красота полей и лесов, прозрачные родниковые воды, запах свежее испеченного хлеба, девичьи песни, все краски и звуки жизни... Иногда после рабочего дня мне приходилось возвращаться домой вместе с Яковым Гавриловичем (жили мы в соседних домах). В такой вечерний час, когда не подгоняли уже срочные дела, он порой вспоминал и с увлечением рассказывал, как еще в давние годы крепко подружился с башкирскими поэтами, как познакомился, уже через несколько дней после поступления на литературный факультет Московского университета, с Мусой Джалилем и декламировал ему на татарском языке Тукая, о том, каким

открытием была для него «Страна Муравия» и каким счастьем - многолетние добрые, близкие отношения с ее автором Александром Твардовским.

Однажды после такого совместного возвращения Яков Гаврилович сразу же позвонил мне домой. Голос в трубке звучал взволнованно, радостно - приподнято. Оказывается, пока мы неторопливо прогуливались по проспекту, дома его дожидалась телеграмма председателя Комитета по государственным премиям СССР Николая Тихонова. Ухсай зачитал мне ее полностью, хотя она была весьма объемная и походила на страстное выражение любви к поэту и восхищение им. Председатель обращался к нему со словами «дорогой, родной Яков Гаврилович», «радуюсь, восторгаюсь, крепко обнимаю, целую» и другими выражениями таких же восторженных чувств. Главное, телеграмма сообщала, что Комитет принял решение о присуждении народному поэту Чувашии Государственной Ленинской премии СССР. На другой день в редакции появился известный нам корреспондент московской газеты «Патриот» (издание ДОСААФ), когда - то тоже работавший в «Советской Чувашии». Он не скрывал, что приехал взять интервью у Ухсай. Разговор происходил в секретариате, куда я зашел по делу и где кроме нас находились еще двое журналистов редакции. Нас насторожило, что он пригласил Ухсай в свой гостиничный номер, так как у обоих имелась одна и та же слабость; и мы уговорили коллегу, чтобы он побеседовал с поэтом у него в квартире и без каких-либо напитков. А утром в редакции вдруг узнали, что вчера вечером нетрезвого Якова Гавриловича у выхода из гостиницы задержала милиция, подозрительно «во-время» оказавшаяся там, немного позже - еще одну новость: «доброжелатели» сразу же сообщили о том ЦК КПСС. Не трудно догадаться, что в постановлении о присуждении Ленинских премий, опубликованном в газете, фамилии народного поэта уже не было.

Комментировать такого рода события - удовольствие ниже среднего, но, как сказано мудрыми людьми, из песни слов не выкинуть.

Бесспорно, большого таланта - поэт ли он или прозаик, или деятель любого вида искусств - не может быть вне истории своего народа, вне рамок его высоких нравственных качеств. Да и признан большим талантом может быть лишь человек, кто предан своей родине, считает своим долгом воспеть родной народ и в то же время развивать в нем чувства благородства, достоин-

ства, братства, сочувствия и помощи тем, кто оказался в беде, у кого трудности. Известные в те годы чувашские поэты Александр Алга, Стихван Шавлы, Алексей Воробьев, Георгий Ефимов, Раиса Сарби, прозаики Николай Ильбеков, Алексей Талвир, Леонид Агаков, Федор Уяр, Александр Артемьев, Анатолий Емельянов, Михаил Юхма, литературный критик Николай Дедушкин, драматург Николай Терентьев, композитор Филипп Лукин, живописцы Николай Овчиников, Федор Осипов, Равель Федоров, Виктор Немцев, Николай Карачарсков, график Элли Юрьев (к сожалению, всех не перечислить), чьи произведения на страницах «Советской Чувашии» пропагандировались на протяжении многих лет, и сами являлись активными авторами, нередко выступали в ней с актуальными темами.

К обсуждению творческих проблем, оказанию помощи молодым талантам отдел культуры привлекал и приезжающих в нашу республику известных в стране деятелей литературы и искусства. Рассматривая много лет спустя фотографии тех лет, на одном из них я уви-

Гость «Советской Чувашии» Джеймс Паттерсон на Первомайском празднике в Чебоксарах (вспомните негритенка из кинофильма «Цирк»).

дел себя рядом с негритянским советским поэтом Джеймсом Паттерсоном (это он в раннем детстве играл роль негритенка в фильме «Цирк»), вместе с которым мы провели несколько встреч с читателями, а в газете была опубликована подборка его стихотворений. На другом снимке увидел себя беседующим с популярнейшим советским поэтом Алексеем Сурковым.

А.Д. Судя по всему, вам понравилась работа в отделе культуры, литературы и искусства. По-моему, вам удалось наладить тесный контакт с творческими работниками республики, они активно выступали в газете в роли публицистов, часто ставили в своих материалах такие проблемы, которые вызывали немало чита-

тельских откликов. А строительство школьных зданий, детских садов и яслей, клубов, дворцов культуры, Чувашского академического драматического театра - они ведь тоже находились под контролем средств массовой информации. И вдруг вы ушли из «Советской Чувашии», возглавили редакцию молодежной газеты. Что вас привлекло в ней, почему вы оказались там?

М.И. Действительно, после пяти с половиной лет работы в «Советской Чувашии» мне пришлось уйти из нее. Весной 1964 года газета «Молодой коммунист» осталась без редактора. Ее сотрудники поверили молодой аферистке, выдававшей себя за известную в стране героиню партизанского подполья в годы войны, и напечатали о ней очерк на целую полосу. Редактор всю ответственность взял на себя, хотя его вина заключалась лишь в том, что доверился своим работникам. Кто-то предложил на эту должность мою кандидатуру, обком партии поддержал ее. Меня это ничуть не радовало, свой возраст я считал уже далеко не молодым, а взгляды - далекими от подростковых, юношеских интересов. И потому я упорно отказывался занять новое кресло. Но после вызова к первому секретарю обкома все же вынужден был выехать в ЦК ВЛКСМ на беседу. Правда, перед отъездом заявил, что в Москве я открыто выскажусь о своем нежелании стать редактором. Но на заседании ЦК комсомола, которое вел его первый секретарь, на мое заявление не обратили никакого внимания и буквально за несколько минут вынесли решение о моем редакторском будущем.

И мне не оставалось ничего другого, кроме как с головой окунуться в новую работу, точнее - начать ее осваивать. На мое счастье, аппарат редакции, в основном, составляли инициативные, способные молодые сотрудники (впоследствии многие из них стали видными журналистами, писателями и т.д.). Мало-помалу газета изменила свое лицо, стала более читабельной, интересней по содержанию и оформлению, быстро начала расти ее популярность. Меньше чем за два года тираж «Молодого коммуниста» вырос в десять раз.

А.Д. За счет чего же это удалось?

М.И. Похоже, редакция верно определила те направления своих усилий, которых потом строго придерживалась. Одним из важнейших среди них считалось шефство над ударной комсомольской стройкой страны - Чебоксарским химическим комбинатом. Начальник комсомольского штаба стройки Толя Пантыкин и его заместитель Женья Шемаров, можно сказать, дневали и ночевали в

редакции, то есть работали с нами в самом тесном контакте. А корреспонденты «Молодого коммуниста» участвовали во всех мероприятиях, проводимых штабом, чтобы рассказать о них в своих репортажах, интервью и зарисовках. Газета практически стала летописцем стройки - сооружения и самого комбината, и города при нем. Потом мы даже объявили читательский конкурс на его название.

Еще одним «стратегическим» направлением «МК» была избрана работа с подростками. Прежде всего, мы ратовали за то, чтобы дворы и пустыри превратить в волейбольные, хоккейные и даже футбольные площадки, занять школьников не только уроками, а и интересными кружковыми занятиями, во время летних каникул - военносportивными играми «Зарница» и «Орленок». Для таких энтузиастов военно - патриотического воспитания молодежи, как отважный летчик периода Великой Отечественной войны Анатолий Григорьевич Буханец, страницы «МК» являлись как бы «боевым листком» для их воспитанников и трибуной отчета перед комсомолом и всем населением республики о проводимой ими работе. А третьим направлением мы определили заботу о молодых талантах. О литературных, художественных, музыкальных и других увлечениях детей рассказывала тематическая полоса «Парус», публикуемая еженедельно. В ней печатались также произведения самих юных авторов.

Возможно, не все желаемое нам удавалось, но люди работали с подъемом, увлеченно, особенно, в освещении темы подвига советских людей в годы Великой Отечественной войны. Страна готовилась впервые торжественно отпраздновать юбилей Победы - ее двадцатилетие. И в «Молодом коммунисте» материалы по этой теме шли зеленой улицей. В их поиске порой проявлялись огромные организаторские усилия, настоящие поисково-исследовательские методы, терпение и настойчивость. Зато и вознаграждались они по-настоящему интересными публикациями. Приведу в качестве подтверждения один пример.

В январе 1965 года в «МК» появился рассказ краеведа Владимира Бурмистрова о том, что в польской прёссе упоминался партизанский отряд, которым командовал человек под именем «Чуваш», что удалось узнать о нем и его оставшихся в живых побратимах некоторые данные. И наша редакционная машина заработала на полную мощь, она разослала множество писем по разным адресам - на Украину, в Польшу, Москву. Но подлинную

**Газетный очерк о подвиге
«Чуваша» - Якова Николаева,
присланный польскими
журналистами.**

фамилию «Чуваша» никто не знал. И вдруг к редактору газеты обратилась учительница из Чебоксар Анастасия Константиновна Николаева. Прочитав материал краеведа, она задумалась над некоторыми деталями, высказанными боевым другом «Чуваша», и у нее возникло предположение, что он - это ее муж Яков Николаев, бывший начальником погранзаставы, и пропавший в первые месяцы войны. Принесла Анастасия Константиновна и фотографии мужа.

Копии снимков с вопросом «Знаете ли вы этого человека?» редакция разослала польским и советским партизанам, а также ученым-историкам. В ответных письмах назывались все новые имена людей, кто мог бы помнить «Чуваша», а в одном даже были слова: «Сходство есть, но точно сказать не могу». И

из редакции отправлялись новые письма, новые запросы. И вот «МК» получил подтверждение польского ученого-историка Владислава Гуры: Яков Николаев - это и есть «Чуваш». В тот же день чебоксарские телефонистки связали редактора «МК» с польским ученым, который на вопрос «Чем Вы подтверждаете приведенное в своем письме сообщение?» ответил: «Я показал полученное от вас фото группе партизан (назывались и их фамилии), и они все признали в нем «Чуваша».

В те же дни пришло письмо с Украины, от Федора Ковалева, командира партизанского отряда, в котором сражался и «Чуваш», возглавлявший взвод разведки: «Шлю фотографию с официальным подтверждением: это он». Вскоре почта доставила в редакцию объемистый пакет от польского писателя Войцеха Сулевского, который прислал вырезки своих выступлений о «Чуваше» в польской печати и письмо. «Согласно информации, - говорилось о нем, - которую я получил от жителей деревень из района Парчевских лесов, лейтенант на снимке, который вы мне прислали, был известен им под партизанским псевдонимом «Чуваш».

Так мы узнали человека, достойно пронесшего на партизанских тропах Польшу имя родного народа - уроженца Марпосадского района, педагога по образованию, командира погранзаставы. Затем редакция «МК» пригласила Федора Ковалева в Чебоксары, состоялась его встреча с Анастасией Константиновной, с ним беседовал первый секретарь обкома КПСС С.М.Ислюков. В последующем вдова «Чуваша» и его дочь Эмилия дважды побывали в Польше, в тех местах, где сражался и пал смертью храбрых их муж и отец. По ходатайству редак-

Боевой соратник партизана «Чуваша» Федор Ковалев (крайний справа) встретился в редакции «Молодого коммуниста» с его вдовой Анастасией Константиновной Николаевой (слева – поэт Яков Ухсай).

кции «Молодого коммуниста» и представленным ею документам в марте 1966 лейтенант-пограничник Яков Николаев посмертно награжден орденом Красного Знамени за активное участие в партизанском движении в период Великой Отечественной войны, мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

Обо всем этом журналисты «МК» Михаил Иванов и Альберт Пономарев рассказали в книге «Человек из легенды», изданной Чувашским книжным издательством.

И я решил, что на этом моя миссия в редакции молодежной газеты завершена, и я запросто могу вернуться в свою «взрослую» редакцию. Но зав. отделом пропаганды обкома Илья Павлович Прокопьев так не считал, он всячески отговаривал меня, а в следующей беседе, вновь натолкнувшись на мое упорство, намекнул даже, что по итогам работы прошлого года в числе многих земляков я награжден медалью «За трудовую доблесть», что указ об этом уже подписан. Я же твердил, что продолжу работу только в «Советской Чувашии». В «верхах», надо полагать, долго решали, как со мной поступать. Из списка награжденных меня вычеркну-

ли, но «несерьезный» поступок простили, в чем я окончательно убедился год спустя, когда на бюро обкома партии меня утвердили заместителем ответственного редактора «Советской Чувашии».

А.Д. Когда вас назначили ответственным редактором «Советской Чувашии», она уже имела более чем полувековую историю, прошла несколько этапов своего развития. Конечно, этапы были

Встретились два отв. редактора одной газеты (восьмидесятых и сороковых годов) Михаил Иванов и Александр Вишняков – член-корреспондент Российской академии педагогических наук.

наработки, устоявшиеся традиции, свои сильные и слабые стороны. Была ли у вас возможность знакомиться с ними? Использовали ли вы в своей работе опыт предшественников?

М.И. Если человек, находясь в коллективе, начинает чувствовать в нем себя как равноправный, признанный член семьи, дорожить его добрым именем и авторитетом, к тому же, вдруг окажется во главе этой семьи, он, естественно, не может не заинтересоваться ее родословной, ее традициями. Но история печатных изданий Чувашии на русском языке долгое время находилась в зачаточном состоянии, отдельные ученые, в частности, Арсений Изоркин, более или менее системно начали заниматься ею только в последние десятилетия. У самих же газетных работников, видимо, не было ни времени, ни условий, чтобы рассказать о жизни и делах предшественников, да и архивные документы долгие годы оставались под запретом.

Сотрудники «Советской Чувашии» стали интересоваться ее родословной, когда в печать просочились некоторые сведения о

разные, так как проходили в разных условиях. Менялся и профессиональный уровень сотрудников, менялось, как часто говорят, и лицо газеты (имея в виду не только ее внешний вид, но и литературно-стилевое качество общения журналистов с читателями). Но, тем не менее, это была одна газета, где одно поколение журналистов представляло другому свои

Карле Яновиче Грасисе, сосланном царским правительством в уездный городок Чебоксары под надзор полиции и начавшем здесь выпускать газету большевистской направленности "Чебоксарская правда".

Узнав, что в научно-исследовательском институте при Совете министров ЧАССР сохранились номера "Чебоксарской правды", наш редактор, договорившись с его директором, направил меня туда подробно ознакомиться с ними. Листая тоненькую подшивку, убедился, что из всех 24-х номеров в ней не было только одного. Эта газета - первый ее номер вышел в свет 23 апреля 1917 года - была органом Совета рабочих- и солдатских депутатов города. Издавалась она два раза в неделю на деньги, собираемые от населения, и решительно поддерживала лозунг "Вся власть Советам!". Просматривая страницы газеты, можно было узнать и о том, как непримиримо относилась она к уездному комиссару Временного правительства. Не удивительно, что в дни июньского переворота руководители Чебоксарского совета во главе с Грасисом были арестованы. Последний, 24-й номер "Чебоксарской правды" вышел 30 июня...

О том, какой предстала газета передо мной, пришлось написать справку для редколлегии, которая решила выйти с ходатайством о праздновании 60-летия "Советской Чувашии". Из сектора печати ЦК редакции сообщили, что ходатайство наше поддерживается, но если перенесем празднование юбилея на некоторое время, то можем рассчитывать на орден Трудового Красного Знамени. Однако, редколлегия рассудила, что "ложка дорога к обеду". В результате "Советская Чувашия" была награждена указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 января 1968 года орденом "Знак Почета".

К слову, тут напрашивается попутный вопрос. Ныне "Чебоксарскую правду" считают своим предшественником сразу два издания. Одно, как уже говорилось, это "Советская Чувашия", успевшая отметить четыре юбилея (50-60-70-80 лет), считая датой своего рождения выпуск первого номера газеты, основанной сыном латышского народа Грасисом. Другое издание - газета Чувашского республиканского отделения КПРФ, выходящая под тем же названием "Чебоксарская правда", которая в каждом номере напоминает, что она "выходила с 10 апреля по 30 июня 1917 года" и что "выпуск возобновлен 1 мая 1998 года". Видимо, каждое из этих двух нынешних изданий находит в "Чебоксарской правде"

далеких лет свои аргументы, чтобы считать ее своей прародительницей.

На мой взгляд, подлинная история русскоязычной журналистики чувашского автономного образования (области, а затем республики) берет свое начало с газеты "Известия Революционного Комитета Автономной Чувашской области РСФСР". В зависимости от происходящих изменений, название "Известий" неоднократно уточнялось: начиная с 17-го номера, они считались газетой "Областного исполкома Советов РК и КР деп. Авт. Чув. области РСФСР", три первых месяца 1921 года - "Облсполкома, Чувотдела наркомнац. и Областкама РКП Авт. Чув. Обл. РСФСР". А с января 1922 года газета стала выходить под названием "Чувашский край".

Немногочисленную пишущую братию "Известий" и "Чувашского края" представляли подлинные энтузиасты. Работая в невыносимо трудных условиях, они стали летописцами образования и упрочнения чувашской государственности, преодоления всех огромных трудностей, которые с самого начала выпали на долю области - бедности, экономической и культурной отсталости, разгула социальных болезней и страшного голода, наступившего в результате небывалой засухи. Говорю об этом потому, что в последние годы мне удалось просмотреть все сохранившиеся номера этих газет. Конечно, литературный уровень материалов, редактирование, верстка, полиграфическое исполнение явно желали лучшего, но надо учесть, что работали они прямо-таки в невыносимых, по сравнению с нынешними, условиях. Их неутомности, фанатичной преданности своему делу, умению искать и находить пути решения постоянно возникающих сложнейших проблем могли бы позавидовать и сегодняшние журналисты.

С 30 сентября 1925 года, то есть через три месяца после преобразования Чувашской области в автономную республику, ее печатным органом на русском языке становится бывшая алатырская уездная "Трудовая газета". Через четыре года она была переименована в "Красную Чувашию", а в январе 1954 года - в "Советскую Чувашию". Встает закономерный вопрос: какова была их роль в жизни общества? Они, выполняя одновременно функции и партийной, и советской печати, являлись официальными органами обкома КПСС и государственной власти ЧАССР - Верховного Совета и Совета министров Чувашской АССР.

На страницах "Советской Чувашии", как и других областных газет, их функции реализовывались по нескольким основным направлениям: публикация и разъяснение принятых властями (и партийными, и советскими) решений, освещение хода претворения их в жизнь, ведение контроля за выполнением принятых решений. Редакция обязана была также следить, какие меры принимаются по опубликованным критическим материалам, по поступившим в редакцию письмам, жалобам и заявлениям граждан. Спрос с газет за то, чтобы по ним, а также по опубликованным материалам принимались надлежащие меры и о них сообщалось в газете, был весьма жесткий.

На вопрос о том, учитывал ли я, как редактор, опыт предшественников, любой другой ответ, кроме положительного, вызвал бы недоумение. Ведь каждое поколение сотрудников составляло в общей редакционной копилке свой пласт, содержащий безусловные удачи и, чего греха таить, случавшиеся неудачи тоже (от ошибок никто не застрахован). В работе было полезно учитывать и то, и другое. Первое, чтобы использовать его (разумеется, с учетом изменившихся условий), второе - чтобы не допускать повтора.

Доводилось пожимать руки и членам Политбюро Г.А. Алиев приветствует встречающих его чебоксарцев.

Журналистские коллективы "Советской Чувашии" на разных этапах ее истории активно способствовали становлению и упрочению чувашской государственности (кстати, в первые годы руководители области, республики и сами выступали в роли газетчиков, они порой по совместительству исполняли даже обязанности главных редакторов), становлению промышленного и росту сельскохозяйственного производства, культурной революции, развитию народного образования, здравоохранения, укреплению обороноспособности страны, борьбе с бюрократией, консерватизмом и со всем тем, что считалось тормозом.

Для примера сошлюсь на журнал "Красная печать", который в первом номере за 1923 год опубликовал отзыв Агипропа ЦК РКП/б/о газете "Чувашский край". В нем сказано, что "Чувашский край" из слабенькой городской газетки превратился в боевую крестьянскую газету, что тот курс взят совершенно правильно, так как Чувашия - крестьянская область, что газетные передовые всегда написаны на местные, боевые темы: чума, кооперация, сельсоветы, землеустройство и сельское хозяйство. Особо отмечалось, что редакция сумела наладить связь с читателями из провинций, что в газете можно найти вести из самых дальних уголков области".

"Трудовую газету" можно по праву считать следующим этапом в истории развития журналистики Чувашии. Повысились культура, творческий уровень работы сотрудников, расширилась тематика их выступлений, более привлекательной стала верстка полос, оживляемая рисунками, карикатурами, фотоснимками. Редакция газеты более двух лет издавала, как свое приложение, сатирический журнал "Кочедык" (всего выпущено 49 номеров).

Этот опыт впоследствии редакцией использовался неоднократно. Часто практиковался, например, выпуск специальных приложений газеты в отдельных районах, на важнейших стройках Чувашии. По несколько раз выходили приложения "Красной Чувашии" в Порецком и Алатырском, по одному разу - в Кувакинском и Шумерлинском районах, Шумерлинском лесопункте. А в семидесятые-восемидесятые годы (когда я работал редактором) большой популярностью у читателей пользовались приложения газеты "Советская Чувашия" для ударных строек: на сооружении сталелитейного цеха агрегатного завода, Новочебоксарского химкомбината, Чебоксарской ГЭС, Новочебоксарской ТЭЦ, завода промышленных тракторов. Свыше двух лет продолжался выпуск специального издания для коллективов, ведущих на территории Чувашии строительство магистральных газопроводов и газокompрессорной станции "Заволжская".

Особой страницей в истории газеты стали годы Великой Отечественной войны, когда усилия редакции были направлены на мобилизацию всех сил населения республики на разгром врага. Многие сотрудники "Советской Чувашии" ушли на фронт, работавшие в ней журналисты Борис Шашков, Николай Бусыгин, Михаил Алексеев, Николай Базанов, Петр Жданкин пали смертью храбрых в боях с фашистами.

За долгие годы истории "Советской Чувашии" в ее коллективе воспитывалось, формировалось много талантливых репорте-

ров, очеркистов, публицистов, имена некоторых из них стали широко известны и за пределами республики. Из среды сотрудников и активных общественных корреспондентов газеты вышло немало советских, партийных и хозяйственных руководителей, целая плеяда писателей и поэтов, видных деятелей науки, культуры и искусства.

Учредители обязывали свою газету всегда находиться на переднем крае. Не знаю, может ли бывший ответственный редактор до конца быть объективным в оценке своей газеты, но я искренне убежден, что страницы "Советской Чувашии" привлекали читателей городов и сел своим содержанием, объективностью, заинтересованным обсуждением жизненных проблем, читательским обменом мнениями о позитивных и негативных событиях, регулярной публикацией ответов на критические выступления и письма читателей (недаром же люди зачастую обращались к газете, как к "скорой помощи"). Редакция стремилась не выпускать из сферы своих интересов ничего важного. Рост производительности во всех сферах производства, положение дел на предприятиях и стройках, в колхозах и совхозах, массовое строительство сельских клубов, Дворцов культуры, выставочных залов, детских садов и яслей, становление музыкального театра, Чувашского государственного университета, чувашского телевидения, новых театральных зданий, забота о школах, техникумах и вузах, расширение сети научно-исследовательских учреждений, работа книгоиздателей, творческих коллективов, здравниц, баз отдыха, - не перечислить при всем желании адресов газетных выступлений, тематики журналистских материалов.

А.Д. Михаил Иванович, из всего вашего большого журналистского стажа целых четверть века вам пришлось заниматься менеджментом, то есть управленческими, организаторскими функ-

Приходилось бывать и в Кремле. Делегаты Чувашии на совещании идеологических работников.

циями (восемь лет вы были заместителем редактора и пятнадцать - ответственным редактором). На практике можно встретить две категории газетных, журнальных редакторов: одни стремятся исполнять свои служебные обязанности, участвуя в создании и своих журналистских произведений, а другие занимаются только менеджментом. К какому типу редакторов вы бы отнесли себя?

М.И. Действительно, быть главным редактором и продолжать выступать со своими журналистскими материалами - задача очень непростая. Потому значительная часть главных редакторов даже не стремится к этому, весь запас времени поглощают у них менеджерские заботы, они считаются основными и пренебрегать ими никак нельзя. Есть и такие, которые пишут изредка. Исключение из правил, думается, составляют те, кто при всех обстоятельствах публикуется регулярно. Что касается лично меня, то я всегда считал, что журналисту при всех обстоятельствах надо жить по принципу "Ни дня без строчки". Если редактор только управленец, тогда чем он отличается от типичного чиновника? Таким людям, по-моему, сложнее найти взаимопонимание с редакционным коллективом.

И сыну пришло время жениться...

Ивановой сочинили (по заказу московского издательства "Советская Россия") довольно сложную и по содержанию, и по композиции публицистическую работу с названием "Радуга над Волгой" - документальную повесть о вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем

Конечно, редактору-менеджеру трудно найти время для личного творчества, но все же возможно. В какой-то мере удавалось выкраивать его и мне, в том числе нередко за счет сна. В первую очередь, для выступлений в своей газете, но не только. Писал иногда и для журналов, и книги по заказам издательств. Так, в бытность мою заместителем редактора мы в соавторстве с Валентиной

дне Чувашии. И она увидела свет в 1980 году в серии "В семье российской, братской". Удалось написать и опубликовать сборник очерковых материалов и документальную повесть и в период работы ответственным редактором, а когда находился еще в должности заведующего отделом - краеведческую книгу "Приглашение в Чувашию", которая была издана и в Чебоксарах, и в Венгрии.

Времени на собственное творчество у главных редакторов не остается и потому, что их, как правило, чрезмерно загружают дополнительными обязанностями, не имеющими к работе редакций, журналистов абсолютно никакого соприкосновения. Так было все годы и со мной.

Трижды избирался депутатом Чебоксарского городского, столько же - депутатом Верховного Совета Чувашской АССР и, разумеется, состоял в каких-то комиссиях и комитетах. Пришлось мне возглавлять, например, Административную комиссию городского Совета, которая строго по графику, раз в месяц, выезжала в места содержания осужденных для рассмотрения их заявлений, просьб и жалоб. Приходилось постоянно бывать на всякого рода нужных и ненужных совещаниях, выезжать по разным вопросам, в том числе, и на политдни, в районы, села и города, ну и, естественно, при-

На трибуне пленума Чувашского комитета защиты мира его председатель М.И. Иванов.

В штате Техас чувашского сторонника мира гостеприимно приютит в своем особняке выпускник местного университета.

существовать на заседаниях бюро обкома КПСС. Чуть ли не два десятилетия возглавлял Чувашский комитет защиты мира, на что тоже времени уходило немало. Если взять отдельно каждое из этих мероприятий и организаций, то они в целом проводятся и работают на пользу людям, спорить с этим не стоит. Но зачем в таком количестве загружать ими ответственных редакторов? Они же и без того крутятся, как белки в колесе. Конечно, участие в общественной жизни, общественных делах необходимо журналистам, оно полезно им, но в разумных пределах.

А.Д. Думаю, призыв к разумности никто не воспримет как рекомендацию к самоизоляции, к отчуждению от всего окружающего. Такого журналиста трудно даже представить. Люди нашей профессии, как правило, склонны к общению, к обмену мнениями, впечатлениями. В творческом процессе, понятно, они остаются наедине с собой, а затем им приходится сбросить переставшее быть нужным напряжение, они ощущают желание поделиться с другими тем, что у них в душе. В коллективе, где царит атмосфера взаимопонимания, дружелюбия, стремление быть информированным обо всем, что происходит в других редакциях, и творческие проблемы решаются более успешно. Мне кажется, заинтересованность в общении с коллегами, стремление чувствовать, откуда и куда дуют профессиональные ветры, - это характерная черта многих редакторов газет, руководителей теле- и радиовещательных компаний.

М.И. Полностью согласен с вами. В редакции «Советской Чувашии» люди тоже часто задерживались после работы, чтобы поиграть в шахматы, домино, настольный теннис. Выиграв какую-то российскую журналистскую премию, мы купили даже бильярд. В шестидесятые, семидесятые годы регулярно проводили встречи с коллегами из Марийской, Татарской республик, Горьковской области. Бывая друг у друга, первым делом узнавали, у кого что нового, устраивали азартные спортивные соревнования.

Весьма разносторонними сложились наши связи и с журналистами Хевешской области Венгрии. Так совпало, что в годы моего редакторства Чувашия и эта венгерская область, старинный волжский город Чебоксары и древний Эгер стали побратимами, и мы наладили весьма тесные отношения с венгерской областной газетой. Происходил регулярный взаимообмен делегациями редакций «Советской Чувашии» и «Непсава». За эти годы многие наши газетчики побывали в области Хевеш, а венгерские - у нас в Чува-

шии. И мы с редактором «Непсавы», известным венгерским публицистом Яношом Папом — скромным, немногословным, интеллигентным и корректным человеком, тоже не раз бывали друг у друга в гостях. Однажды по его просьбе я даже свозил Яноша в Ульяновск, побывали мы там в мемориальном доме-музее и квартире-музее Ульяновых, в бывшей Симбирской чувашской школе, самой первой «кузнице» национальных кадров учителей, основанной великим чувашским просветителем Иваном Яковлевым.

Год от года ширились контакты трудовых коллективов, профсо-

У нас в гостях редактор венгерской газеты «Непсава» Янош Пап.

А на этом снимке — у него в Венгрии в гостях чувашские журналисты.

хозяйства, чем “дышат” учреждения культуры и вузы. А чувашские делегации детально интересовались достижениями зарубежных друзей во внедрении научно-технического прогресса, “секретами” высокой культуры производства, повышением урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства.

И все находило отклик на газетных страницах. Многие контакты были по-человечески теплыми, искренними. И журналисты в первую очередь искали и находили в них такие чисто-человеческие “изюминки”. О том, например, что в Эгере появился жилой

южных и молодежных организаций, учебных заведений, — порой обменивались даже целыми поездками дружбы. Венгерские гости проявляли интерес к тому, как решают в наших коллективах социальные проблемы, как ведется подготовка кадров для народного

микрорайон “Чебоксары”, а в столице Чувашии - Эгерский бульвар. О “хевешских” этюдах известного чувашского живописца и о том, как получил “прописку” на венгерских полях ячмень “цивильский”. О многолетнем диалоге ученых Чувашии и Венгрии - этнографов, фольклористов, языковедов, музыковедов. О премьере спектакля по пьесе венгерского драматурга в Чувашском драматическом театре и выставке творений народных умельцев-волжан в Эге-

Годы идут. Мы становимся мудрее.

ре. О свадьбе, которую сыграли, подружившись в интернациональном студенческом стройотряде на возведении Чебоксарского завода промышленных тракторов, парень из Эгера, будущий агроном Иштван, и командир стройотряда, будущий педагог Ирина, кстати, дочь известного чувашского журналиста, ветерана Великой Отечественной войны Павла Крысина. Позже многие из этих историй составили основу новой книги Валентины и Михаила Ивановых “Встречи на Тиссе и Волге”.

Были памятными встречи и на других журналистских путях-дорогах, например, ярославских.

Ярославль - Чебоксары -
Сердцем избран маршрут.
В Чебоксарах не даром

Нас своими зовут, - писал четверть века назад поэт-фронтовик из Ярославля Иван Смирнов в своем стихотворном цикле с символическим названием “На чувашской волне”. Жаль, что ныне заросли травой забвения те когда-то очень оживленные дороги между нашими волжскими городами, породненными на какое-то время даже космическими трассами “Сокола” и “Чайки”...

В свое время в “Советской Чувашии” в трех номерах печатались мои путевые заметки “Ярославские встречи”. Может, потому так запал тогда в душу Ярославль, что нашими гидами по нему были поэты. Никогда не забыть тот теплый июльский вечер, когда накануне поездки на некрасовский праздник поэзии в Карабику мы вместе с редактором ярославского “Северного рабочего”, моим дав-

ним другом Александром Михайловичем Ивановым, встречали из Москвы на железнодорожном вокзале уроженца Ярославля, известного поэта Сергея Смирнова. Усталый после дороги, не первой уже молодости, больной человек... Всего на минутку по пути в гостиницу заглянули все мы к секретарю областной писательской организации Ивану Смирнову. И полюбовались с балкона его дома открывающимся сверху неповторимым видом: слева - точеные золотые луковки древнего храма. Справа - новый речной вокзал, неутомимая труженица-Волга. В эту ночь она была особенно хороша, великая русская река, главная "голубая улица" России. Мы молча восхищались этой непередаваемой красотой, о которой можно было говорить разве что только стихами. И верно, Сергей Васильевич Смирнов начал читать стихотворение. Потом другое, третье, пятое... И поэт менялся, преображался на наших глазах. Куда подевалась усталость, груз десятилетий - он вновь был таким же молодым, задорным, с юными сверкающими глазами, как на его еще дофронтальной фотографии, что мы видели в альбоме у хозяина дома. Уже начало

Редактор «Советской Чувашии» приветствует в Чебоксарах редактора ярославской областной газеты Александра Иванова.

светать, а мы, забыв обо всем, продолжали сидеть, как заворуженные. Очень верно сказал Сент-Экзюпери: самая большая роскошь в мире - это роскошь человеческого общения...

Ярославль запомнился еще и потому, что знакомил нас с ним другой поэт-лирик, ре-

дактор "Северного рабочего". Право же, трудно, наверное, найти иного человека, столь влюбленного в свой родной край, как Александр Михайлович. Причем, водил он нас не только по "парадным" улицам и набережным, но и далеко не "туристскими" тропами, по местам, чем-то дорогим лично ему. А перед нашим отъездом в Чебоксары я получил от него неожиданный, очень дорогой подарок: стихи с трогательным эпиграфом - "Моему чувашскому другу М.И.Иванову" - и со

своеобразным выразительным заголовком "Почему так много Ивановых", который вероятно, и дал повод составителям-энтузиастам второго тома удивительного по своему богатству сборника "Чуваши в русской литературе и публицистике" поместить в книгу и это стихотворение.

Честь не по фамилии, но снова
Любопытство все-таки берет:
Почему так много Ивановых
На земле Чувашии живет?
Почему - пытаюсь разобраться,
Истина, известная давно:
При Иване Грозном наше братство
Грамотою было скреплено.
Вот тогда Москва шитом прикрыла
Чувашей от вековой беды, -
Как орда себя не золотила, -
От кровавой в сущности Орды.
Вот тогда в порыве ликования,
Строго по легенде говоря,
И пошли в Чувашии Иваны
В честь Ивана русского не зря.
Может быть, в легенде нет изъяна,
Только все же уточнить берусь:
Имена давали в честь Ивана,
Олицетворяющего Русь.
Что носил сермягу и кольчугу,
Хлеб растил и родину берег.
В час беды спешил на помощь другу
Конным, пешим, даже без дорог.
В честь его, грозы для басурманов,
Верю я, из глубины веков
И пошло: Иван, а сын - Иванов,
А потом фамилья - Иванов.
Мы с тобою тоже Ивановы:
Ты- чуваш, я- русский.
На века
Нашей дружбы прочные основы,
Словно Волга - братская река.

Немало воды пропустила Волга с той поры по своему руслу
от Ярославля до Чебоксар. Жизнь течет, меняется, как и великая

река. Александр Михайлович Иванов не дожил до нынешних перестроечных времен, до распада великой страны, неизлечимая коварная болезнь унесла его в конце восьмидесятых годов. А от Ивана Смирнова, многолетней дружбой связанного с чувашскими писателями, вести приходили еще долго. Он перевел на русский язык сборники стихов Альберта Канаша и Аркадия Лукина, поэмы Якова Ухсая, Алексея Воробьева, стихотворения Георгия Орлова, Юрия Семендера, Порфирия Афанасьева, Александра Галкина, Нины Артемьевой, Любви Мартыановой, опубликовал немало статей о творчестве чувашских литераторов. Его переводы, статьи не раз печатались и в нашей газете. В одном из писем он вспомнил и о своих связях с «Советской Чувашией».

«На днях, просматривая старые письма, с каким удоволь-

ствием перечитал я Ваше, Михаил Иванович, письмо, написанное Вами после публикации в «Советской Чувашии» поэмы Якова Ухсая «Гроза»! Извините, но не могу обойтись без цитаты: «Дорогой Иван Алексеевич! Спасибо за поэму. На мой взгляд, перевели Вы ее очень хорошо. Доволен и сам Ухсай... Только беспокоит меня мысль, что та-

**Иногда и журналистам случалось
получать ордена.**

кая прекрасная работа остается недостаточно вознагражденной: газетные гонорары, конечно, малы для поэзии - выписали Вам 155 руб.» До сердечного волнения трогает Ваше письмо! Если бы такие редакторы газет и журналов были сейчас! - жить можно было бы поспокойнее. А ведь Вы, Михаил Иванович, в соавторстве с Валентиной Андреевной нашли возможность сказать о нас доброе слово и в книге...Сегодня посылаю письмо еще одному замечательному чувашу - Илье Павловичу!»

Да... Многое запомнилось за десятки лет работы в редакции. Рассказать обо всем в одной «беседе» невозможно. Было всякое, работа, сама жизнь состояли не из одних шоколадных пилюль, порой их омрачала и горечь неудач, разочарований. Но доброго,

хорошего было гораздо больше. В журналистской, редакторской практике, как и в годы армейской службы, мне везло на хороших людей, с которыми, прежде всего, и приходилось иметь дело ответственному редактору ведущей республиканской газеты. Искренне благодарен судьбе, что на мою долю выпало работать в этой должности под руководством Семена Матвеевича Ислукова и Ильи Павловича Прокопьева. У них был разный стиль руководства газетами, но в целом оба они судили о деятельности редакции, ее сотрудников объективно, справедливо, мудро.

А более всего память моя хранит добрые воспоминания о коллегах, с которыми довелось вместе работать. Справедливо сказано: один в поле не воин. То же самое и редактор, будь он хоть семи пядей во лбу. Он воин только тогда, когда при нем толковая, спаянная команда умелых профессионалов. И она, конечно, сама собой не появится, а если уж и сложится, то и тогда требует к себе повседневной заботы и внимания. Мне лично постоянно приходилось решать с властями разных уровней вопросы о квартирах сотрудникам, выделении им мест в детских учреждениях, садоводческих участков, о внимании к семьям ветеранов редакции и другим категориям работников. Вместе с тем, я считал своим долгом оберегать журналистов от какого бы то ни было давления, откуда бы оно не исходило, - от высокопоставленных ли чиновников, облеченных властью, или слишком ретивых общественных активистов, - всегда, в первую очередь, брал «огонь на себя».

Вот передо мной большое цветное фото, занимающее весь разворот юбилейного приложения к «Советской Чувашии». На снимке - весь творческий коллектив редакции, за исключением нескольких человек, дежуривших в тот день по номеру. Вглядываюсь в их лица, и в каждом нахожу что-то общее, знакомое, что сближало, роднило нас, таких разных. вспоминаю о каждом, прежде всего, его сильные стороны и улыбаюсь по-доброму каким-то человеческим слабостям иных из них.

Эти тридцать человек составляли тогда нашу общую семью. На первой странице приложения помещен ряд указов и постановлений о награждении многих из них орденами и медалями СССР, о присвоении почетных званий, о награждении Почетными грамотами. Это было в сентябре 1987 года, когда газета отмечала свое семидесятилетие. Через два года я сложил по своей инициативе (был уже в пенсионном возрасте) редакторские обязанности. Расставаясь с коллективом, пожелал всем удачи, успехов, творческих и всяческих, и оставил редакцию газеты, тираж кото-

На снимке, сделанном в День 70-летия газеты «Советская Чувашия», слева направо: первый ряд – А.Оленова, Э.Александров, Л.Решетников, Н.Полянская, И.Кириллов, М.Иванов, Н.Скок, В.Жебит, О.Резюкова, Г.Вронская. Второй ряд – А.Мариненков, Л.Васильев, З.Григорьева, В.Есипов, А.Самохвалов, Л.Буланкина, А.Палазов, В.Васильев, В.Арсюхин, А.Сафин. Третий ряд – Б.Иванов, В.Шишкин, В.Федоров, Ю.Кириллов, Н.Тейков, А.Кражинов, А.Соловьев, В.Романов, А.Белов, И.Михеев. Снимок 1987 года.

рой достиг к тому времени своего наивысшего пика - 115 тысяч экземпляров. Известно, что время, политическая и социальная обстановка во все вносят свои коррективы. Названный тираж, к сожалению, оказался пределом популярности «Советской Чувашии», - вскоре он начал сокращаться, как и во всей российской печати, как шагреневая кожа. Постепенно распался и коллектив. Из прежних тридцати журналистов в «Советской Чувашии» работает сейчас меньше трети, двенадцать человек трудятся в других редакциях, почти столько же - на пенсии, а двое ушли из жизни.

Но радует меня то, что мои бывшие сотрудники не растеряли свои творческие способности, а поприбавили их: более половины из тех тридцати «боевых перьев» являются сегодня или являлись вчера руководителями коллективов СМИ республики. Во многих из них теперь основная сила - молодежь, в том числе и выпускники нашего университетского факультета журналистики ЧГУ (горжусь, что часть из них были и моими студентами).

Все правильно, все закономерно. Здравствуй, племя младое, незнакомое!..

КАК ЗАВЕЩАНИЕ СВЯТОЕ

А.Д. Что бы вы, Михаил Иванович, хотели сказать в заключение нашей беседы?

М.И. По-прежнему, как и в далекой молодости, влечет меня журналистика, - недаром же среди нас бытует поговорка, что журналисту, утратившему способность удивляться, нужно срочно менять профессию. Интересуюсь работой редакций, всех средств массовой информации республики. По этой причине, наверно, уже и выйдя на пенсию, года четыре поработал в Госсовете Чувашии пресс-секретарем и руководителем пресс-центра. Стараюсь что-то писать на волнующие меня темы. И

еще думаю о том, что полезно было бы нам, ветеранам, опыт, накопленный за десятилетия практической журналистской работы, как и житейский опыт, передать молодежи.

Мы, ветераны, считаем: нельзя разделять "отцов и детей". Дети по природе своей, и это главный закон развития человечества, должны продолжать лучшие традиции отцов. И мы никак не разделяем расхожее нынче мнение, что наше поколение не оставляет ничего стоящего новому поколению. Кто так думает и утверждает, глубоко заблуждается, а кто этому верит - тем более. "Отцы" во все времена стремились посеять добрые семена в душах молодежи. Нашим поколением тоже немало сделано для этого. К сожалению, находятся силы, которые вбивают клинья между отцами и детьми. Мы со своей стороны прилагаем все силы, чтобы не дать разгуляться этим темным силам. Мы, сегодняшние ветераны, вовсе не "изверги XX века", как они нас называют и пытаются представить, мы считаем себя творцами, созидателями. И хотим, чтобы в этом было уверено и сегодняшнее молодое поколение. С этим, наверно, связано и мое желание продолжить на практике эту работу, и когда меня пригласили преподавать на факультете журналистики, чтобы передать свой опыт начинающим репортерам, я без колебаний согласился. И мне кажется, что в этом отношении мне удастся кое-что по возможности делать - непредвзято, объективно, здраво.

А.Д. В предыдущих главах было названо немало имен людей, с которыми вам приходилось встречаться в разных ситуациях и по разным поводам. Особенно в годы службы в армии. Где они теперь, ваши друзья-однополчане, с кем из них вы сохраняли связи последние десятилетия?

М.И. Не так часто, но еще приходят от друзей-однополчан письма или скупые восточки-открыточки из разных уголков России, а также республик ближнего зарубежья. Долгие годы действовал почтовый "треугольник" Москва - Кривой Рог - Чебоксары. На Украине и по сей день живет один из лучших "технарей" нашего полка, неунывающий человек Миша Чумаченко. Получив диплом инженера-энергетика, до выхода на пенсию он работал в родном городе по специальности. А сейчас занят семейными заботами. у него большая и дружная семья.

В Москве после демобилизации жил другой наш авиамеханик, Юра Соболев. Демобилизовавшись, окончил институт и стал инженером-технологом пищевой промышленности. Мы встречались каждый раз, когда мне доводилось бывать в столице. Но в середи-

не девятидесятых годов от него, большого оптимиста по природе, чередой пошли на редкость горькие письма. Дочь его, работавшая в престижном НИИ, и зять, отменный специалист-электронщик, оказались в родной стране лишними людьми, безработными. И ради детей и внуков Соболевы переехали всей семьей в Германию. Сейчас, несколько лет спустя, Юра пишет, что в бытовом плане живет им гораздо лучше, безбедно, что получает он там приличную пенсию, на которую уже дважды побывал в зарубежных туристических поездках. А совсем недавно побывал и в Москве.

И бывший механик-электрик Леня Фридман, мастер на все руки, о котором также упоминалось в нашей беседе, теперь тоже

находится далеко от России, в “стране обетованной” Израиле, уехал туда вслед за семьей сына, чтоб не остаться дома в полном одиночестве.

“Кого уж нет, а кто - далеко” - это уже о друзьях местных, с которыми когда-то вместе кончали 58-ю ШВСР. Рано ушел из жизни мой самый близкий друг Алеша

Боевые друзья – воины дальневосточники, выпускники 58-й ШВСР:
(слева направо) Геннадий Иванов, Геннадий Лазарев, Андрей Малов, Петр Лукин, Анатолий Ядровский, Михаил Иванов, Илья Тарасов, Петр Глебов. К сожалению, троих из них (Г.Иванова, А.Малова и П.Глебова) уже нет в живых. Снимок 1999 года.

Павлов, который был дорог мне своей особой доброжелательностью, дружелюбным доверием к людям, возвышенно-романтическим отношением к жизни. Когда он после демобилизации стал студентом юридического факультета в Ленинградском университете, именно вслед за ним поехал я поступать в ЛГУ. И затем в Чебоксарах мы оставались с ним не просто друзьями, а сохраняли подлинно братские отношения. С годами его все больше стала привлекать педагогическая, научная деятельность, он преподавал в республиканской совпартшколе и пединституте, работал над кандидатской диссер-

тацией. Ему нравилось общаться со студентами и слушателями, обсуждать с ними самые "щекотливые", каверзные вопросы и жизненные ситуации. Но судьбы людские ломаются порой внезапно. Более четверти века назад его вдруг в одночасье свалила с ног коварная болезнь - белокровие, и через две недели он скончался в больнице. Провожали Алексея Кондратьевича в последний путь сотни студентов и преподавателей, а гроб с телом несли его друзья по 58-й ШВСР...

Непоправимой утратой стала для нас и относительно недавняя смерть Петра Глебова, неизменного запевалы, неунывающего весельчака и балагура, без которого трудно представить себе летопись нашего славного братства воздушных стрелков-радистов.

Всегда с благодарностью вспоминаю, как поддержала нас с женой по приезде из Ленинграда в Чебоксары, помогла легче пережить житейскую бытовую неустроенность первой поры дружная рабочая семья Валентина Меркулова, с которым мы тоже служили в одном соединении. Демобилизовавшись, он всю жизнь проработал на Чебоксарском электроаппаратном заводе.

Много лет постоянно встречаемся мы и по праздникам, и в будни с Петром Лукиным. У него богатейшая, достойная уважения трудовая биография, был в свое время и руководителем одного из районов Чебоксар. Давно дружим с Геннадием Лазаревым, нашим признанным поэтом, сочинившим целую стихотворную летопись о каждом из нас, он тоже выпускник 58-й ШВСР. Человек он неутомонный, инициативный, активно участвует в ветеранском движении, является заместителем председателя Совета дальневосточников, а также первой опорой руководителя Чувашской республиканской организации ветеранов войны и труда. В кругу наших близких друзей и Лев Макарович Макаров, воевавший и на Западе, и на Дальнем Востоке - тоже общественник до мозга костей, член правления нашей организации и страстный садовод. Иннокентий Матвеевич Матвеев, тоже целиком "наш" человек и единомышленник. Еще - Илья Тарасов, бывший возжавец, прослуживший после окончания войны с Японией много лет на Курилах, а демобилизовавшись - в проектно-конструкторском бюро.

А от них идут новые "круги" общения, к их друзьям, друзьям их друзей. Все состоим в Чувашской республиканской общественной организации ветеранов ВОВ - воинов-дальневосточни-

ков. И так случилось, что я уже несколько лет возглавляю ее на общественных началах. Мы объединились, чтобы поддерживать друг друга в радости и горе, сообща защищать свои права. И воспитывать молодежь в духе патриотизма, готовности к защите Родины.

Нашей “штаб-квартирой” стала Чебоксарская школа № 3, где создан республиканский музей воинов-дальневосточников. А душой многолетней краеведческой работы являются неутомимый в поиске педагог Мария Александровна Краснова и директор школы Анастасия Ефимовна Филиппова. Мы часто, несколько раз в год, бываем в нашем прекрасном музее, проводим в школе уроки мужества, дружим с ребятами, бываем у них на празднике первосентябрьского звонка, на выпускных вечерах, и уж, конечно, на День Победы.

И внучка Настя, студентка факультета журналистики ЧГУ, собирается продолжить журналистскую деятельность семьи Ивановых.

Как поется в песне, “мы помним братство фронтовое, как заветное святое”. Именно, как заветное, которое передано нам старшими поколениями. И мы, участники Великой Отечественной войны, обязаны теперь передавать, как эстафету, этот возложенный на нас святой завет своим детям и внукам. Чтобы они помнили солдат, защищавших жизнь и погибавших ради этого совсем юными, чтобы умели ценить и помнить добро, копили и в своей душе эти крупинки доброго. Ведь молодость не вечна, а быстротечна, недаром же напоминает одна из любимых песен моей юности “Я люблю тебя, жизнь!” - что у

молодых тоже непременно

Будут внуки потом,

И все опять повторится сначала.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НА ЖУРНАЛИСТСКИХ ТРОПАХ

Они были первыми

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС КОСМОНАВТА-ТРИ

Был один из обычных рабочих дней позднего лета - 11 августа 1962 года. В небе ярко сияло солнце, люди по улицам ходили в легких нарядах, в удобной летней одежде. Правда, совсем недавно в Чувашии хозяйничала непогода, шли дожди, мешая сельчанам убирать хлеба. Республиканская газета «Советская Чувашия» пыталась им подсказать, посоветовать, ссылаясь на «опыт лучших хозяйств», что и как можно противопоставить ненастью. К счастью, небесные силы сами проявили милосердие и пришли на помощь людям. Со вчерашнего дня нашу небольшую комнату на третьем этаже Дома печати на улице Володарского, на дверях которой висела вывеска «Секретариат», через единственное широкое окно с утра начали заливать мощные потоки ослепляюще ярких лучей. Вначале солнечные блики хозяйничали на моем рабочем столе, высветивая и ощупывая все, что на нем лежало, а после полудня они перемещались на более солидное по размерам канцелярское сооружение ответственного секретаря редакции Вениамина Станюкова. Я уже более трех с половиной лет работал в должности его заместителя. Справившись с обязательными на этот час текущими делами по выпуску завтрашнего номера «Советской Чувашии», я взялся вновь перечитывать опубликованный в нашей газете несколько дней назад рассказ космонавта Германа Титова. Назывался он «Прошел год». В газетном предисловии сообщалось, что его «Советской Чувашии» любезно предоставила редакция журнала «Авиация и космонавтика», она подготовила его к знаменательной дате - годовщине полета Космонавта-Два. Готовя рассказ к публикации в своей газете, мы понимали, что он прислан нам так сверхоперативно, еще до выхода номера журнала, вовсе не случайно, а потому, что Герман Степанович уделил в нем немало места своему дублеру. В рассказе были такие строки:

«Тренировались мы вместе с Космонавтом-Три. Это среднего роста молодой человек. Удивительно спокойный, неторопливый, скромный, умеющий мыслить самостоятельно, чем-то похожий на летчика Алексея Маресьева. С ним можно долго быть рядом и не

услышать ни одного слова, если это не требуется в интересах дела. Многим из нас, космонавтов, по душе этот добродушный, умный и волевой человек, способный быстро принимать решения; бесстрашно и последовательно мыслить. С таким можно работать целый век. Если он пообещал, то обязательно сдержит свое слово. Раньше Космонавт-Три курил. Врачи опасались, чтобы это не сказалось отрицательно на его здоровье. Конечно, он молод, и курение не мешало выдерживать большие перегрузки. Но как-то раз он закурил, глубоко затянулся, выпустил струйку дыма и сказал:

- Брошу! - и сразу же раздавил окурок, как давят ядовитого паука. С тех пор он не курит.

Как-то мы беседовали с видным ученым - доктором наук. Он обратил внимание на Космонавта - Три и буквально забросал его сложными вопросами. Наш друг внимательно слушал, делал вид, будто от него и не требуется ответа. Затем, как обычно, неторопливо сказал:

- А этого просто не случится в полете, и вот почему...

Спокойно, словно шлифуя каждое слово, он обстоятельно, с глубоким знанием дела объяснил сложный вопрос.

Мы напряженно готовились к полету. Для нас наступила чудесная пора - пора бурного расцвета всех душевных и творческих сил».

О том, что дублером Германа Титова был наш земляк, некоторые сотрудники «Советской Чувашии», к которым я отношу и себя, догадывались и вскорости узнали точно еще задолго до появления этого рассказа. И очень надеялись на то, что Космонавтом-Три станет именно он. Тогдашнему фотокорреспонденту ТАСС Юрию Ананьеву удалось даже где-то заполучить его фотографию, но на ней он был изображен школьником начальных классов. Кто он, откуда родом, из какого района и какой деревни - этого еще никто не знал.

Помню, как-то мы на его поиски выехали в Канашский район, но след оказался ложным. И все же время работало на нас. Однажды летним днем в редакции появился невысокий, худощавого телосложения человек, работавший в лесном хозяйстве Заволжья, и представился односельчанином и близким другом дублера Германа Титова. Он назвал и его фамилию - Андриян Николаев, и точный адрес его родственников, живущих в селе Шоршелы Мариинско-Посадского района. Тайное стало явным. Заведующий отделом информации Николай Стуриков и фотокорреспондент Петр Ефремов сразу побывали на месте и убедились, что полученное редакцией известие не вызывает никаких сомнений. Немного позже, в

первых числах августа, в Чувашию нагрянул целый легион корреспондентов центральных, издающихся в Москве, газет. Вместе с ними в Шоршелах оказался и я. Пишущие гости знакомились с селом, заносили в свои блокноты все, что узнавали от жителей об Андрияне Николаеве, его школьных годах, родителях, братьях и сестре. Среди приехавших спецкоров был и весьма популярный уже в те годы, а позже удостоенный Ленинской премии, сотрудник «Комсомольской правды» Василий Песков. И вот какой предстала перед ним и другими журналистами родина Космонавта-Три.

... Шоршелы. По-русски это значит Чистый ключ. Дворов сто. Палисадники перед домами, резные наличники, школа в старой деревенской церкви, колхозный двор на краю села. За пригорком в низине течет речка Цивиль, где водятся рыба, раки и весной на отдых становятся перелетные птицы. Главной приметой села для корреспондентов оказался, разумеется, домик под старыми ветлами, точнее, избенка, чуть ли не по самые оконца ушедшая в землю. Конечно, москвичи побывали и в ней, они уже знали, что отец космонавта рано умер от болезни, у матери остались дочь и три сына, средний из которых и есть Андриян. Рассевшись полукругом во дворе, гости внимали, стремясь не пропустить ни слова, рассказам сидящих на завалинке строящегося нового дома пожилых, уважаемых людей села, школьных учителей. Трудолюбивых братьев Ивана и Андрияна в деревне уважали. Нелегкое их детство пришлось на годы войны. Они умели и пахать, и сеять, и косить, ловить рыбу в Цивиле. Хлеба ели не каждый день, росли на картошке. Летом часто ходили босые, зимою в лаптях. Чтобы купить тетради и книжки, в лесу собирали дикие яблоки и сдавали их в райцентре на изготовление вина. Держались братья всегда скромно, ничем не компрометируя себя ни перед старшими, ни перед ровесниками. В классных журналах против их фамилий учителя чаще всего выставляли четверки и тройки. После семилетки по примеру брата Андриян поступил в лесной техникум.

Получив диплом, год работал в карельских лесах, пока не призвали его в армию. Журналисты узнали от односельчан и о том, что став летчиком, лейтенант Николаев удостоился такого поощрения, которым мог бы гордиться даже выдавший виды авиатор. Во время полета на новом пилотируемом им самолете вдруг отказала турбина, руководитель полетом приказал: «Немедленно катапультироваться!» Но Андриян решил сохранить реактивную машину и сумел посадить ее в поле в нескольких метрах от оврага. В награду командир части вручил ему наручные часы с именной надписью.

В общем, многое узнали газетчики в тот день, пробыв в селе до самого вечера. Прибыли они сюда и на следующий день и с нетерпением ждали сообщения об очередном запуске звездного корабля с космонавтом на борту. Но не дождались, вынуждены были разъехаться по своим редакциям. Видимо, на космодроме произошли непредвиденные задержки.

... Прошла еще одна неделя. Пока я читал рассказ Германа Титова, солнечные лучи в нашей комнате полностью переместились в противоположную от моего рабочего стола сторону. Время приближалось к полудню. И вдруг с радиотранслятора, висящего на стене, раздался ликующе-торжественный голос Левитана, читающего сообщение ТАСС о том, что 11 августа 1962 года в 11 часов 30 минут по московскому времени в Советском Союзе на орбиту спутника Земли выведен космический корабль «Восток 3», что он пилотируется гражданином СССР летчиком-космонавтом, майором Николаевым Андрияном Григорьевичем.

Какую бурю чувств вызывал чеканно произносимый легендарным диктором текст и что творилось в тот миг в душе - о том сегодня, спустя десятилетия, вспоминается как волшебный сон, как что-то бесподобное и немыслимо сказочное. Не медля ни минуты, я схватил со стола фотоаппарат, повесил его на плечо и, выбежав из Дома печати, спешно зашагал по улице Калинина в сторону Мариинского Посада, надеясь воспользоваться каким-нибудь попутным грузовым авто транспортом. Прошел хлопчатобумажный комбинат (некоторые корпуса его продолжали еще строиться), тут была городская окраина и началось картофельное поле, а машин на дороге не появлялось. Но потом, в километрах трех от Чебоксар, увидев активное мое «голосование» руками, рядом притормозила полуторка. За рулем сидел молодой водитель, он спешил за каким-то грузом в Марпосад. Узнав, что в эти минуты на космическом корабле крутится вокруг Земли наш земляк, он сильно обрадовался и без лишних слов согласился доставить меня в Шоршелы. Тогдашнее вымощенное булыжником шоссе пролегало не рядом с этим селом, как ныне, а в значительном от него расстоянии. И водитель погнал свою полуторку коротким путем по бывшему екатерининскому тракту, но у селения Вороново, где в давние времена размещалась почтовая станция, мост через Цивиль оказался разрушенным. Не раздумывая, мы двинулись вдоль берега и, немного не доехав до Шоршел, переехали реку вброд. Поблагодарил я от всей души водителя, и он помчался дальше, а я через считанные минуты был уже на главной улице села.

В тот день шоршелцы, как обычно в горячие дни уборки, с зари работали в поле, убирали хлеб, чистили, сушили, вывозили зерно, механизаторы обмолачивали скошенный горох, вели сев озимых. Словом, был обычный трудовой день. Но едва на улицах заговорили громкоговорители и люди с замиранием сердца, затаив дыхание, выслушали сообщение ТАСС, он перестал быть обычным, рядовым, а стал для всех днем радости, гордости и ликования. В Шоршелах никто не мог уже продолжать привычные дела, оставаться на рабочем месте, усидеть дома: люди потянулись к маленькой, изрядно обветшалой избенке, где родился и вырос Космонавт-Три. Впрочем, мы еще в прошлый свой приезд видели, что избенка отжила свое. В последние годы Николаевы всей семьей, с помощью соседей и колхоза, как издревле водилось в чувашских селениях, поднимали рядом с ней новый просторный кирпичный дом. Самое непосредственное участие в его сооружении, как говорили родственники, принимал Андриян. И как раз совпало, что к началу его полета в космос семья собралась справить новоселье, но и старый дом оставался еще на месте. Обняв друг друга за плечи, напряженно вслушиваясь в каждое слово диктора, в новом доме молча стояли у репродуктора братья: Иван Григорьевич - работник Кирского лес-промхоза и Петр - колхозный шофер, младший в семье Николаевых. Тут же сновала в хозяйственных заботах приехавшая из Чебоксар их сестра Зина. Начали собираться родственники и соседи. Пожать им руки, поздравить от всей души подходили все новые и новые люди, они приезжали уже и из соседних деревень, и из райцентра, и из столицы республики. Не было дома только Анны Алексеевны, незадолго перед этим ей немного занездоровилось, и она теперь находилась в Чебоксарах, в больнице.

Вскоре на веранде дома, со стороны улицы, односельчане установили большой портрет героя космоса - улыбающееся открытое лицо, чуть прищуренные в радостной лукавинке глаза. То и дело звонил телефон, протянув от сельсовета провода, его весьма оперативно установили в доме районные связисты. Неожиданно братьев космонавта вызвали на связь журналисты Всесоюзного радио: не хотят ли они послать весточку Андрияну Григорьевичу? И вот уже старший из братьев взволнованно обращается к нему:

- Ты слышишь нас, Андриян? Мы тут собрались все, родные, друзья твои, соседи - все село, и слушаем радио, следим за твоим полетом. Все мы очень волнуемся за тебя, все горячо поздравляем тебя с началом полета. И ждем скорой встречи с тобой на земле.

Снова и снова звонки. Опять Шоршелы раз за разом вызывает Москва. Потом прорывается столица Украины и передает сердечный привет и поздравления, чувства великой радости и восхищения родным космонавта, его односельчанам, всему чувашскому народу. И тут же до далекого села на Волге доносятся голоса из Софии, это поздравляют чувашских братьев болгарские журналисты. Звонки, звонки, звонки... Ленинград, Горький, снова Киев, Куйбышев, Казань... Теплые слова приветов и добрых пожеланий, просьбы рассказать хоть в двух словах о матери, о семье космонавта.

А народом запружена уже вся улица, с поля подъезжают и подъезжают колхозники, что-то весело кричат с кузова грузовика пионеры - ученики Шоршельской восьмилетней школы, которую окончил Андриян Григорьевич. Вскоре перед домом начинается митинг. На нем выступил первый секретарь обкома КПСС Семен Матвеевич Исюков. Взволнованно, проникновенно говорил он о подвиге славного сына чувашского народа, об огромном значении полетов советских космонавтов для прогресса человечества, борьбы за мир и призвал трудящихся республики работать так, как подобает землякам героя-космонавта, ответить на его подвиг самоотверженным трудом на колхозных полях, в цехах заводов и фабрик, на строительных площадках. На митинг приехали также председатель Верховного Совета республики Тимофей Аркадьевич Ахазов и председатель Совета Министров Анатолий Сергеевич Ерлаков. Односельчане, все собравшиеся на митинг единодушно решают послать своему земляку телеграмму. И отправляется она по необычному адресу: в космос, на борт корабля «Восток-3».

Многое, словно губка, впитывает память человеческая и хранит затем в своих запасниках. Со временем, конечно, что-то тускнеет в ней, что-то и улетучивается, но дайте ей повод - и она вновь выложит вам то давно ушедшее, что вдруг заинтересовало теперь. Стоило перелистать мне давние газетные страницы, и вот уже отчетливо проясняются в памяти и последующие события и встречи тех дней.

Нам в те дни, если подходить с журналистской меркой, чертовски повезло. Беспокойная журналистская профессия сделала нас, начинающих репортеров, очевидцами и летописцами незабываемых событий. Подробный репортаж о встрече и знакомстве с братьями Космонавта-Три в их новом доме, о потоке поступающих сюда по телефону поздравлений, митинге в Шоршелах, отчет о котором мне лихорадочно пришлось сочинять, когда вернулся вечером в редак-

цию, чтобы уже утром люди могли прочитать его на первой странице газеты. Ответственный редактор «Советской Чувашии» Матвей Семенов на какое-то время освободил меня от работы в секретариате, поручив заниматься главным образом подготовкой материалов, связанных с полетом космонавтов. Последнее слово пишу во множественном числе потому, что с утра второго дня полета Андриян Николаев на орбите был уже не один, к нему присоединился Космонавт-4 Павел Попович.

И мне снова пришлось побывать в Шоршеллах (с транспортом в этот раз проблем не возникло). В доме Николаевых картина была та же, что и вчера. Иван Григорьевич и Петя, устроившись у подоконника, отвечали на телефонные звонки. А они шли в тот день отовсюду, особенно много было их из Украины. Братья рассказали, что как только они узнали из сообщения ТАСС о запуске «Востока-4», сразу отправили телеграмму двум небесным братьям. Текст ее гласил: «Москва. Космос. Павлу Поповичу и Андрияну Николаеву. Мы, родные Космонавта-Три, горячо приветствуем тебя, Павел Романович - небесный брат нашего Андрияна. Восхищаемся твоим подвигом. Теперь наши сердца с вами обоими. Мы уверены, что полет пройдет успешно, что скоро мы сможем обнять вас на нашей родной земле. Чувашия и Украина издавна связаны братскими узами. А теперь между нашими республиками перекинулся новый мостик - космический. Мы, родственники и односельчане Николаева, желаем вам отличного полета. До встречи, родные! Мать Андрияна Анна Алексеевна, братья Иван и Петр, сестра Зинаида». И репортаж по событиям этой поездки, сопровождаемый авторским снимком, запечатлевшим разговор Ивана и Петра с Киевом, на следующий день был также помещен на первой полосе «Советской Чувашии».

Если заглянуть сегодня в подшивки республиканских газет, то легко можно понять, чем жила и чем дышала наша Чувашия в те далекие августовские дни и ночи. Их страницы излучали чувства огромной радости и восторга, величайшей гордости за своего космического богатыря, готовности быть достойным его земляком и соплеменником. Такими же чувствами были переполнены радио- и телепередачи. С просьбой подготовить материал об Андрияне Николаеве, его семье, его родине к журналистам Чувашии обращались не только из разных республик и областей, но и из Москвы. Так, по заданию Всесоюзного гостелерадио корреспонденту редакции последних известий Чуваширадио Валентине Ивановой по-

ручили записать на пленку голос матери Космонавта-3, находившейся тогда в больнице, чтобы послать «говорящее письмо» на борт «Востока-3». Хотя все знали, что Анна Алексеевна, как и многие чувашские женщины-крестьянки, много лет проживающие в деревне, держится очень скромно, что она на редкость немногословна. А тут - первое в жизни радиоинтервью, да еще - по-русски. На всякий случай, как водилось в ту пору, корреспондент заранее набросала для нее небольшой текст. Но когда она пришла с магнитофоном к ней в палату, крохотная комнатка оказалась битком набитой народом, тут были и медики, и соседи по отделению, и представители городских властей, посчитавшие своим долгом лично присутствовать при такой ответственной записи. Анна Алексеевна совсем растерялась, от волнения не может ни вымолвить и слова, ни прочесть «шпаргалку». А счет уже идет буквально на минуты. «И тогда, - вспоминает корреспондент, - вдруг пришло неожиданное решение. «Любимый сын мой Андриян, это я с тобой говорю», - тихонько, только для нее, проговорила я, включив магнитофон. Она повторила эти слова, добавив в конце «твоя мама». Но повторила совсем в другой интонации, по-своему, по-матерински, словно пропустив каждое слово через собственное сердце. И вот уже напрочь забыла она о непрощенных «зрителях», о недавнем своем волнении, сидела, устремив неподвижный взгляд в сторону, и никого не слышала и не видела вокруг, кроме родного своего Андрияна. Она говорила только с ним. И так звучал ее дрожащий от сдерживаемых слез голос, что комок подступал к горлу, и звенящая тишина повисла в доотказа набитой комнате.

«Родной мой, - обращалась она к сыну, - ты сейчас от нас далеко-далеко, третьи сутки в пути. И все эти дни я сердцем с тобой». На секунду умолкла, длинно вздохнула и с тем же мягким акцентом продолжила: «Андрюшенька! О тебе, о твоём друге Павле думаю не только я, а все люди. Я знаю, ты все сделаешь как надо, все выполнишь до конца. Материнский поклон тебе, сынок. Поклон и тебе, Павел Романович. Дети мои! Как хочется скорей обнять вас... До скорой встречи, родные!» Вскоре эта магнитофонная запись была в Москве, вовремя поспела она к очередному сеансу космической связи с «востоками».

«Работать на Москву» довелось и мне: неожиданно позвонил председатель Чувашского комитета по радиотелевещанию Павел Николаев с просьбой, чтобы я к утру написал текст часовой передачи, которая должна пройти по Всесоюзному радио. Он не просто

просил, - уговаривал, можно сказать, умолял так, что мне пришлось согласиться и провести ночь в творческих муках. Утром начали работать над передачей операторы, монтажники, текст ее зачитали два популярнейших актера русского драмтеатра, были вмонтированы музыкально-песенные и поэтические кадры. После обеда пригласили меня на прослушивание передачи, проводилось оно в небольшой студии; дверь в комнату напротив тоже была открытой, и я заметил, что в ней находится первый секретарь обкома партии С.М. Ислюков. На мой взгляд, передача была смонтирована хорошо, она получилась в точности такой, какой я представлял ее, когда сочинял текст. Но один ее эпизод у председателя почему-то вызвал недовольство, и он предложил его переделать. На мой взгляд, все было нормально, любые переделки только ухудшили бы передачу. Мое мнение не понравилось руководителю Чувашрадио, Павел Николаевич, которого я знал как человека тактичного, уравновешенного, заговорил со мной в поучающем повышенном тоне. Этого не мог, я думаю, не слышать и находившийся в комнате напротив Семен Матвеевич Ислюков, но он молчал, ни во что не вмешивался... На другой день передача, в которую было вмонтировано и «говорящее письмо» Анны Алексеевны, в том же первоначальном виде прозвучала уже из Москвы и имела в республике большой резонанс.

Поколение тогдашних читателей, радиослушателей и телезрителей хорошо знает, что «пишущая братия», рассказывая о Космонавте-Три, считала своим нравственным долгом выразить самые добрые чувства его матери. Когда группа журналистов Чувашии (Николай Скок, Георгий Скорецкий, Николай Стуриков) после приземления космонавтов выехала на место короткого их отдыха на Волге, они тоже взяли с собой большую фотографию с ее собственной надписью: «Дорогой сынок! Горячо поздравляю тебя, горжусь тобой. Крепко целую». Едва Андриян Григорьевич сошел с трапа самолета, доставившего их в волжский город, как один из встречающих вручил ему этот портрет: «Приехали ваши земляки-журналисты, просили передать...» «Мама! - растрогался космонавт. - Спасибо. А где же они сами? Хотелось бы встретиться». Но звездные братья в эти часы и дни целиком находились во власти неумолимой космической медицины. А потом приезд государственной комиссии. Да и журналистов съехалось отовсюду видимо-невидимо. Центральной прессе, как водится, давалась «зеленая улица», а у «провинциальных» репортеров, прибывших сюда на свой страх и риск, полномочия были явно недостаточными. Проходил день, дру-

гой... И уже ни на что не надеясь, они начали собираться домой. И вдруг их позвали к телефону: «Вы встречаетесь с Андрияном Григорьевичем в 16.00. Просим прибыть за полчаса». Так фотография Анны Алексеевны сослужила неоценимую службу, стала поистине волшебной палочкой, открывшей им закрытые для многих других двери. Как потом сами подробно рассказывали на страницах газеты «Советская Чувашия», они встретились на открытой веранде над крутым волжским обрывом. Рядом с «небесными близнецами», улыбаясь, стояли их неизменный спутник и наставник, «космический дядька» Николай Каманин, старшие их «братья по космосу» Юрий Гагарин и Герман Титов, будущие космонавты. Они встретили земляков Андрияна Григорьевича как давних близких знакомых...

У каждого человека в жизни бывает немало памятных, праздничных дат, среди которых, в свою очередь, можно тоже выделить события или дни особой важности, и их я бы назвал веками годов или даже веками судьбы. Одной из таких вех, притом, самой важной, для меня на всю жизнь останется 18 августа - День авиации - 1962 года. В этот день страна наша как бы подвела итоги первых годов космического летоисчисления, выставила самые высокие оценки многодневному пребыванию звездных братьев - чуваша и украинца в космосе, а столица Родины бурно демонстрировала свое восхищение их подвигом.

Никогда не думал и не мечтал стать очевидцем таких событий в Москве. Почему же подобный жребий выпал мне? Задавая через годы и расстояния этот вопрос самому себе, я в шутку и всерьез сам же отвечал на него: наверное, мне просто выпал счастливый билет. На второй день после приземления двух «востоков» в конце рабочего дня ответственный редактор вызвал меня к себе и сказал: «В шесть утра будь в редакции и жди звонка». Утром мне действительно позвонили и велели прийти к Дому Советов, там дожидался меня зав. отделом пропаганды обкома КПСС Анатолий Калинин. И мы поехали на аэродром. Еще вчера вечером сюда прилетел военный самолет, оборудованный для перевозки пассажиров, чтобы доставить в Москву членов семьи Николаевых. Они, как и несколько корреспондентов центральных газет, находились уже на борту самолета. Анну Алексеевну, только что выписавшуюся из больницы, сопровождала медицинская сестра. В полете мы опять, как в Шоршелах, беседовали с Иваном Григорьевичем, легко находя общие темы. Сказывалось, очевидно, то, что мы были одногод-

ки, что наши родные деревни размещались недалеко друг от друга, что я еще в детстве несколько раз бывал в Шоршелах и даже знал некоторых жителей этого села. Приземлился наш самолет на аэродроме Чкаловское. Семью Николаевых тут же на двух ЗИЛах увезли в Москву, а мы, остальные, добирались туда на электричке.

Столица гостей из Чувашии встретила радушно, приветливо. Устроились мы с Анатолием Александровичем в гостинице «Москва» в просторном двухместном номере. На другой день, разузнав с помощью опекающих их чекистов номер нашего телефона, позвонил Иван Григорьевич и передал приглашение матери, чтобы мы навестили их. Правительственную дачу на Ленинских горах, где их разместили, разыскали мы довольно легко, охрана пропустила нас на ее территорию без лишних проволочек. Вечером в гостинице мы встретились с приехавшими в столицу уже сегодня утром руководителями Чувашии - С.М. Ислуковым, Т.А. Ахазовым и А.С. Ерлаковым. Они нам сообщили, что завтра поедем во Внуково встречать космонавтов, что у нас с Калининым для этого будет отдельная машина.

И вот настал день встречи героев космоса. Москва с утра была в ярком праздничном наряде. По всему пути во Внуково на улицах мы видели море знамен и флагов, лозунгов, транспарантов, славящих космических братьев, и толпы людей, заранее занявших лучшие для обзора места. Площадь у аэровокзала также была запружена москвичами и их гостями, утопала в кумаче знамен и ярких цветах. На здании вокзала - портреты Андрияна Николаева и Павла Поповича, а внизу, под ними - импровизированная трибуна, смонтированная для встречи с ними. С места, отведенного под стоянку автомашин высоких гостей, которое я облюбовал для репортерского наблюдения, отлично было видно, как к трибуне на привокзальной площади выходят высокопоставленные руководители страны, вместе с ними - делегации первых лиц Чувашии и Украины. Они во главе с Никитой Хрущевым поздравляют стоящих тут же, справа от трибуны, Анну Алексеевну, ее детей и семью Поповичей. И в этот миг взгляды всех собравшихся на Внуковском аэродроме приковывает пролетающий над взлетно-посадочной полосой воздушный корабль с космонавтами на борту, сопровождаемый четким строем отряда истребителей: по два - слева и справа и три - чуть сзади.

Приземлившись, самолет рулит к вокзалу и останавливается на стоянке в семидесяти метрах от трибуны, к которой прямо от трапа тянется красная ковровая дорожка. По ней, чеканя шаг, звез-

дные братья подходят к правительственной трибуне. Их сопровождает шквал аплодисментов, буря приветственных возгласов, многоголосый «Марш авиаторов». И сразу же - тишина, в которой отчетливо слышатся слова рапорта.

- Товарищ первый секретарь Центрального Комитета Компартии Советского Союза! Счастлив доложить вам, что...

Трудно подобрать слова, которые точно передавали бы состояние души, чувства, мысли, вдруг нахлынувшие в эти минуты. Вот он, земляк наш, сумевший открыть ту «крышу синего неба», о чем веками мечтали его соплеменники. Нелегкое досталось ему детство, юность, но родная земля наплатала его, словно сказочного Антея, силой и мужством, вооружила знаниями, воспитала подлинным патриотом. Вот он, - гордость Чувашии, всей нашей огромной, великой страны, - обходит вместе с Павлом Поповичем ликующие толпы москвичей. Русские Гагарин и Титов, чуваш Николаев, украинец Попович... Простые и приветливые, открытые душой, они, эти парни, словно былинные богатыри, стали первыми в славном ряду первопроходцев-покорителей космических трасс. Сегодня двух из них, только что вернувшихся из звездных миров, чествует Москва, весь Советский Союз.

Торжественная церемония встречи космонавтов на аэродроме задавала тон всему этому необыкновенному дню. Кортёж из десятков автомашин с небесными братьями во главе из Внуково направился на Красную площадь столицы. Когда выехали за пределы аэродрома, мы оказались свидетелями небольшого казуса. Водитель нас заранее предупредил, что место в колонне машины занимают произвольно, каждая трогается с места, как только пассажиры усядутся в салоне. Кто промедлит, окажется в «хвосте» и рискует в пути быть «отрезанным» от колонны ликующими горожанами. И вот рядом с нами, когда кортеж набрал уже солидную скорость, оказался ЗИЛ с опущенным боковым стеклом переднего сидения. Высунув руку наружу, кто-то из его пассажиров размахивал ею, чтобы ему дали место в колонне. Узнали его сразу, это был Юрий Гагарин. Разумеется, водители вняли его просьбе.

По всей трассе улицы были заполнены народом. Когда на трибуне Мавзолея появились космонавты, Красная площадь встретила их громовыми раскатами рукоплесканий. Во время митинга мы, земляки Космонавта-3, находились на гостевой трибуне, но когда началась многотысячная манифестация, я решил пойти в гостиницу, чтобы передать в редакцию материал о сегодняшних московских

событиях. Но милицейские патрули не разрешали переходить улицу, сплошь заполненную манифестантами. Пришлось пройти километра полтора, прежде чем попасть в штаб, регулирующий движением, и получить там разрешение на переход улицы Горького. Прошло лишь минут десять, когда я, очутившись в номере гостиницы, сел за стол, как за мной прибежал мой опекун Анатолий Калинин. Оказывается, ему дали пригласительные билеты - на себя и на меня - на прием в Кремле. Раздумывать, восторгаться таким сказочным везением, выяснять, почему так поздно получил он приглашения, было некогда: часы показывали, что мы уже опаздываем. Когда домчались до парадного подъезда Большого Кремлевского дворца, мы еще слышали исполняемое хором и оркестром «Славься, славься ты, Русь моя, славься, наша родная земля!» Не трудно было догадаться, что космонавты по парадной лестнице прошли лишь несколько секунд назад. А девушки, стоявшие по сторонам ступеней, еще продолжали исполнять незаконченную песню и приветливо махать цветами.

Человека, впервые, как я, оказавшегося в Георгиевском зале, да еще в такой праздничный день, поражает многое: и торжественность обстановки, и то, что в какую сторону ни посмотришь, обязательно узнаешь людей, о которых не раз читал, портреты которых многократно видел на страницах газет и журналов, на экранах телевизоров. Войдя в зал, мы примкнули к группе молодых африканцев, их стол был крайний, и там имелись свободные столовые приборы. Узнав, что мы приехали с родины Космонавта-3, они через переводчика, но весьма эмоционально приветствовали нас, провозглашали тосты за процветание нашей республики и ее народа. Анатолий Александрович куда-то исчез, оставив с ними меня одного, а через некоторое время я тоже последовал его примеру, хотелось быть поближе или вместе с земляками. Продвигаясь по краю длинного зала к его концу, я дошел до низенькой перегородки, за которой возле накрытых столов находились члены Политбюро, руководители правительства, семьи космонавтов и делегации двух республик - Украины и Чувашии. Угадав, видимо, мое намерение пройти туда, кто-то сзади положил мне на плечо свою ладонь и тихо, но твердо произнес: «Туда нельзя». В тот же момент меня заметил Иван Григорьевич и воскликнул: «Иди к нам, Миша!» И тот же голос сзади изменил тон: «Проходите, проходите».

Но вот звучат фанфары, призывая к вниманию. Андрияна Николаева и Павла Поповича приглашают подняться на сцену. Вздвигнутые и безгранично счастливые, слушают они Указы. С теп-

лым поздравлением, находя какие-то особенно проникновенные, яркие слова, обращается к ним председатель Президиума Верховного Совета СССР Леонид Брежнев. В ту пору он совсем не был похож на того человека, каким предстал миру в восьмидесятые годы. Чествование звездных братьев он провел на подъеме, с молодцеватой энергией, виртуозно и артистически раскованно.

Под аплодисменты зала он прикрепил им Золотые Звезды Героев Советского Союза, вручил ордена Ленина, знаки «Летчик-космонавт СССР». И вновь - поздравления, поздравления без конца. Героев обнимают руководители партии и правительства, родители, близкие родственники, друзья, знатные гости. Крепко жмут руку своему славному земляку посланцы Чувашии.

Дожидаюсь счастливой возможности подойти к Андрияну Григорьевичу, я наблюдал, как поздравляли его высокопоставленные дипломаты, главы представительств разных государств. Они подбирали самые изысканные выражения и почтительно пожимали руку сына того самого народа, о котором еще не столь давно соплеменники иных из них, мягко говоря, не могли бы сказать и двух слов. Помню, как незадолго перед этим в одном из своих газетных очерков народный поэт Чувашии Яков Ухсай рассказывал, как в фойе гостиницы «Москва» подошел к нему, беседующему с кем-то из земляков, западный журналист и поинтересовался, на каком языке они говорят и откуда приехали в столицу. И услышав в ответ, что разговаривали они по-чувашски и прибыли в Москву с Волги, из Чувашской автономной республики, очень удивился: «Что, есть и такой язык, и даже республика такая есть?» То, что западный журналист никогда не слышал о нас, о нашем народе и нашей республике, не являлось случайностью. В десятках странах миллионы людей имели весьма смутное представление о многих народах нашей страны, об их жизни. Про них распространялись всяческие небылицы, утверждалось, что они-де и некультурны, и отсталы, и вообще не достойны серьезного внимания. Разумеется, подобные предположения постепенно опровергались фактами реальной жизни. Но полет чуваша Андрияна Николаева из небольшой деревеньки на Волге, третьим в мире побывавшего в космических даях, делал это во сто крат убедительней. Потому и роились теперь у меня в мыслях весьма недипломатические вопросы: что же это, господа, с нами стало, как же это мы, такие «забитые и темные», участвуем в покорении космических высот?

На приеме присутствовало множество знаменитостей не толь-

ко нашей страны, но и других государств. Отношение большинства из них к молодой советской космонавтике выражалось несколькими словами - «неожиданно», «бесподобно», «фантастично» - или было таким, как у всемирно известного американского художника, писателя и общественного деятеля Рокуэлла Кента, который, выступая по Всесоюзному радио, сказал: «Мне очень хотелось бы встретиться лично с Андрияном Николаевым и Павлом Поповичем, пожать им руки. Мне кажется, если бы я встретился с ними, я бы преклонил колени и поцеловал край их одежды - так глубоко я восхищен тем, что они сделали, их героизмом». Надо отдать должное Никите Хрущеву, который, «завладев» космическими братьями, водил их по залу от стола к столу, и стоявшие возле них люди получали возможность высказать им свои сердечные поздравления и пожелать новых успехов.

... Улучив подходящую минуту - сделать это было вовсе не просто, поздравить героев хотелось каждому, - я все же решился, заранее подготовив ручку и раскрыв блокнот, подойти к Андрияну Григорьевичу и, передав ему самые восторженные поздравления своих земляков и коллег-журналистов, попросил написать несколько

слов для читателей «Советской Чувашии». Он слушал внимательно и, поблагодарив, вынул из нагрудного кармана свою побиравшую в космосе шариковую

Землякам большое
спасибо за теплые поздравления
желаю всем больших успехов
в труде, отличного здоровья
и счастья в личной жизни
Андрей до свидания
18.8.68 Вегин

ручку и, взяв блокнот, тут же начал писать. А к нему уже обращались другие, ему протягивали руки, и я все еще боялся, что из моей затеи может ничего не выйти. Никита Сергеевич, находившийся справа от него и вместе с Павлом Поповичем о чем-то разговаривавший с его земляками-киевлянами, уже дважды оборачивался в нашу сторону. Но Андриян спокойно, не отвлекаясь ни на что, полностью заполнил страничку моего карманного журналистского блокнота небольшим посланием на родину: «Землякам большое спасибо за теплые поздравления. Желаю всем больших успе-

хов в труде, отличного здоровья и счастья в личной жизни. До скорой встречи. А. Николаев. 18.08.62 г.»

Эти строки, сделанные в такой необычной, торжественно-памятной обстановке, вскоре были воспроизведены в «Советской Чувашии» (страница блокнота до сих пор хранится у меня в целости и сохранности). Позже, когда не раз приходилось слышать от Андрияна Григорьевича его любимую, ставшую широко известной поговорку «прежде всего - спокойствие», я к тем словам мысленно добавляю еще и другие - «верность делу, долгу и друзьям». Они напрашивались из наблюдений в Георгиевском зале. Я видел, как Космонавт-Три подвел к первому секретарю ЦК КПСС и главе правительства СССР (Н.С. Хрущев был тогда и тем, и другим) невысокого, худощавого, смуглого человека в гражданском костюме - своего дублера Валерия Быковского, а также некоторых других лиц, вероятно, видных специалистов в области космической техники.

Память запечатлела и другие картины происходившего во время приема: как члены Политбюро и высокопоставленные правительственные деятели оживленно общались между собой, а также с первыми руководящими лицами нашей Чувашской автономной республики, как они втягивали в разговор смущающихся братьев и сестру Андрияна Григорьевича, как один за другим подходили к его матери, чтобы высказать столько добрых, непривычных для нее слов, сколько она их, наверное, не слыхивала отродясь. С какого-то времени я обратил внимание и на стоявших в стороне двух мужчин в облачении священнослужителей. Они молча смотрели на Анну Алексеевну, скромно присевшую, видимо, подустав стоять, на ступеньки лестницы сценического возвышения (в зале не было ни стульев, ни кресел). Нетрудно было догадаться, что один из них - патриарх Московский и всея Руси Алексий. Он неторопливо, степенно направился к ней и, подойдя, о чем-то тихо поговорил, благословил ее и осенил крестным знамением. Она в ответ почтительно приложила губами к руке патриарха.

Немало времени уделил общению с родными Андрияна Григорьевича, руководителями Чувашии и Никита Хрущев. Он особо поблагодарил Анну Алексеевну за сына-богатыря, которого чествовала в этот день вся страна, отдавал ей должное за то, что она одна, рано оставшись вдовой, вырастила, вывела в люди сыновей и дочь. Не скупился он на похвалу и в адрес трудолюбивого народа Чувашии, а также руководителей республики. На прощанье всем нам пожав руки, незаметно покинул Георгиевский зал. После его

ухода еще не менее четверти часа все оставались на местах. За это время мне удалось переговорить с первопроходцами космоса - Юрием Гагариным и Германом Титовым (они на приеме все время держались вместе). Мне казалось, что будет очень здорово, если они, хотя бы в нескольких фразах, изложат в моем блокноте свое совместное поздравление народу Чувашии, которое мы опубликуем в своей газете. Они отнеслись к просьбе доброжелательно, высказали в адрес Андрияна и его земляков массу наипрекрасных оценок, но с просьбой, предложением моим не согласились, сославшись на то, что с их стороны это будет нескромно, бестактно, так как полет Космонавта-Три - это новый шаг в освоении неизведанного, праздник, который отмечается в его честь, не нуждается в какой-либо «подпорке».

Когда посланцы Чувашии покидали Георгиевский зал, к ним подошел комендант Кремля, но не по обязанности, а по дружбе, по долгу землячества, генерал Андрей Веденин - родом из Поречья, близкий знакомый руководителей республики. В теплом, душевном общении с ним мы прошли до Спасских ворот и, выйдя на Красную площадь, неспеша направились в гостиницу «Москва». Но на этом праздничный день для нас еще не закончился.

Уже вечерело, когда мы вновь встретились с Андрияном Григорьевичем: после приема в Кремле он пригласил своих земляков в отведенный ему для отдыха особняк в живописном уголке Москвы. Обстановка царил тут самая «домашняя», были только родные и близкие да несколько друзей космонавта. Гости-волжане рассказали о делах тружеников республики, о том, как несут они почетную трудовую вахту в честь своего знатного земляка. Наблюдая, как заинтересованно, не перебивая собеседника, воспринимает Андриян Григорьевич все то, что ему рассказывают, можно было открыть и еще одну важную черту его характера - умение слушать других.

Сообщив о множестве поздравлений, которые непрерывным потоком хлынули в Чувашию со всех уголков страны, С.М. Илюков зачитывает теплую, составленную с кавказским юмором телеграмму из Кабардино-Балкарии: «Согласны выдать без выкупа за вашего земляка-героя самую первую красавицу республики!»

- Но у кабардинок и балкарок повсюду имеются конкурентки, - добавляет сквозь общий смех Т.А. Ахазов. - Помнится, когда Анна Алексеевна уезжала в Москву, и чувашские девушки просили ее от их имени поцеловать сына.

- Было, было такое поручение, - с улыбкой подтверждает мать героя, не открывая от него полных любви и радости глаз. Озаренное глубоким внутренним светом лицо ее, спокойный, светящийся нежностью взгляд без слов говорят, что сегодняшний день - это звездный час не только сына, но и ее самой. Кто сможет до конца представить, сколько лиха, волнений и тревог выпало на ее долю? Разве что дети - ведь жизнь ее была отдана им. Ради них не досыпала ночи, делала все, что могла и умела, чтобы они росли крепкими, сильными, чтобы стали людьми «не хуже других». И выросли дети, каждый избрал свой путь. Вот старший ее, Иван, сидит слева - статный, высокий, чернобровый, мастером леса стал, а напротив - самый младший, Петя, юноша еще совсем, водителем на селе работает и мечтает учиться дальше. Не белоручками выросли дети, не чураются труда. И Зина вот, медицинская сестра, с детства и минуты не может посидеть без дела, и тут все хлопочет вокруг стола, потчевая гостей. А Андрюша, так с детства зовет она сына, дальше всех ушел от матери - и по земле, и по небу... Немало пришлось ей попереживать и поволноваться даже в самый светлый день жизни. Долг детей - беречь ее. Анна Алексеевна прощается со всеми, и старший сын провожает ее на отдых. И кто-то задумчиво произносит:

- Не только мать может гордиться сыном-героем, но и сыновья могут гордиться такой матерью.

- Это верно, - подтверждает Андриян Григорьевич. - Для нас она сделала все, что могла. После смерти отца ей пришлось нести во всем двойную нагрузку.

За непринужденной беседой не замечается, как бегут минуты. Разговор прервался лишь на короткий миг, когда кто-то, скорее всего, Николай Иванов, школьный друг Андрияна Григорьевича, только поздно вечером приехавший в Москву из Ленинграда, где он вчера получил диплом Лесного института и потому на этот семейный вечер явился с опозданием, неожиданно спросил: «А где же Золотая Звезда? В поезде я слышал по радио, что она вручена...» И верно, на кителе Космонавта-Три Звезды не было. Но чекист, с которым мы вчера познакомились, тут же всех успокоил: «Не волнуйтесь, все в порядке». И в самом деле, минут через двадцать Золотая Звезда вновь висела там, где и была раньше. (Позже, уже в гостинице, Анатолий Калинин поделился со мной «секретом» этого происшествия. Леонид Брежнев при вручении наград, вероятно, недостаточно надежно прикрепил Космонавту-Три Звезду Героя, и она в какой-то мо-

мент отцепилась и упала. Получив о том сообщение по телефону, генерал Веденин привел взвод кремлевских курсантов в Георгиевский зал, и они быстро обнаружили потерю, Золотая Звезда сразу же была отправлена ее владельцу).

Перед прощанием речь снова заходит о Чувашии, о том невиданном там до сей поры энтузиазме, небывалом душевном подъеме ее жителей, и малой родине космонавта, где его ждут и стар, и млад, и встреча с ним для всех станет самым большим праздником.

-Из космоса Волгу видел мало, - говорит он, провожая гостей на улице. - Мешали облака. Скоро увижу ее в Чебоксарах. И обязательно хочу побывать на рыбалке. А пока передайте от меня землякам сердечный привет и пожелания больших успехов.

Два часа побыли мы вместе с прославившимся на весь мир своим земляком, в кругу его родных и близких. В этот же день видели его и в самые торжественные часы встречи в аэропорту, и на трибуне Мавзолея, и в Георгиевском зале Кремля. И вот теперь, когда мы возвращаемся от него по ярко освещенным улицам ночной Москвы, в голове рождаются вопросы к самому себе: что же в нем самое главное, самое существенное? В газетных и журнальных материалах, в радио- и телерепортажах, очерках отмечается в нем большая сила воли, высокая культура, постоянное стремление совершенствовать свои знания, крепкая физическая закалка. Все это, конечно, так, тут и говорить нечего, без всего этого космос, как говорится, и близко не подпустит к себе. А вот что-то сугубо свое, свойственное только ему? Хотя и рискую быть поверхностным, но определяю для себя: да, есть у него такие черты, это какая-то основательность, сдержанность, большой внутренний такт, простота, душевность и скромность. С тех пор прошли годы и годы, за это время мне не раз и не два доводилось встречаться с Андреем Григорьевичем, образ его постепенно наполнялся новыми штрихами и красками, обогащался, а вот то, что определилось, сложилось в сознании в первый же день личного знакомства, так и осталось непоколебленным.

Как одного из Улыпов своих, как выдающегося национального героя чествовал его родной народ, когда 2 сентября 1962 года, через две недели после триумфальной встречи в Москве, он приехал, как и обещал, на родину. Номер газеты «Советская Чувашия» за то число вышел с броской красной «шапкой»: «Сегодня в Чебоксары прибывает наш земляк, летчик-космонавт Андриян Николаев. Чувашия

обнимает отважного сына Родины!» Тысячи горожан живым коридором выстроились вдоль дороги, по которой должен был проехать из аэродрома Андриян Николаев. И вот открытая машина, увитая гирляндами ярких осенних цветов, мчится по только что умытым дождем улицам. За все века своей истории древний волжский город не видел, конечно, такого - на всем многокилометровом пути дорога сплошь была устлана цветами, их с криками «ура!» под колеса автомобиля бросали горожане. Едва кортеж въехал на главную городскую площадь, где намечался митинг, из-за туч выглянуло солнце.

- Дорогие мои земляки, друзья мои! - разносится над площадью взволнованный голос. - Я не нахожу слов, чтобы выразить вам чувство признательности за эту теплую встречу. Мне очень радостно сегодня вступить на родную чувашскую землю. Тут я родился, мальчишкой бегал в школу, как и все вы, влюбился в Волгу. Вырос среди деревенских мальчишек. Когда мне шел двенадцатый год, началась Великая Отечественная война. Как и другим подросткам, мне много приходилось работать в колхозе, все военные тяготы легли тогда и на наши плечи.

Шесть солнечных дней начала осени превратились для трудящихся республики в большой всенародный праздник. Он побывал в родных Шоршелах, на заводах и фабриках, в Мариинско-Посадском лесотехническом техникуме, который окончил, встретился с пионерами, выступил на пресс-конференции, созванной для журналистов и деятелей литературы и искусства. И сумел еще выкроить время, чтобы побывать на рыбалке. Его приветствовали десятки тысяч жителей городов и сел. Глаза и сердца земляков, словно фотообъектив, фиксировали каждое слово героя-космонавта, каждое его движение. И самое приятное было для всех видеть, что он не какой-то там «сверхчеловек», а самый обыкновенный парень, что нет в нем ничего ни от сказочно-былинных богатырей, ни от холодных, рассудочных героев писателей-фантастов. Вот он берет в руки только что подаренное ему охотничье ружье и, делая пробный выстрел, азартно радуется: «Дуплетом, в самое яблочко!» Или увлеченно рассказывает о своих рыбацких удачах: «Во-от такую рыбку вытянул! На спиннинг!» Или с самым старательным видом сажает в саду Марпосадского лесхоза молоденькую яблоньку...

Поистине, космические перегрузки пришлось вынести ему в эти быстротечные шесть дней, ведь столько трудовых коллективов наперебой звали побывать у них хоть ненадолго. И у каждого свои добрые слова приветов, свои «фирменные» сувениры. Особен-

но много было их 5 сентября, в день рождения космонавта. В переполненном Чувашском музыкально-драматическом театре в тот день в честь Космонавта-Три состоялся большой праздничный концерт мастеров искусств, где под несмолкаемые аплодисменты зрителей было сообщено, что его имя открыло почетную Книгу Трудовой Славы и Героизма Чувашской АССР.

Шоршелы. Год 1964-й. Космонавты Валерий Быковский, Андриян Николаев, Валентина Терешкова на торжественном открытии здания школы.

Желанными, памятными стали позже для жителей Чувашии и встречи с героиней космоса «Чайкой». Летчик-космонавт СССР Валентина Владимировна Николаева-Терешкова тоже была занесена в эту почетную книгу.

В первый свой приезд в Шоршелы Валентина Владимировна и Андриян Григорьевич положили кирпич в основание строящейся средней школы, а через два года, как почетные гости, открыли перед сельской детворой ее парадные двери. В школьном саду растут и яблони, посаженные космонавтами «Соколом» и «Чайкой». Есть тут яблоня и еще одного героя космоса - Валерия Быковского, который также несколько раз побывал в Шоршелах.

... Время, время. Безостановочно наматывает оно на ось истории дни и ночи, недели и месяцы, годы и десятилетия. Давно уже стали привычными для нас куда более длительные космические групповые полеты, в том числе и совместно с американскими астронавтами, которые длятся не днями, а многими месяцами. Но, следя за всем новым, память людская хранит и подвиги тех, без коих не было бы сегодняшнего. Через восемь лет после первого полета Андрияна Григорьевича - теперь уже не майора, а генерал-майора, дважды Героя Советского Союза, его вновь с нетерпением ждали в родном краю, вновь ликующе встречала его столица Чувашии. И было ему о чем доложить землякам. Вновь поднявшись в космические выси, он вместе с Виталием Севастьяновым пробыл там восемнадцать суток. Был установлен ре-

корд продолжительности полета, доказана возможность длительного пребывания человека в невесомости. Встреча Андрияна Григорьевича с представителями трудящихся республики в Чувашском академическом драматическом театре, где он рассказывал о многодневной напряженной работе на борту корабля «Союз-9» и ответил на многочисленные вопросы журналистов, транслировалась по Чувашскому телевидению и стала фактически его отчетом перед родной республикой.

«Не оскверняя нигде чести чувашской», - с таким напутствием провожали обычно в нашем краю каждого, кого судьба надолго отрывала от родных мест. В чувашском народе всегда ценились люди скромные, спокойные и несуетливые, не лезущие с настырностью другим на глаза, но умелые и горячие в труде, тянущиеся к знаниям, способные в нужный момент проявить себя во всем блеске и не забывающие, где бы ни были, родные места. Таким, наверное, хотел видеть себя народ, потому что эти черты и ценил он более всего.

Встречи «Сокола» в Чебоксарах.

Потому и Андриян Григорьевич так близок землякам, что в нравственном его облике они видят многие из черт, которые соответствуют народному идеалу. Проявляется это у него как в малом, так и большом. И в том, например, как, не задумываясь, даже чуть удивленно, отвечал он на пресс-конференции на вопрос о своем любимом земном занятии: «Труд, работа. Что же еще?» И в его отношении к произведениям чувашских литераторов, среди которых, отвечая корреспондентам, он выделял Якова Ухсая и Петра Хузангая, то есть тех, в чьем творчестве наиболее полно отразились народный характер, народное понимание смысла жизни и долга человека перед своей родиной. Черты характера его с особой силой проявились и в образцовом исполнении им того сложного и ответственного дела, которое стало для него смыслом всей жизни. Много лет он был не просто космонавтом, а руководил Центром их подготовки к полетам.

Таким доверием и такими качествами народ выражает величайшее признание своему самому достойному сыну за то, что он, как сказал поэт, «поднялся до звезд, край родной прославляя». Космические его полеты пробудили, всколыхнули и возвысили самосознание, самооценку целой нации, вдохновили ее на смелые дерзания.

С годами жизнь меняется, меняются и люди. Неузнаваемо изменились и Шоршелы, они превратились в поселок городского

Разговор со знатными земляками – Андреем Николаевым и красноярским художником Владимиром Мешковым.

типа. Главной достопримечательностью села стал теперь новый великолепный музей космонавтики, входящий в целый музейный комплекс. Люди, сотворившие его, достойны высокой похвалы, ибо это прекрасное современное сооружение является чудесным памятником человеку, прославившему чувашский народ.

Сюда на экскурсию регулярно приезжают и ветераны, и сельчане, и студенты, и школьники. Здесь уже успели побывать и многие космонавты России, включая земляков. К музейному комплексу примыкает и памятник (бюст) дважды Герою Советского Союза А.Г. Николаеву, установленный еще много лет назад на центральной площади села. Председателем своего хозяйства шоршельские колхозники в свое время избрали брата космонавта, ставшего учителем истории, Петра Николаева. Но коварная болезнь рано скосила его. Еще раньше ушла в мир иной Анна Алексеевна. За эти годы выросла, окончила вуз дочь «Сокола» и «Чайки» Алена (в свое время вместе с отцом она тоже приезжала в Чувашию). Побывав недавно в составе группы участников Отечественной войны в музее космонавтики, мне приятно было услышать, что она стала врачом и работает в Звездном городке в Центре подготовки космонавтов к полетам. Не сидит без дела и ее отец; Андрей Николаев, оставаясь с давних пор в прочных дружеских от-

ношениях с Виталием Севастьяновым, работает его помощником в Государственной Думе.

У Андрияна Григорьевича обилие государственных наград и разных высоких званий - как отечественных, так и зарубежных, он почетный гражданин многих российских городов и других стран. Но не такого рода почести ведут его по жизни. Сам он свое жизненное кредо сформулировал так: «Совершил какое-то нужное дело, и уже новая мысль не дает покоя: «А что же дальше?» Достиг задуманного потолка - «А нельзя ли повыше?» Сделан шаг, второй, а уже догоняет сотый, тысячный. Кажется, цель уже достигнута. Вот она, рядом. А мечта, замыслы ведут дальше и дальше. Видимо, в этом смысл человеческой жизни. Без нее, без этой хорошей жаждности, а точнее, жажды, наверное, скучно было бы жить на свете».

УНЕСЕННЫЕ ВИХРЕМ

Документальная повесть

*Посвящается сыну чувашского народа,
революционному балтийскому матросу,
бойцу отряда легендарного
Камо Ивану Новикову.*

Верный соратник Камо, преданный революции матрос Иван Новиков погиб, как настоящий герой. Память о нем, отдавшем свою жизнь за Советскую власть, будет вечно жить в наших сердцах.

Асмик Папьян, член КПСС с 1918 года.

... Когда Новикова хотели вывести из камеры смертников на казнь, то он, схватив за шиворот надзирателя - у него была сила непомерная, - выбросил его из камеры. Тогда в камеру ввалилось четверо. Он избил всех четверых. Администрация тюрьмы вызвала одиннадцать солдат. Но и они ничего не смогли с ним сделать, и только нанесли ему больше десятка ножевых ран, всунули его, истекающего кровью, в петлю для оформления смертного приговора.

**Роман Аксенов-Разин,
член КПСС с 1917 года.**

Иван Новиков, сын чувашского народа, погиб героем в борьбе за счастье трудового народа всех национальностей. Вечная память ему. Хочется от всей души пожелать молодежи Чувашии хорошо знать, умножать и укреплять славные боевые и трудовые традиции старшего поколения, беспрдельно любить и всегда быть готовыми героически защищать нашу прекрасную Родину.

**Анна Литвейко,
член КПСС с 1917 года.**

РАСПЛАТА ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ ДРУЗЬЯМ

Баку. 19 марта 1920г. Третий час после полудня.

-Этот бандит все еще безмолствует?

-Да, ваше превосходительство. Он повторяет, как попугай, одно и то же: никого не видел, ничего не знаю!

-Я полагаю, господин подполковник, вы уяснили себе серьезность ситуации. Налицо крупная политическая диверсия. Только что мне позвонил генерал-губернатор, он интересовался ходом следствия, а заодно напомнил, что правительство заинтересовано скорее покончить с этим... щекотливым делом.

-Мы предприняли все, что в наших силах. Задержанный, несомненно, в покушении участвовал не один. Но заставить его раскрыться пока не удастся, да и времени было у нас слишком мало.

-Боюсь, подполковник, что времени не окажется и впредь. Обстоятельства требуют от следствия немедленных результатов. Какими угодно средствами, но показания надо вырвать у него прямо сейчас, сегодня. Ну, посулите что-нибудь, пообещайте сохранить жизнь... Не мне же учить вас азбучным истинам, подполковник!

-Благодарю, ваше превосходительство, за совет. Но вынужден обратить ваше внимание на то, что в распоряжении следствия нет ни одного серьезного свидетеля. В данной ситуации единственное средство нащупать цепочку преступления - это заставить арестованного признаться во всем, назвать сообщников и тех, кто стоит за ними. А для этого нужно время. Вы же видели: он явно из тех фанатиков, из которых если и возможно что-то вытянуть, то лишь посредством каленого железа. Возмемся с ним несколько часов, но толку никакого. Чтобы заставить его "разговориться" понадобятся не дни, а недели...

-Что вы, что вы, батенька! Какие там недели? Повторяю: их нет в нашем распоряжении. А вот относительно свидетелей... Мной отдано приказание задерживать в городе всех, чье поведение вызывает хоть малейшее подозрение. Но вы продолжайте допрашивать арестованного, не давайте ему передышки. И знайте, ради получения нужных нам показаний допустимы любые способы... А я займусь пока донесением в генерал-губернаторство...

Этот диалог происходил 19 марта 1920 года в третьем часу после полудня в кабинете полицмейстера города Баку между главой городской полиции полковником Мирзоевым и начальником следственного отдела.

Отпустив одного подчиненного, Мирзоев тут же вызвал к себе другого - начальника канцелярии. Войдя в кабинет, тот сразу почувствовал, что настроение у полковника далеко не благодушное: ни о чем не справившись, он стал упрекать канцеляриста за то, что писаря так долго переписывают донесение. Но документ, оказалось, был уже готов, лист плотной белоснежной бумаги, заполненный ровными, каллиграфическими строчками, тут же лег на стол полицмейстера.

“19 марта в 12 часов дня на Набережной улице, у подъезда квартиры Военного Министра, неизвестными злоумышленниками с целью покушения на жизнь делегатов Великого Круга Дона, Терека и Кубани Петра Андреевича Зозули, Николая Александровича Бигаева и Петра Ивановича Ковалева были брошены две бомбы, - будто проглатывал полковник бойко бегающими по строчкам прищуренными глазами слова донесения. - Обе бомбы взорвались, к счастью, не причинив никому никакого вреда. Злоумышленники, бросив бомбы одну за другой, бросились бежать. Но принятыми мною мерами одного из них тут же удалось задержать, у него обнаружены две бомбы, заряженный револьвер системы Парабеллум с двумя запасными обоймами. Все стекла обоих этажей дома Дадашева №51 разбиты, вся площадь тротуара и прилегающей улицы на протяжении всего фасада дома усеяна мелкими осколками стекла. Будки для часовых у подъезда Военного Министра разбиты. Собравшаяся после взрыва бомб публика, застав на месте господ Делегатов и приняв последних за злоумышленников, бросивших бомбы, хотела учинить над ними самосуд. Но принятыми мною мерами удалось быстро рассеять недоразумение и спасти господ Делегатов. Задержали несколько подозрительных лиц, личности коих выясняются. Производится дознание”.

Оторвав глаза от донесения, полковник молча уставился в окно. Он обдумывал, все ли тут изложено так, чтобы ничто не компрометировало лично его, полицмейстера. Кажется, все как надо. Правда, употребленное в двух местах выражение “принятыми мною мерами” кое у кого может вызвать ненужные вопросы, - скажем, как он мог допустить подобное, если в момент покушения находился вместе с делегацией или просто вблизи нее, и какие меры мог он

принять на месте происшествия, если прибыл туда только к шапочному разбору, - но подчеркнуть это, лишний раз напомнить начальству о своем усердии никогда не мешает. Он еще раз перечитал последние несколько предложений текста и после слов «Подл. подписал: Бак. Полицмейстер» поставил свою размашистую подпись-закорючку - «Р.Мирзоев». Начальник канцелярии все это время молча дожидался распоряжений. Полковник протянул ему донесение и приказал срочно отправить, запечатав пакет сургучной печатью, генерал-губернатору.

Затем он вызвал дежурного и потребовал доложить обстановку в городе, изложить вкратце поступившие с полицейских участков донесения и особо уточнить, нет ли среди задержанных в последние часы кого-либо, кто мог бы что-то сообщить о злоумышленниках. Полковнику сейчас более всего нужен был именно такой свидетель. Он верил в удачу, ему казалось, что для этого приняты все меры. По первому же сигналу о покушении на членов делегации в городе была поднята на ноги вся полиция и конная жандармерия, на все улицы и улочки были направлены тайные агенты контрразведки. Хватали и допрашивали всех, кто вызывал хоть малейшее сомнение в своей «лояльности» к правительству или подозревался в «сочувствии к большевизму».

ВСТРЕЧА С КАМО

Боец охраны поезда Реввоенсовета Иван Новиков, сменившись с караула, решил написать домой письмо. Занятие это он любил не очень, да и устал порядком, но, вспомнив, как укоряла его в своем последнем письме младшая сестренка за долгое молчание, решил сегодня же послать ей ответ.

Когда началась первая мировая война и Ивана призвали на Балтийский флот, сестренка была еще девочкой-подростком. «Теперь, поди, уж заневестилась вовсе, с подружками хороводы, небось, за околицей водит», - с нежностью подумал про нее матрос, и на его скуластом, потемневшем от ветра и загара лице промелькнула добродушная улыбка.

Он приготовил бумагу и карандаш. Но, разморенный жарой и усталостью, размягченный воспоминаниями о далеком доме, об утопающей в зелени старых ветел родной деревне, отложил письмо и, раздевшись до пояса, начал обливаться холодной водой. Он с наслаждением шлепал себя мокрой ладонью по смуглой шее и широкой груди, брызгая во все стороны. На запястьях рук выделялась

татуировка - русалка и сердце, пронзенное стрелой. Она была сделана давно, еще в первые месяцы пребывания в экипаже, и теперь напоминала матросу долгие дни службы на Балтике, Кронштадт, суровую офицерскую муштру и верных друзей-братишек.

Много воды утекло с тех пор. Робкий когда-то чувашский паренек получил суровую закалку в огне империалистической войны и вихрях революционных бурь. Вместе с другими моряками-балтийцами он участвовал в штурме Зимнего в Петрограде, охранял Смольный и в марте восемнадцатого года в составе отряда при народном Комиссариате по морским делам был переведен в Москву. Здесь ему пришлось выполнять задания по ликвидации заговоров и мятежей, нести караульную службу у правительственных учреждений. А осенью его зачислили в охрану поезда Реввоенсовета. И вот уже скоро год, как беспокойная жизнь носит его по фронтам, разным городам. Всегда спокойный и немногословный, не теряющий самообладания и мужества в любой обстановке, боец второго взвода команды поезда Иван Новиков пользовался уважением и среди товарищей, и у командования.

...Помывшись, матрос натянул тельняшку, причесал на косой пробор темнорусые волосы и старательно начал выводить на листке бумаги первые строки письма. Но дописать его ему так и не удалось. Пришел рассыльный и передал приказание, что его вызывают в штаб.

Когда матрос вошел в указанную дежурным комнату и, лихо козырнув, доложил о своем прибытии члену реввоенсовета, он кроме него увидел там еще мужчину средних лет в штатском костюме. У того было типичное кавказское лицо: большие, немного навывкате, черные глаза, смуглая кожа, небольшие усики.

- Вот, товарищ Камо, - обратился к нему член Реввоенсовета, - это тот самый матрос-балтиец Новиков. Разговор с ним уже был. Он в курсе дела.

Человек в штатском повернулся к Новикову. Из-под густых бровей на Ивана пристально смотрели прищуренные, острые глаза.

- А теперь я могу оставить вас одних, - сказал член Реввоенсовета. - Можете тут же и побеседовать.

- Э-э, зачем тут? - возразил Камо. - На улице вон как хорошо. Верно я говорю, матрос?

Новиков уже знал - об этом его предупредили заранее, - что Камо старый революционер, опытный подпольщик, что он близко знаком с самим Лениным. Потому матрос, размеренно вышагивая рядом с ним, держался почтительно. В его ответах на вопросы вначале чувствовалась некоторая скованность. Но Камо вел себя просто и

непринужденно, говорил так живо и увлеченно, что скованность быстро исчезла. Правда, ответы Новикова и теперь не отличались многословием - он от природы был человеком неразговорчивым, - но все же стали более обстоятельными. Слушая скороговорку попутчика, его ярко выраженный кавказский акцент, часто повторяемые протяжные "э-э-э", "панимаешь", "пачему", матрос даже не удержался от улыбки, но, спохватившись, тут же погасил ее. Да и обстановка вокруг вовсе не располагала к веселью.

Москва в те дни жила тревожно, на нее надвигались полчища денкинцев. "Революция в опасности!" - кричали надписи на полотнах, вывешенных на улицах. Мимо заколоченных витрин магазинов, возле которых за скудным пайком с ночи выстраивались очереди, мимо афишных тумб, обклеенных призывами "Все для фронта, все для победы!", молча проходили отряды красноармейцев. Все те дни в Москве формировались, наспех обучались и отправлялись на фронт батальоны, полки, дивизии. Рядом с бородатыми рабочими шли еще совсем безусые юнцы, а порой и девушки.

Камо спросил Новикова: сказали ли ему о том, какая работа ждет его в отряде, если он будет туда зачислен? Получив ответ, начал задавать другие, порой самые неожиданные, вопросы. Стройный и гибкий, среднего роста, он шел по улице легко, и рядом с Новиковым, который шагал широко, переваливаясь с ноги на ногу, походка его казалась особенно изящной и грациозной. Ходили они долго, сворачивали в какие-то переулки, потом вновь вернулись к центру и, выйдя к Александровскому саду, присели на скамейку. Камо спрашивал, какими видами оружия Новиков владеет, умеет ли стрелять из пулемета, приходилось ли ему бросать бомбы. Потом матросу пришлось рассказать о своих родителях, об их жизни. Узнав, что он родился на Волге и по национальности чуваш, Камо заметил:

- Это хорошо. Панимаешь, защищать революцию должны рабочие и крестьяне всех народов. И в отряде у нас собрались люди разных национальностей.

Камо особенно настойчиво допытывался у матроса, почему он согласился поступить к нему в отряд, предупреждал об опасностях, которые постоянно будут поджидать его, говорил, что придется действовать среди врагов и, может быть, даже сознательно пойти на смерть.

- Панимаешь, вокруг только враги. И вдруг схватили тебя. Будут пытать, мучить. Выдержишь? Жена у тебя есть? Ах, нету. А о матери с отцом подумал? Они будут плакать. Тебе разве не жалко их?

Матрос отвечал, что он холост, что родителям, если убьют его, конечно, будет тяжело, но ведь и на войне не всех убивают. А насчет пыток, что скрывать, вряд ли кто их легко переносит. Спокойные, рассудительные и немногословные ответы Новикова, видимо, понравились Камо. Он сказал матросу, что берет его в свой отряд и велел срочно готовиться в дорогу. Точное время отъезда и место явки ему передадут. На прощанье Камо сказал:

-Ты слово "ярость" знаешь? Очень хорошее русское слово. Однажды меня больше двух лет мучили в тюрьме, а я их, панимаешь, всех обманывал, прикидывался сумасшедшим. И выдержал, потому что был в ярости.

Возвращаясь к себе, Новиков думал о скором расставании с друзьями-матросами, пытался представить будущих товарищей по отряду, вспоминал все то, что говорил ему Камо. Он произвел на Новикова впечатление человека необычайно интересного, человека необыкновенной судьбы.

Так оно в самом деле и было.

Когда-то, еще задолго до первой революции в России, в первый класс армянского училища города Гори Тифлисской губернии был принят на учебу сын подрядчика Тер-Петросяна непоседа-мальчишка по имени Симон. Учеба, особенно русский язык, давались ему трудновато. Он долго не мог поладить с дательным падежом и вместо "кому", "чему" говорил "камо", "чемо". С легкой руки однокашников, давших своему товарищу кличку "Камо", она через несколько лет превратилась в псевдоним профессионального революционера-большевика Симона Аршаковича Тер-Петросяна. Он для продолжения учебы поехал к своей тетке в Тифлис. И здесь социал-демократы вовлекли юношу в подпольное движение. Камо печатал и распространял листовки, прокламации, доставал оружие, типографские шрифты.

Осенью 1903 года в Батуми полиция задержала Камо с чемоданом марксистской литературы. Девять месяцев просидел он в Батумской тюрьме, из них четыре - в одиночной камере. Ловкость и находчивость помогли ему совершить побег, и с этого времени начинается его нелегальная, постоянно связанная с риском и опасностями жизнь.

Камо активно участвовал в революционных событиях 1905 года. Отлично владея многими видами оружия, он формировал боевые группы рабочих, обучал их стрельбе. Особенно увлекался изготовлением ручных бомб. Во время восстания в Тифлисе Камо

руководил отрядом вооруженных рабочих, оборонявших рабочий район города. Он получил пять тяжелых ранений, был схвачен казаками и подвергнут жестоким истязаниям: его подвешивали к потолку, заставляли рыть себе могилу и, не опознав, ничего не добившись, бросили в Метехскую тюрьму. Благодаря своей простоте, жизнерадостности и энергии, зная русский, грузинский и армянский языки, Камо везде находил верных и преданных друзей. На допросах он выдавал себя за грузинского крестьянина, это помогло ему выйти на волю.

Оказавшись на свободе, Камо проявлял поразительную находчивость, безграничную смелость и удачу. Он освобождал из тюрем арестованных товарищей, добывал оружие. В марте 1906 года поехал в Петроград, познакомился там с Владимиром Ульяновым и Надеждой Крупской, не раз бывал у них на квартире. Из Петербурга он доставил в Тифлис оружие и боеприпасы, наладил массовое производство бомб. В том же году для закупки оружия Камо выезжал в Финляндию, Германию, Швецию, Бельгию и Болгарию.

В разгар восстания и после ее поражения, когда многие социал-демократы ушли в подполье или были в эмиграции, для продолжения революционной работы требовались средства. И подпольщики добывали их путем экспроприации из царской казны. Для этого были созданы специальные боевые группы, дружины. В Тифлисе такой дружиной руководил Камо. Однажды среди белого дня, на центральной площади города, возглавляемая им группа напала на вооруженных казаков, сопровождавших кассира и счетчика на двух извозчиках из почты в банк, и отобрала четверть миллиона рублей ассигнаций. Вскоре на площадь прибыли войска, но ни денег, ни Камо найти не смогли, ранее подобная же операция была проведена им в Кутаиси.

Зная, какая опасность ему грозит - это могла быть виселица, - Камо выехал за границу, в Берлин. Но здесь был арестован немецкой полицией. Возникла угроза выдачи его русскому правительству. Чтобы избежать этого, за две недели до суда Камо притворился душевнобольным. На суде он держался как помешанный, и его перевели для врачебного обследования в психиатрическое отделение тюремной больницы. Полтора года выдавал себя Камо в берлинской тюрьме за сумасшедшего.

Но не помогло и это: правительство Вильгельма Второго выдало Камо, закованного в кандалы, царским жандармам. Его привезли в Тифлис и вновь заключили в Метехский замок. Через год и четыре месяца военный суд вынес постановление об испытании умственных

способностей Камо. И его перевели в Михайловскую больницу, за ним была установлена строжайшая охрана. И все-таки через полгода он бежал, выломав в туалетной комнате решетку и спустившись по веревке из окна. Для поимки Камо была поднята вся полиция Тифлиса, но тщетно. В трюме парохода, отправляющегося из Батуми за границу, среди груды ящиков и бочек Камо выехал из России и вскоре прибыл в Париж, где вновь встретился с Лениным.

По его заданию Камо вновь взялся за доставку оружия и литературы в Россию. В пути он дважды - в Константинополе и Болгарии - был арестован. В первом случае его выручили живущие в Турции земляки, во втором - болгарские революционеры Благоев и Кирков. Но оружие - динамит и маузеры - было доставлено в Тифлис благополучно. Ловкий и находчивый, Камо в совершенстве владел искусством перевоплощения, выдавал себя то за рабочего или батрака, то за богатого купца или торговца.

Осенью 1912 года Камо был опять арестован и вновь посажен в Метехский замок. Суд вынес смертный приговор, который затем был заменен, по случаю трехсотлетия царской фамилии Романовых, двадцатилетней каторгой. Камо перевели в харьковскую каторжную тюрьму. Оттуда освободила его лишь февральская революция. Выйдя на свободу, он побывал в Москве, Питере и, чтобы поправить, пошатнувшееся за долгие годы здоровье, поехал в Тифлис.

К весне 1919 года Камо вновь стал жизнерадостным и энергичным. Когда в начале июня с юга повела наступление на Москву белогвардейская и белоказачья армия Деникина, он отправился в Азербайджан, отплыл на рыбацкой лодке из Баку в Астрахань, а оттуда выехал в Москву.

РЕПОРТАЖ ИЗ КАМЕРЫ СМЕРТНИКА РАСПЛАТА ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ ДРУЗЬЯМ Баку. 19 марта, вечер. Допрос "злоумышленника".

...Что же, однако, произошло в середине того мартовского дня возле дома военного министра азербайджанского правительства? Что послужило тому причиной?

Атмосфера в Баку накалялась в те весенние недели день ото дня. Во многих районах Кавказа хозяйничали партизаны. К Грозному уже приближались части Красной Армии. И вдруг в бакинских газетах промелькнуло сообщение о предстоящем приезде в город делегации Верховного круга Дона, Терека и Кубани. Ожидалось, якобы,

закключение торгово-экономического соглашения с правительствами Азербайджана, Грузии и Армении, но большевистскому подполью стало известно, что на деле замышляется сговор белогвардейцев с главарями азербайджанских мусаватистов, грузинских меньшевиков и армянских дашнаков для совместных действий против наступающей Красной Армии. Кавказский краевой комитет большевиков решил сорвать эти переговоры в самом зародыше.

Взрывы возле дома военного министра взбудоражили город. Вся полиция, почти обалдевшая от совершенно неожиданной для нее диверсий, высыпала на улицы и начала на каждом шагу хватать "подозрительных". Конная жандармерия оцепила всю Набережную, примыкающую к дому генерал-губернатора, который одновременно занимал и пост военного министра, Старую крепость. По городу ползли разные слухи: одни утверждали, что Набережная вся захвачена террористами, другие доказывали, будто взорвались бомбы, зарытые когда-то турками на территории Старой крепости, третьи высказывали предположение, что это были вовсе не взрывы, а орудийные залпы в честь приезда высокой белогвардейской делегации. Горожан охватила тревога, люди спешили укрыться поскорей в домах, подъездах и дворах.

...А допрос единственного "злоумышленника" в следственной камере полицмейстера продолжался непрерывно. Арестованный - коренастый, крепкого сложения мужчина с крупными мозолистыми руками - упорно молчал или время от времени повторял одно и то же: "Никого не знаю. Я был один." Правый глаз у него почти не видел, на его месте расплылся крупный кровоподтек, с уголка рта к подбородку тянулась алая струйка крови. Голый, по пояс, он сидел, покачиваясь то в одну, то в другую сторону, на железном, намертво приделанном к бетонному полу стуле и сжимал зубы, чтобы не дать вырваться коварному стону. Плечи и грудь у него были покрыты кроваво-темными пятнами от побоев, а на спине пестрели полоски от розг или шомполов. Несколько раз в камеру заглядывал полицмейстер, но он пока не вмешивался в ход допроса, а лишь молча наблюдал, усевшись в дальнем углу, за состоянием подследственного. Наконец, не выдержав, он, подошел к арестованному, приподнял его лицо, взявшись рукой за подбородок, и медленно, растягивая слова, проговорил:

— Разве можно так, голубчик? Вы же сами губите себя. Умереть в такие годы - это же глупо! Если будете упорствовать, поверьте мне, вас хватит ненадолго. По возрасту вы мне годитесь в сыновья, я вас жалею и хочу вам сохранить жизнь. Для этого требуется совсем немного - искреннее раскаяние и полная откровенность. Договорились?

Все, что вы мне расскажете, - даю благородное офицерское слово - останется в этих стенах, об этом никто и никогда не узнает. Мы сейчас немного побеседуем, а затем вас отправят в больницу на лечение. Пока же ответьте мне на несколько вопросов. Итак, первый вопрос: кто вы такой, ваше имя и фамилия, имя отца, откуда вы родом?

ОТРЯД ПРОХОДИТ ПРОВЕРКУ

Прибыв в Москву, Камо прямо с вокзала направился в Кремль. Ему хотелось быстрее повидаться с Лениным и скорее приступить к созданию боевой группы добровольцев для действий в тылу врага. Но когда он с узелком в руке подошел к Троицким воротам и попросил дежурного пропустить его в Кремль, тот ответил, что время позднее и товарищ Ленин прием посетителей уже закончил.

А встреча все-таки состоялась в тот же вечер. Позже Камо не раз рассказывал о ней своим друзьям и товарищам. Ильич встретил Камо тепло и радушно, повел к себе на квартиру. Надежда Константиновна усадила его пить чай. Камо развязал узелок и извлек из него банку орехового варенья с написанной от руки наклейкой "Фабрика тети Камо". Он еще в Тифлисе попросил свою тетю приготовить ему ореховое варенье на дорогу. Камо подробно рассказывал Ленину об обстановке в Закавказье, о том, как ему удалось перехитрить грузинских меньшевиков и, избежав ареста, добраться до Баку и затем тринадцать суток плыть на баркасе до Астрахани. Узнав о его намерениях создать партизанский отряд, Ленин одобрил эту инициативу, но когда Камо добавил, что для этого ему необходимо подобрать двадцать-тридцать старых большевиков, имеющих опыт подпольной работы, он неожиданно засмеялся и сказал:

-Что вы, батенька! И не думайте, дорогой Камо, не дадим. На этих людях, которых вы просите, у нас работа в целых губерниях держится.

Ленин посоветовал Камо самому заняться подбором людей. И искать их среди преданной революции молодежи. И все же он послал в Реввоенсовет Республики записку, в котором охарактеризовал Камо "как человека совершенно исключительной преданности, отваги и энергии (насчет взрывов и смелых налетов особенно)" и предлагал "поручить ему организовать особый отряд для взрывов... в тылу противника". Кроме того, Камо было выдано удостоверение следующего содержания: "Представитель сего тов. К. Петров, имеющий билет №483 (от 1.10.1919) на пропуск в здание ЦИК и работающий в одном отделе ЦИК, лично

мне известен. Прошу все советские учреждения, военные и прочие власти оказывать тов. К. Петрову полное доверие и всяческое содействие. Председатель Совета Обороны В. Ульянов (Ленин)".

В удостоверении Камо значился Петровым потому, что ранее, сразу же по приезде в Москву, ему на такую фамилию был выдан Краснопресненским райкомом РКП(б) партийный билет.

Не теряя времени, с присущей ему неутомимостью и страстностью Камо окунулся в работу. В формировании отряда, в подборе стойких и смелых людей ему помогали партийные и комсомольские организации Москвы. Рекомендованных райкомами молодых коммунистов вначале проверял секретарь Московского комитета партии В. М. Загорский и, отобрав лучших, посылал к секретарю ЦК РКП(б) Е. Д. Стасовой. Затем с ними встречался Камо и, если они удовлетворяли его требованиям, направлял в штаб-квартиру отряда, которая размещалась на Садово-Каретной улице, в доме, называвшемся Третьим домом Советов.

Но не только этим путем шел отбор будущих боевиков. Группа в шесть человек была откомандирована в отряд Камо с Первых московских пулеметных курсов. В приказе по курсам об этом говорилось так:

"При сем объявляю для сведения выписку из протокола президиума Всероссийского Исполнительного Комитета от 27 августа за №57.

Слушали: Ходатайство ЦК РКП об откомандировании в распоряжение ЦК РКП курсантов Первых советских пулеметных курсов Ефима Голода, Романа Аксенова, Михаила Щетинникова, Анны Новиковой, Андрея Казаринова, Петра Страздыня.

Постановили: Ходатайство удовлетворить и предложить комиссару курсов сделать распоряжение об откомандировании означенных курсантов в распоряжение ЦК РКП(б).

Выписка верна: Секретарь ВЦИК Енукидзе".

В группу Камо эти курсанты прибыли в первых числах августа. С каждым из них он до этого беседовал лично, обстоятельно выпрашивал о происхождении, родителях, наклонностях, о том, чем раньше занимался и чем - в период Октября. И тем, кто внушал ему доверие, Камо, предупреждая об опасностях предстоящей работы, настойчиво советовал еще раз хорошенько подумать, прежде чем дать согласие на зачисление в отряд.

- Панимаешь, - говорил он, например, Роману Аксенову, - нужно взорвать штаб. Привяжу тебе вот сюда, на пояс, бомбу, пойдешь в этот штаб и взорвешься вместе с ней? Страшно? - И услышав в ответ

скоропалительное “нет”, недовольно замечал: -Э-э, зачем неправду говоришь? Почему не страшно? Нет таких людей, которые смерти не боятся... Всем страшно. Подумай-ка лучше и мать пожалей.

Когда Аксенов заговорил о том, что ему не раз доводилось стоять часовым около рабочего кабинета и квартиры Ленина, Камо будто вдруг стал другим человеком; он сразу проникся доверием к курсанту.

Каждый, кто направлялся к Камо на беседу, строго предупреждался о секретности ее содержания. Камо особенно был доволен, если среди пришедших к нему оказывались люди хоть с небольшим опытом подпольной работы, прошедшие суровую жизненную закалку. Потому без всяких колебаний зачислил он в отряд и латыша Яна Абола.

Родившийся в многодетной семье безземельного крестьянина, Ян рано остался без отца. И мать вынуждена была определить его пастушонком к богачу. Потом он уехал в Ригу и стал каменщиком. Под влиянием своей сестры стал посещать подпольные собрания, участвовать в забастовках, демонстрациях. В январе 1913 года во время демонстрации был арестован полицией. В августе 1914 года его арестовали вторично. По выходе из тюрьмы он перешел на нелегальное положение и уехал в Царицын. Работал там то каменщиком, то грузчиком. Весной 1917 года его взяли в армию. В бою под Ригой был ранен, очутился в плену, бежал, был схвачен и жестоко наказан. Весной 1919 года вступил в Красную Армию и вскоре получил еще одно ранение. Расспросив обо всем этом подробно, Камо заметил:

-Да, брат, много пришлось тебе пережить. Но латышские ребята парни крепкие. Ведь не случайно поручена им охрана Кремля.

Кроме Ани Новиковой, Камо принял в группу еще несколько девушек. Была среди них и миловидная юная армянка Ася Папьян, рекомендованная старой подпольщицей Варварой Каспаровой, которую Камо знал с давних пор и которой доверял как самому себе. Но с Асей, прежде чем зачислить ее в отряд, он тем не менее побеседовал обстоятельно, задавал ей множество вопросов.

Дочь педагога, много лет работавшего в должности заведующего начальной школой в Баку, серьезная и вдумчивая, Ася около года жила в Астрахани, где была секретарем редакции газеты политотдела Одиннадцатой армии “Красный воин”. В Москве она очутилась в кругу земляков-бакинцев, проживавших “коммуной”. Ася участвовала в освобождении Крыма от белогвардейцев. Когда вернулась из Севастополя в Москву, Каспарова посоветовала ей вступить в отряд Камо.

Отряд формировался в июле-августе в обстановке строгой секретности. Зачисленные знали лишь то, что им придется действовать в тылу белой армии, а как и что они будут делать там конкретно, никто не ведал. Камо учил их стрелять с любого положения, правой и левой рукой, из револьверов разных систем, изготавливать самодельные бомбы и бросать их по цели, вырабатывал навыки маскировки, умение гримироваться и перевоплощаться. Много занимались боевики спортом, учились ездить на велосипеде. В стрельбе и метании бомб тренировались - на это Камо получил разрешение Московского Совета - в нескольких пустующих ветхих домах и в полуразрушенной бане на окраине города.

В светлом особняке на Садово-Каретной боевики жили дружно и весело. Окна выходили в тихий сад, комнаты были чисто прибраны, кровати тщательно заправлены. Камо сумел организовать для бойцов отряда неплохое по тем трудным временам питание: утром они получали хлеб с маслом и сладкий чай, в два часа дня - обед из двух блюд, вечером - второе и чай. Ребята, и не мечтавшие о такой еде, вначале приятно удивлялись своему привилегированному положению, но вскоре, восстановив истощенные от длительного голодания силы, стали даже втихомолку поговаривать, что можно было бы "поменьше каши, да побольше мяса".

По вечерам они беседовали о событиях в стране и за границей, обсуждали положение на фронтах, рассказывали друг другу о себе, о своих недавно пережитых испытаниях. И у каждого было чем поделиться: хотя многим из них не исполнилось еще и двадцати, почти все они успели или участвовать в октябрьских событиях, или побывать на фронте.

Так проходили дни за днями, боевики ждали отправления их в тыл врага. Острословы придумывали друг другу разные клички: Аксенова прозвали "Разин", Казаринова - "Скалывай", Прохорова - "Дед", Папьян - "Сатана" и так далее.

В иные вечера заглядывал в общежитие Камо. Тогда дружинники усаживались вокруг него, завязывалась непринужденная беседа, и командир по чьей-либо просьбе начинал рассказывать о каком-нибудь эпизоде из своей подпольной деятельности. Рассказывал он охотно и просто, без всякой рисовки, без тени хвастовства. Если кто-нибудь, слушая его, начинал восторгаться им, Камо прекращал разговор и недовольно замечал:

- Не для этого ведь я говорил. Все это нужно ради нашего дела.

Обучение боевиков приближалось к концу. Камо сам проверял подготовку каждого дружинника - его ловкость, сообразительность,

глазомер, умение выбрать нужную по весу бомбу для определенной цели. Результатами он был доволен, но его не оставляла тревога: не могли проникнуть в отряд замаскировавшийся враг или просто слабый малодушный человек, который - окажется неожиданно захваченным врагом - не выдержит физических истязаний и выдаст себя и товарищей?

Ранним утром в конце августа Камо повез свою группу на двух грузовиках за город на очередное занятие по стрельбе. Остановились на лесной опушке в 35-40 километрах от Москвы. Углубившись в лес, облюбовали небольшую поляну и начали тренироваться в стрельбе из пистолета. Стреляли до тех пор, пока не израсходовали все патроны. Потом собрались вокруг Камо и он, как обычно, начал рассказывать о каком-то поучительном случае своей подпольной работы.

В лесу внезапно послышался шум, затрещали под чьими-то ногами сухие сучья. Боевики не успели и спохватиться, как их окружили вооруженные люди. Кокарды на фуражках, погоны... У всех промелькнули мысли о белоказачьей банде, о появлении которой в Подмоскovie сообщалось несколько дней назад в газетах. Кто-то, забыв об отсутствии патронов, хватался за пистолет...

- Не шевелись! Руки вверх! - угрожающе размахивали казаки клинками.

Камо первым поднял руки, остальные последовали его примеру. Когда из кустов, шествуя медленно и важно, вышел подполковник, казаки прямо-таки озверели, - толкая пленных прикладами в спину, начали теснить их в узкий круг. Боевики выжидающе смотрели на Камо. Молви он слово, они бы голыми руками бросились на деникинцев. Но командир, уставившись глазами в землю, никого, казалось, не видит и ничего не слышит.

- Ну вот, голубчики, и попались, - заговорил подполковник с издевкой. - Но мы не безбожники-большевики. Теперь все зависит от вашего благоразумия. Кто искренне покается, того мы простим. Кто у вас старший, кто комиссар?

Все молчали, у каждого в душе теплилась слабая надежда, что Камо сумеет что-то предпринять. Никому не хотелось верить, что все кончится так глупо и бессмысленно. Казаки отнимали у боевиков оружие и связывали им руки. Их гробовое молчание совершенно взбесило подполковника.

- Кто старший, я вас спрашиваю? - кричал он, впиваясь глазами то в одного, то в другого из боевиков. - А-а, молчим! Обыскать их,

негодяев. А этого взять! - приказал подполковник, показывая на Камо: по виду он был старше всех.

Казаки повели Камо в лес. "Говори, мерзавец!" - донесся оттуда голос подполковника, затем раздался стон Камо и послышалось приказание: "Расстрелять!" Грохнул залп из нескольких карабинов. Все вздрогнули, переглянулись, инстинктивно прижались друг к другу. Рухнули последние надежды на Камо. После этого начали уводить по одному других боевиков. И каждый раз из леса доносилось одно и то же: "повесить!" или "расстрелять".

Когда привели в кусты Андрея Казаринова, он увидел лежащее на земле чуть прикрытое рогожей окровавленное тело своего командира и понял, что пришел конец и ему. Его подвели к дереву и накиннули петлю на шею. Сознание было в каком-то тумане, мысли лихорадочно перескакивали с одного на другое. В памяти, как во сне, мелькали обрывки жизни: вот он десятилетним мальчиком батрачит у зажиточных крестьян родной деревни Карпины Вятской губернии; вот, ставший уже парубком, служит матросом на реках западной Сибири; а этот вот, в солдатской форме, тоже он, три года ведь провел в царской армии, потом, после демобилизации, работал в железнодорожном депо, записался добровольцем в Красную Армию.

-Если все расскажешь, дарю жизнь..., - эти слова белого офицера вернули Андрея из забытия. Но он молчал. И подполковник, рассвирепев, приказал прапорщику вырезать кинжалом на его груди слово "коммунист"...

Почти каждому из пленных подполковник предлагал перейти на сторону белых. Но таких не находилось. И когда один из боевиков вдруг согласился на это, подполковник потребовал, чтобы в доказательство "искренности" он расстрелял своего же товарища - "красного гада". Боевик долго целился и вдруг, резко повернувшись, выстрелил в офицера.

Но карабин оказался заряженным холостым патроном...

Не миновал черед и Аню Новикову. Правда, подполковник говорил с ней более вежливо, даже галантно, пообещал сохранить жизнь, если она расскажет все без утайки про свой отряд и сообщит, какие поблизости стоят воинские части. Девушка сперва молчала, а потом плюнула офицеру в лицо. И тут же последовала команда:

-На прицел!..

После Ани самым молодым в отряде был Вася Прохоров. Стоя перед полковником, который уговаривал его пожалеть родную мать, сестер и "бросить свой голодный коммунизм", Вася заметно дрожал,

но в глазах его и сжатых губах чувствовалось упрямство и решительность.

-А кто вы такие? - спросил Прохоров.

-Из корпуса его превосходительства генерала Мамонтова, - напыщенно ответил подполковник. - Станешь честно служить у нас, будешь офицером, будешь получать много денег, хорошее питание.

-Мы все равно побьем вас! - тихо ответил Прохоров.

-Ах ты, щенок! - вскрикнул подполковник, потрясая маузером.

- Да я пристрелю тебя сейчас же. Говори, кто у вас начальник отряда? А-а, тебе нравится молчать? Хорошо, хорошо, сейчас замолкнешь навеки.

И тут же в спину Васи врезалась казацкая нагайка, потом еще и еще. Сразу помутнело в глазах, на какой-то миг Прохоров потерял сознание. Когда очнулся, увидел возле себя... целехонького и живого Камо.

-Успокойся, дорогой, - говорил он, обнимая Васю. - Молодец ты. Понимаешь, это была проверка...

Примерно то же самое было и с другими. Камо горячо восхищался мужеством каждого, кто выдержал испытание. Но нашлось и несколько трусов, которые, страшаясь смерти, рассказали "бандитам" об отряде, о Камо. А "бандитами" теми были старый друг Камо чекист Г.Атарбеков и его люди. Вместе с ними и разработал Камо план этой суровой проверки.

Обнаружился в отряде и ярый враг. Когда одного из боевиков "казаки" привели к "подполковнику", он сразу же заявил, чтобы не смели его тронуть: он, мол, разведчик иностранной державы, действия которого согласованы с разведкой генерала Деникина. Когда Атарбеков вежливо потребовал "доказательств", шпион распорол голенище сапога и вытащил изготовленное на шелковом лоскуте удостоверение. Его тут же арестовали, а потом отправили в ЧК.

Те, кто проявил малодушие, на другой же день под разными предложениями были откомандированы из отряда обратно. Вместо них Камо срочно подбирал других боевиков, рекомендованных надежными товарищами. Тогда и появились в отряде Иван Новиков и несколько других бойцов. Кроме них, к отряду присоединили еще двадцать человек.

Но Камо ходил в эти дни мрачный и молчаливый. Причину этого боевики узнали несколько дней спустя. Оказывается, о проведенном в

подмосковном лесу испытании стало известно самому Ленину, и он немедленно вызвал к себе Камо.

-Я ему говорю, - рассказывал Камо потом своим боевикам, - панимаесте, Владимир Ильич, шпиона поймали. Он задумался, потом говорит: "Все равно нехорошо, нельзя так делать. Другое нужно было придумать, есть нормальные способы проверки. Дайте твердое обещание, что больше не допустите подобных "испытаний"... Словом, отчитал меня как следует... И я, конечно, дал это обещание.

РЕПОРТАЖ ИЗ КАМЕРЫ СМЕРТНИКА
РАСПЛАТА ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ ДРУЗЬЯМ
Баку. 19 марта, ночь. "Злоумышленник" опознан".

Немало лет своей жизни отдал полицмейстер Мирзоев службе государю и отечеству, удостоился больших наград и высокого чина, а теперь вот такой же верой и правдой служит мусаватистскому правительству. И все эти годы он считал себя надежной опорой устоев, порядка и законности, предписанных людям самим господом Богом, аллахом, царем и правителями. И тем не менее он не любил таких допросов, которые выпали сегодня на его долю. Не любил потому, что слишком торопили "сверху", то и дело требовали результатов, намекали, что в противном случае можно ожидать чьих-то немилостей, каких-то неприятностей. Чтобы вести такие допросы, следовало быть искусным дипломатом, умелым актером, отличным психологом, наглым лжецом и бог знает кем еще. Полковник трезво оценивал свои возможности, справедливо полагая, что не обладает в достаточной мере подобными качествами. Вот и теперь, допрашивая участника совершенной среди бела дня диверсии, он явно чувствовал, что терпит фиаско. Конечно, прав начальник следственного отдела: незачем унижать себя разными, пусть даже фальшивыми обещаниями перед такими фанатиками; с ними, и в самом деле, больше пристало беседовать при помощи кнута и каленого железа.

Добиваясь, чтобы «преступник» назвал соучастников, полицмейстер то угрожал ему жестокой карой, то льстил за храбрость и отвагу, то уговаривал еще раз подумать о себе, родных и близких. Арестованный молчал. Если молчание затягивалось, полицейские начинали избивать его, но не помогало

и это. Только раз, выплюнув вместе с кровью выбитые зубы, он хрипло произнес:

-Подите вы к дьяволу! Я ничего не знаю...

Трудно предугадать, чем бы все это кончилось - ведь полицмейстер терял уже последние капли терпения, - если бы в камеру не зашел дежурный с очередным донесением и полицмейстер не направился с ним в свой кабинет.

-Ваше превосходительство, среди только что задержанных есть несколько весьма подозрительных субъектов. Начальники полицейских участков направили их сюда.

Хотя и без особого интереса, полковник все же решил взглянуть на них. А потом взбрела ему в голову, как впоследствии оказалось, весьма удачная мысль - он распорядился показать каждому из них в следственной камере допрашиваемого преступника. И какова же была радость полковника, когда ему доложили, что один из подозреваемых, повар Михайловской больницы Аги Гаджиев, очень испугался, увидев арестованного. И эта нелепая случайность - ведь повар был задержан полицией лишь "на всякий случай", по весьма смутному подозрению - сослужила полицмейстеру добрую службу. Аги действительно помнил арестованного, потому что тот некоторое время скрывался у него в доме. Знал повар и некоторых других подпольщиков, - к счастью, немногих, - приходивших к нему. Полковник лично допросил Аги, и тот не выдержал, признал в арестованном бывшего своего постояльца, - затем полицейские уточнили это и по записи в домовое дело, в которой он значился прибывшим в Баку седьмого февраля харьковским рабочим Новиковым Филиппом Финогеновичем. - а также назвал имена некоторых знакомых ему подпольщиков.

Не трудно догадаться, как поправил больничный повар настроение полицмейстера. Полковник вновь направился в следственную камеру. В голосе у него опять зазвучали "отеческие" нотки:

-Что ж ты, дуралей, изводишь себя? Понимаю, понимаю, в молодости всем хочется быть героями. Ты думаешь, что молчанием спасаешь соучастников преступления, друзей спасаешь. Но какие же они друзья, ежели им наплевать на тебя? Каждый заботится в жизни о себе; есть ли ты, нет ли тебя - им теперь все равно. Им лишь бы прикрыться тобой и спасти свою шкуру. Тебе кажется, что мы ничего не знаем о них, а нам ведь уже все известно - и о них, и о тебе. Более того, они тоже арестованы и оказались

намного разговорчивее, чем ты. Они называют тебя главным организатором диверсии, а себя лишь подневольными пособниками. Вот ведь, молодой человек, куда повернуло дело.

НА ФРОНТ

Начался сентябрь. Однажды после обеда Камо собрал боевиков в одной из самых просторных комнат общежития и объявил:

-Положение на фронте стало очень тяжелым. Конница Мамонтова прорвалась в тыл Красной Армии. Все силы, в том числе и наш отряд, мобилизуются на борьбу с врагом. Мы срочно отправляемся на фронт. До посадки в поезд времени остается час.

Сборы были недолгие. Боевики получили кое-какое обмундирование, продовольствие и в шесть вечера уже были на вокзале. Весь отряд разместился в одном вагоне. Поезд набирал скорость, все тридцать семь человек стояли у раскрытой двери и смотрели на проплывающие мимо неяркие огни городской окраины. В пути Камо сообщил, что они станут ядром крупного партизанского отряда, который помогут сформировать губкомы партии Тулы, Орла, Курска. Бойцы, разбившись группами, обсуждали эту новость, строили разные предположения о будущих боях.

Иван Новиков, лишь недавно откомандированный в распоряжение Камо, лежал на полке и прислушивался к этим разговорам, присматривался к людям, с которыми ему отныне предстояло делить не только кусок хлеба или самокрутку, но и жизнь и смерть. Ребята эти ему понравились, чувствовалось, что они не из робкого десятка, хотя многие выглядели еще совсем юнцами. Но были и постарше, которые успели - матрос это безошибочно угадывал по каким-то неувловимым для первого взгляда признакам - вдоволь нанюхаться пороху. Но они ничем не подчеркивали своего превосходства перед другими.

Одним из первых Новиков познакомился в отряде с латышом Яном Аболотом. Чем-то, возможно, общностью характера, привычкой больше делать, чем говорить, степенностью и упорством - они сразу приглянулись друг другу. И в вагоне они выбрали себе место рядом, и теперь о чем-то тихо переговаривались. Еще один человек, который сразу привлек внимание Ивана, была Аня Новикова. Резковатая и прямодушная, она не очень-то церемонилась в выражениях, все, что думала, говорила в глаза. За это, очевидно, и любили ее в отряде.

Выгоревшая гимнастерка и брюки на ее стройной фигуре сидели как-то особенно ладно.

Вот и сейчас возле нее собралось несколько бойцов.

-Повоюем, Иван Иванович?

-Что ж, мне не впервой, повоюем, - хрипловатым голосом отвечала Аня. - Не зря ведь почти год учили меня на пулеметных курсах.

-Тебе-то что. А я вот совсем не могу стрелять из "Максима". Как-то в ЧОНе однажды разбирал и собирал его, но стрелять не приходилось. Ты возьми меня к себе в расчет, подучи, - просил ее Вася Прохоров.

-Ладно, Дед, подумаю, - пообещала она, направляясь на свое место в конце вагона.

Под утро прибыли в Тулу, но задержались там недолго. Город, взбудораженный прорывом Мамонтова, готовился к отпору врага. Туляки снабдили камовцев несколькими пулеметами и другим оружием.

В Орле и Курске в распоряжение Камо были выделены курсанты местных пулеметных курсов и группа кавалеристов. Так был сформирован первый партизанский отряд особого назначения. "...Тов. Камо назначается, - говорилось в постановлении Реввоенсовета от 5 сентября, - начальником всех партизанских отрядов (групп смельчаков), входящих в состав армии внутреннего фронта, причем, на тов. Камо возлагается наблюдение за тем, чтобы означенные отряды действительно выполняли партизанскую работу".

Начальником штаба отряда по рекомендации Камо был назначен его тридцатичетырехлетний боевой соратник и друг, высокий и стройный грузин Михаил Хутулашвили, вступивший в партию большевиков еще в юношеские годы - вскоре после того, как его исключили за участие в подпольной работе с последнего курса Кутаисской духовной семинарии. Как и Камо, накануне и во время первой русской революции он печатал прокламации, распространял нелегальную литературу, организовывал рабочие стачки и крестьянские бунты, как и Камо, много лет провел в заточении. Арестованный в годы реакции за участие в экспроприации денежных средств из Горийского государственного банка, он был также посажен в Метехский замок и после трехлетнего предварительного заключения приговорен к восьми годам каторжной тюрьмы, откуда освободила его только февральская революция 1917 года. Когда началась гражданская война, Хутулашвили стал комиссаром "Железного

легиона", боровшегося против белых в Астрахани и затем под Царицыным. В отряде Камо звали его Володей - такова была партийная кличка Хутулашвили, ставшая теперь его вторым именем.

Другим своим помощником Камо наметил Александра Махарадзе (Сандро), имевшего профессиональную военную подготовку. Сандро был почти на десять лет моложе Володи. До революции, будучи офицером, он вел подпольную работу среди солдат царской армии.

Партизанский отряд Камо состоял из трех пехотных рот и конной разведки. Вооружение его составляли винтовки, револьверы, ручные и станковые пулеметы, в каждой роте имелись пулеметные взводы с тачанками. Карманы и вещевые мешки у всех были заполнены ручными гранатами: за этим следил сам Камо, в партизанской борьбе «ручной артиллерии» он придавал особое значение. Ядром отряда оставались боевики, они входили во все подразделения, были назначены командирами пулеметных расчетов, разведывательных групп и так далее. Формируя отряд, Камо вместе с Махарадзе, Хутулашвили и приданными с пополнением командирами подразделений организовал усиленное обучение бойцов управлению огнем, материальной части пулемета, метанию ручных гранат, а в Курске провел даже тактические занятия.

Получив приказ штаба фронта, отряд погрузился в эшелон и ночью выехал из Курска. Поезд медленно, без огней двигался к станции Щигры. Отряду предстояло закрыть путь предполагаемого отступления мамонтовской конницы. Камо предупредил своих командиров, что с первых же минут надо быть в полной боевой готовности: возможны и диверсии, и внезапное нападение врага, запретил в вагонах громко разговаривать и курить. У распахнутых дверей расположились пулеметные расчеты. Бойцы напряженно вглядывались в ночную мглу, но ничего не видели - все пряталось в чернильной мгле. Когда чуточку забрезжил рассвет, партизаны тут и там стали замечать спущенные под откос исковерканные вагоны. Вероятно, это была работа мамонтовцев...

Около полудня эшелон подъехал к станции Щигры. Но простоял здесь недолго. По данным разведки, встречу с противником следовало ожидать в районе Касторной. Опять состав осторожно двинулся вперед.

Прибыв в Касторную, отряд по тревоге занял позицию перед станцией. Камо получил донесение, что мамонтовские войска продвигаются как раз в этом направлении. Вскоре по цепи передали,

что передовые подразделения противника показались в четырех километрах от правого фланга. Туда дополнительно перебросили пулеметы. Но противник, видимо, каким-то образом узнал о засаде и, уклонившись от боя, свернул обратно, в сторону Воронежа. Оставив Касторную, партизанский отряд начал его преследовать. Когда прошли километров пятнадцать, Камо дал отбой и сообщил, что отряду приказано погрузиться в эшелон и прибыть в Курск, в распоряжение штаба укрепленного участка.

В Курске обстановка показалась Камо тревожной. Железнодорожная станция была забита поездами, по путям, споря и ругаясь, ходили толпы гражданских и военных. Камо вместе с Махарадзе дважды ходил в штаб укрепленного участка и оба раза возвращался оттуда хмурый, недовольный. Ему чем-то не понравились штабные работники. И предчувствие не обмануло его, но об их замыслах камовцам стало известно только через несколько дней. А пока отряд Камо, в состав которого влили еще кавалерийский эскадрон, отправлялся на станцию Канарево, расположенную в двенадцати километрах южнее Курска.

Когда состав прибыл на эту станцию, здесь отчетливо слышалась артиллерийская стрельба. Где-то впереди красные бронепоезда “Черноморец” и “Коммунист” вели дуэль с бронепоездами белых. Каковы там силы врага, какова вообще тут обстановка - узнавать камовцам было не у кого. Никакой связи с другими воинскими частями отряд не имел. И Камо решил направить в тыл противнику группу кавалеристов под командованием Ани Новиковой. Но разведчикам кандидатура командира явно не понравилась.

-С ней на разведку? - открыто недоумевали иные из них. - У нас уже дочки старше нее.

А сама Аня будто и вовсе не реагировала на ворчание “бородачей”, она спокойно возилась на тачанке с пулеметом. Но окрик Махарадзе о воинской дисциплине заставил недовольных утомиться. Аня привстала на тачанке, окинула разведчиков суровым взглядом и повелительно скомандовала:

-Разведка, смирно! Слушай мою команду! За мной рысью марш!

Все повернули коней и поскакали за ней. Оставшиеся долго смотрели им вслед, пока тачанка и всадники не скрылись в клубях пыли. Смотрел и Камо, потом обернулся к бойцам и сказал:

- Молодец, девчонка! Сразу видно, храбрая, герой. Она еще покажет, как надо воевать.

Камо была известна ненависть Ани Новиковой к белякам. Она еще в шестнадцать лет добровольцем записалась в Красную Армию. Случилось это осенью 1918 года в городе Козлове Тамбовской губернии. Ее отца, активиста-комбеда, убили кулаки. И вот перед командиром военно-заградительного отряда предстала девочка-подросток в мужской одежде. Командир всячески отговаривал ее, доказывал, что ей еще не под силу воевать с врагами. Но та упрямо стояла на своем. Тогда командир поставил перед ней, как ему казалось, невыполнимое условие: пусть представит две рекомендации от членов партии и письменное согласие матери на ее уход в армию. Но не прошло и двух дней, как она принесла и рекомендации, и согласие матери, и ходатайство комитета комсомола. С большим старанием изучала Аня в отряде винтовку, материальную часть пулемета. В бою рвалась вперед и не останавливалась ни перед какими опасностями. Когда враг в районе Козлова был разгромлен, ее направили учиться на Первые московские пулеметные курсы.

Об отчаянности и смелости Ани кроме Камо знали и некоторые другие боевики, но все же беспокоились за нее. Ведь кавалеристы, которых она повела в разведку, лишь одни сутки находились в составе отряда. Но вот, наконец, по дороге к станции показались всадники. Остановив взмыленных коней, Аня лихо спрыгнула с тачанки и четко отрапортовала Камо:

- По железной дороге к станции продвигаются два бронепоезда белых. По сторонам дороги отряд конницы по сто-сто пятьдесят сабель. Примерно в десяти километрах нас атаковала казачья сотня, и мы вынуждены были отойти назад. Потерь среди наших нет...

Разведчики, возбужденные и довольные, рассказывали, что они углубились далеко в тыл противника и засекли много огневых точек. Все шло хорошо, можно было уже возвращаться обратно, но вдруг обнаружилось, что противник заметил и окружил их. Создалось критическое положение. Не уверенные в своем командире, бойцы начали давать ей разные советы. Аня вроде слушала их, а сама, пристально рассматривая местность, лихорадочно искала верное решение. Заметив вблизи небольшой лесок, она приказала кавалеристам укрыться в нем и ждать ее команды. А сама вступила в бой с противником. То и дело меняя позиции, она строчила по врагу из пулемета и затем тоже погнала коней к лесу, где ее ожидали другие разведчики. Приказав им следовать за собой, Аня перевела лошадей на галоп и, сблизившись с врагом, развернулась и дала по нему несколько

длинных очередей. Белогвардейцы бросились врассыпную. В эту образовавшуюся брешь и ринулись кавалеристы. Новикова прикрыла их пулеметным огнем. Какое-то время противник их преследовал, но кроме потерь, это ничего ему не дало.

- Хорошо, что вернулись целы и невредимы, - поблагодарил ее и кавалеристов Камо. Ему было приятно видеть, каким уважением успели проникнуться к ней разведчики.

Вскоре из-за леса показались два наших бронепоезда. Оба они имели повреждения. Командиры бронепоездов сообщили Камо, что они вынуждены прекратить бой и отбыть в Курск для устранения повреждений и пополнения запаса снарядов.

В это время на станции раздался телефонный звонок. Узнав, что звонит белогвардейский полковник, Сандро Махарадзе послал за Камо. Но тот велел поговорить с полковником самому же Сандро, выдав себя за начальника штаба красной дивизии.

- Сочиняйте, никакой дивизии у вас нет, - самодовольно рокотал в трубке голос полковника. - Вас только кучка, четыреста человек. Предлагаю сдаться. И гарантирую в этом случае жизнь. Согласны на встречу?

- Только при условии вашей капитуляции, - отвечал Махарадзе.

- Мерзавец! Хам! Обещаю повесить на первой же осине.

В ответ Сандро выпустил в трубку заряд отборной ругани и разговор на этом прекратился. Однако, осведомленность белогвардейского полковника о численности отряда заставляла задуматься...

Бронепоезда белых, не встречая ответного огня - в партизанском отряде не было ни одного орудия, - вот-вот могли вплотную подойти к станции. Камо приказал отряду отойти на правый берег реки Сейм и укрепиться там, а Ивана Новикова и Яна Абола послал к железнодорожному мосту, чтобы на всякий случай подготовить его к взрыву.

Вскоре наблюдатели, укрывшиеся на крыше вокзала, доложили, что к станции подходят два вражеских бронепоезда. Но отряд партизан успел уже развернуться вдоль леса на берегу Сейма. Новиков и Абол тем временем спешно закладывали взрывчатку под опоры моста, они видели, что вражеские бронепоезда подходят все ближе и знали, что их надо удержать любой ценой... К счастью, подъехать к мосту они не решились, но открыли по станции и по правому берегу реки бешеный артиллерийский огонь. Над лесом, над зеркальной гладью тихой, заросшей вдоль берегов камышом реки с треском взрывались

снаряды. В воздухе стоял сплошной гул. Но отряд удачно выбрал позиции, обстрел противника пока что не доставлял ему почти никаких потерь. Камо не открывал глаз от бинокля, все время смотрел в сторону Курска, ожидая появления красных бронепоездов.

Но вместо них из Курска доставили пакет. Вскрыв его и прочитав приказ штаба укрепрайона, Камо недоуменно пожал плечами: отряду было приказано оставить позиции и вернуться в Курск, моста не взрывать, ибо это, мол, может задержать продвижение красных бронепоездов, которые готовятся к выходу навстречу противнику.

Когда отряд под вечер прибыл в Курск, станция по-прежнему была забита составами. Два бронепоезда, которых партизаны с нетерпением ждали на берегу Сейма, стояли на запасных путях. Узнав, что камовцы прибыли с фронта, их забросали вопросами. Здесь никто толком не знал боевой обстановки. Ходили разные слухи, кто-то доказывал, что недалеко от Курска разобрано полотно железной дороги и городу, мол, пока ничто не угрожает. Откуда-то появилась ватага ребятишек десяти-двенадцати лет, они просили хлеба, но его не было и у партизан. Походная кухня сварила крупу-шрапнель, так называли бойцы перловку, и кашу эту все, особенно дети, ели с удовольствием.

Наступила ночь, всем хотелось спать, но никто не ложился, ждали Камо, который сразу же по приезде на станцию вместе с Махарадзе отправился в штаб укрепленного участка и все еще не вернулся оттуда. Неопределенность стала томительной и тревожной. Временами раздавались где-то одиночные выстрелы.

Около полуночи вдруг грохнул сильный взрыв. Недалеко от станции высоко в небо взметнулся факел огня, осветив, как на ладони, станционные постройки. Это угодил в бак с горючим снаряд деникинского бронепоезда. Началась страшная паника. Другой снаряд попал в санитарный поезд. В ответ открыли огонь и наши бронепоезда, но они стреляли вслепую, не видя и не зная месторасположения противника. Враг же бил прицельно, притом, не только из орудий, но и из пулеметов. Бронепоезд «Коммунист», отстреливаясь, направился к выходному пути, но на стрелке сошел с рельсов и преградил путь остальным составам. Машинисты убежали со своих готовых к отправке поездов. Сбежала и паровозная бригада эшелона партизан.

В этот момент появились Камо и Махарадзе. Боевики Аксенов, Казаринов и Донской, бывшие железнодорожные слесари, сами взялись увезти свой состав. Камо одобрил этот план. И тут же раздалась команда: «По вагонам!» Аксенов и Казаринов шли впереди паровоза и переводили стрелки. Увидевдвигающийся состав, люди кинулись к

нему. Партизаны помогали им влезть на ходу в вагоны. Набирая скорость, поезд вышел на орловскую магистраль.

Тяжело переживали камовцы это отступление. У Камо все больше крепло подозрение, хотя еще и не было точных данных, об измене. С ненавистью и гневом обрушился он, рассказывая боевикам о посещении штаба, на «предателей-золотопогонников», паникеров и трусов.

- Понимасшь, приходим в штаб, а там никого. Бумажки разные валяются. Как после погрома. Спрашиваю встречных, куда подевались работники штаба. Они тоже не знают, тоже ищут. Коменданта нет, начальника гарнизона нет, никого нет из начальства! Все убежали, сволочи!

На станции Золотухино, едва остановился поезд, Камо поспешил в штаб укрепрайона. Нарушая всякую очередность и субординацию, он буквально ворвался в кабинет начальника штаба Ляшевича, который, увидев Камо - друг друга они знали и раньше, - раздраженно вскинул брови и спросил:

- Как же это вы, Камо, бросили фронт под Курском? Ведь это дезертирство!

От такого неожиданного и незаслуженного обвинения лицо Камо покрылось ярким румянцем, около ушей запрыгали желваки, глаза, расширенные от удивления и негодования, с минуту в упор смотрели на Ляшевича.

- Что говоришь? Какой изменник, кто изменник? Почему не думаешь, когда говоришь?! Сидишь здесь и ничего не знаешь! - возмущался он, доставая из кармана присланный ему из штаба района приказ и подавая его начальнику штаба. - На, читай пожалуйста, там и твоя фамилия есть.

Ляшвич долго читал отпечатанный на машинке текст приказа и, не веря своим глазам, вопросительно смотрел на Камо. Затем он схватил со стола папку с бумагами, перелистал несколько страниц и надолго задержался взглядом на одной из них.

- Измена! Этот приказ - липа! Подлог! - выдохнул он и, извинившись перед Камо за свою горячность, продолжал: - Вы только посмотрите, вот их последняя сводка. Они в ней сообщают, что Камо самовольно оставил позицию и вернулся в Курск.

Камо прочитал донесение, покачал головой и, возвратив листок начальнику штаба, сказал:

- Вот подлюги! Но сделали умно и хитро. Вот у них нам надо учиться воевать... Поеду в ЦК, доложу, чтобы приняли меры. Вот,

представляю моих заместителей - Махарадзе и Хутулашвили. Давай им задание, можешь быть уверен, сделают как нужно.

Пока в штабе шел этот разговор, бойцы отряда разбрелись по близлежащим огородам в поиске картошки. Хотя она вся была убрана хозяевами, но кое-где в земле остались мелкие клубни. Партизаны выкапывали их штыками и офицерскими кортиками. Тут и там задымили костры с подвешенными котелками. Полсотни кавалеристов между тем были направлены под командованием Абола в разведку. Вскоре от них поступило донесение: в восьми километрах от Золотухино обнаружен батальон белых,двигающийся на крестьянских подводах. Другая группа разведчиков в десяти-двенадцати километрах обнаружила казачью сотню, остановившуюся на ночлег в деревне.

Партизанский отряд получил задание двинуться в тыл белых. Камо обо всем проинструктировал своих заместителей и, обещав, что скоро вернется, уехал в Москву. Партизаны вновь заняли свои места в вагонах. Но ехали недолго. Поезд остановился на каком-то полустанке, и последовала команда: «Выгружаться!» Порожний состав Махарадзе отправил обратно, чтобы в случае чего он не достался белым.

РЕПОРТАЖ ИЗ КАМЕРЫ СМЕРТНИКА РАСПЛАТА ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ ДРУЗЬЯМ

Баку. Ночь с 19 на 20 марта. Генерал-губернатор торопит.

По показаниям повара Али в разных районах города были арестованы восемь человек. Всех их сразу же доставили в главное управление полиции. Всем восьмерым полковник Мирзоев устроил по очереди очную ставку со «злоумышленником». И каждому, предупредив вначале об ответственности за ложные показания, задавал стереотипный вопрос: «Ответьте, когда, при каких обстоятельствах знакомились вы с этим человеком?» А арестованные, словно сговорившись, уверяли, что никогда не встречались с ним. Между тем некоторым из них Новиков был хорошо известен, но ни елейные речи полковника, ни угрозы его не могли их заставить признаться в этом. С первого же взгляда, конечно, узнал Новикова и столяр Михайловской больницы Александр Петров, один из восьмерых, чьи имена назвал на допросе повар Аги. Подпольщики считали столяра человеком надежным, и в последнее время матрос скрывался в его квартире. Неимоверных усилий стоило Петрову подавить в себе то огромное волнение, которое вспыхнуло в нем при виде зверски избитого своего постояльца, но он сумел все же сходу, без запинки промолвить

полицейским, что видит этого человека первый раз в жизни. А сам подследственный, измученный до предела, на требование следователя сознаться в знакомстве со столяром только отрицательно покачал головой. То же повторилось, когда ввели в следственную камеру свояченицу столяра Татьяну Семенову. Эта молодая женщина работала в той же больнице санитаркой и также была связана с подпольем.

День подходил к концу. Полковнику хотя и не хотелось в том признаться, но он чувствовал, что арест восьмерых и очная ставка пока ничего не дали следствию. В то же время подозрение на этих людей засело в нем основательно, ему казалось, что именно среди них находятся те двое соучастников преступления, которым удалось скрыться после взрывов бомб. И когда ему вторично позвонил генерал-губернатор, он и ему изложил эту свою не очень убедительную, но в данной обстановке вполне допустимую версию. Видимо, она устраивала и губернатора, которому нужен был хоть какой-нибудь результат. Встревоженные министры мусаватистского правительства сегодня уже неоднократно высказали ему свое «неудовольствие» тем, что в городе так вызывающе, неслыханно дерзко ведут себя большевики, что в такой трудный, критический момент им удалось сорвать переговоры с делегацией Деникина (перепуганные, озлобленные белогвардейские генералы срочно покинули Баку). Генерал-губернатор торопился быстрее покончить с весьма неприятным для него делом, примерно наказать преступников и тем самым сгладить сложившиеся о нем в высших правительственных кругах нелестное мнение.

Выслушав полковника, губернатор поспешил в полицмейстерство и выразил пожелание самолично побеседовать со злоумышленником.

Новикова вновь привели в просторный кабинет полицмейстера. Генерал посмотрел на него долгим, сверлящим взглядом и заговорил неожиданно спокойным, неторопливым, почти усыпляющим голосом. Из его слов выходило, что он весьма и весьма огорчен «неделикатным» обращением полицейских с арестованным, но что, мол, следует понять и их, ведь слепое упрямство способно вывести из себя кого угодно. Так бывает, когда люди не могут или не хотят понять друг друга, когда их поступками движет не милосердие, не любовь к ближнему, а озлобленность, ненависть и зависть. Вот и тебе, пришельцу из дальней стороны, ворковал генерал, видимо, многое непонятно в Баку, тут ведь свои обычаи и нравы, свои порядки. Народ здешний сам хочет строить свою жизнь, уважая священные права своих предков на частную собственность, почитая свои вековые традиции и религию,

своих аксакалов, людей почтенных, призванных руководить другими. Но большевики российские мешают нам в этом, щупальца красной, безбожной Москвы проникли и в Азербайджан. Вот в какую историю втянули они вас. Но мы, кавказцы, люди не злопамятные и готовы простить заблудших. Поезжайте с миром обратно туда, откуда прибыли. От тебя же для этого требуется самая малость - назвать других участников покушения и чистосердечно рассказать о тех арестованных, которых сегодня приводили сюда на очную ставку.

Но напрасно усердствовал генерал: последние слова, которые он услышал от арестованного, покидая кабинет полицмейстера, были:

- Не знаю я никого, этих людей никогда прежде не видел.

РЕЙД В ТЫЛ ВРАГА

Прорыв войсками Деникина линии фронта под Курском дезорганизовал действия частей Красной Армии и открыл врагу путь на Орел. Чтобы выиграть время для подтягивания свежих сил и организации контрнаступления, Первому партизанскому отряду было приказано отвлечь внимание противника на себя и не давать ему возможности быстро продвигаться вперед.

Перед тем, как выйти в рейд, Махарадзе и Хутулашвили собрали командиров подразделений на короткое совещание, ознакомили с обстановкой и поставили перед ними задачи.

- Самое неприятное на сегодня, - сказал Сандро напоследок, - это то, что у нас почти нет продуктов. Штаб укрепрайона ничем не смог помочь нам, а путь, сами видите, предстоит трудный и опасный. Добывать продовольствие в тылу у белых будет нелегко. Надо об этом позаботиться сейчас, немедленно. Вот в это большое село, - показал Махарадзе по карте, - направим человек тридцать переодетых конников. Пусть кулаки раскошелятся...

Командиром группы назначили Ивана Новикова. Выбор пал на него, конечно, не случайно. В отряде уже успели убедиться, что он ловок и смел, честен и бескорыстен и никогда не оставит товарища в беде. Главное же, умел при случае «поддипломатничать», в разговоре с ним порой даже трудно было понять, где в его словах правда и где выдумка, он одинаково серьезно, без тени улыбки мог говорить о том и другом.

Кавалеристы нацепили на себя кокарды, погоны, - еще на станции Золотухино, перед расставанием, Камо посоветовал захватить их на всякий случай с собой, и вот они пригодились, - и «есуал» Новиков

повел свой маленький отряд в указанное ему село, расположенное в двенадцати километрах от отряда. Махарадзе приказал Новикову вернуться как можно быстрее, в селе долго не задерживаться.

В пути матрос обсудил с бойцами план действий. Решили прежде всего зайти к священнику и попросить его собрать самых «почетных», зажиточных хозяев. В том, что они охотно помогут «освободителям», никто не сомневался.

Партизаны тем временем чистили оружие, готовили снаряжение, водили лошадей на водопой, кормили их, таская откуда-то охалками сено, сушились и грелись у костра, варили любимую картошку. Прошло уже четыре часа, как отправились конники за продовольствием, время клонилось к вечеру, а Новикова все не было. Стали тревожиться: не попали ли в какую беду, ведь при такой неразберихе, когда не знаешь, где белые и где свои, можно ожидать всего. Наконец, на дороге показалась колонна всадников. В бинокль разглядели, что впереди Ваня Новиков. Между конниками следовали подводы.

Подъехав, кавалеристы остановились у ближайшего костра. К сидящим вокруг него бойцам в сопровождении Новикова подошли три почтенных бородача в длинных поддевах и выразили желание увидеть «главного начальника». Когда Новиков показал им на приближающегося Махарадзе, мужики сняли шапки и, низко кланяясь, почти хором затараторили видимо заранее выученные слова:

- Хлеб-соль вам доставили, батюшка-начальник! Примите, не побрезгуйте. Ничего не жалко для вас, освободите только от идолов красных...

Стоявшие вокруг бойцы, слушая мужиков, которые все еще не замечали красных звездочек на их фуражках, едва сдерживались от смеха. Махарадзе явно нервничал и злился, в глазах его сверкали гневные искорки.

- А красным будете помогать? - сурово спросил он бородачей.

- Что вы, что вы, ваше высокоблагородие! Как можно? Все было спрятано для вас, вот как перед Христом-господом...

Но «высокоблагородие» огорошил их грозным окриком:

- Вон отсюда, кулачье проклятое! Расстрелять бы всех вас подлецов!

Партизаны, видя в какой переплет попали кулаки, как они, опустив голову, нервно мнут в руках шапки, дружно захохотали. Бородачи робко и пугливо начали пятиться назад и мигом куда-то исчезли. Убежали с подвод и другие восемь мужиков.

Стало темнеть, пошел проливной дождь. Промокшие до нитки партизаны, разместившись на подводах и тачанках, тронулись в путь. Двигались по проселочным дорогам, иногда прямо по убранным полям. От дождя все развезло, лошади выбивались из сил. На подводах никто не сидел, все шли пешком. То и дело приходилось останавливаться и толкать телеги, вытаскивая их из грязи. Иногда, проваливаясь в глубокую яму, тачанки переворачивались вверх колесами и валили на бок лошадей. Тогда их распрягали и под дружное «раз-два, взяли!» ставили тачанку на колеса. Всю ночь шли на ощупь, сильно измучились и еле-еле дождались рассвета. Когда тьма расстаяла, от души смеялись друг над другом: все были похожи на чертей - грязные от пят до головы.

После часового привала, во время которого раздали пайки и покормили лошадей, вновь продолжили путь. По дороге встретили восемнадцать кавалеристов-красноармейцев. Будучи в разведке, они во время отступления от Курска потеряли свою воинскую часть и теперь блуждали в ее поисках. Хутулашвили принял их в партизанский отряд. Вскоре наткнулись в лесу на трехдюймовую пушку. Свежие следы и тлеющий костер указывали на то, что тут только что были и люди. Начали их искать и вскоре нашли двух коней и пять красноармейцев-артиллеристов, которые, заметив отряд, спрятались, приняв его за белых. Они тоже потеряли свою часть и были рады вдруг очутиться среди партизан. К вечеру встретили еще девушку, медицинскую сестру. Звали ее Катей, после эвакуации раненых она возвращалась в свою часть и, не найдя ее, тоже скиталась и пряталась, боясь попасть в плен к белым. Катя для партизан была особенно ценной находкой, с ее приходом, наконец, в отряде организовали медицинский пункт.

Прошла еще одна ночь в походе. Отряд нигде не останавливался, продвигался, минуя деревни, и углубился далеко в тыл противника. Изнуренные бессонными ночами, уставшие бойцы шли, держась за повозки, и почти спали на ходу. Вдруг промчался вдоль колонны на белом скакуне Сандро Махарадзе и раздалась команда:

-Справа от дороги развернуться в цепь и приготовиться к бою!

Залегли. Приготовились. Напрягая слух, вслушивались в темноту, чтобы определить, с какой стороны грозит опасность. Откуда-то издали доносилось цоканье лошадиных подков. Потом на склоне холма партизаны рассмотрели силуэты конников. Было их примерно человек триста. В тревожном ожидании пролетело минут сорок, но враг внезапно исчез, свернув куда-то в сторону. Прозвучал «отбой». И вновь команда

- "продолжать движение!". Но больше половины бойцов осталось лежать на месте: уткнувшись в землю головой, они заснули крепким сном. Командирам кое-как удалось их поднять. Когда достигли опушки леса, отряд получил длительный отдых.

После начались боевые дела: выслеживали противника, производили ночные налеты, почти непрерывно завязывали бои с казачьими разведками. А однажды захватили в плен сразу четырнадцать офицеров.

Произошло это так. Ян Абол с группой разведчиков ехал в разъезде. Местность была открытая, ровная. Впереди показался лесок. Следовало проверить, нет ли там чего подозрительного. Трое на рысях направились к лесу и скрылись в нем, но один из них вскоре появился на опушке и взмахом руки подал сигнал разъезду. Когда все подъехали к нему, увидели, что это вовсе не лес, а лишь узенькая полоска деревьев, вытянувшаяся вдоль крутого спуска в ложину. Внизу между кустами извивалась топкая дорога. По ней осторожно, обходя вязкие места, двигалась группа всадников. Разведчики насчитали четырнадцать человек. Они были в кожаных фуражках, без каких-либо знаков различия. Разведчики, посоветовавшись, решили задержать их.

-А вдруг это красные? - усомнился кто-то.

Но проверить их все-таки следовало. Расстояние до всадников было небольшое, и Абол крикнул:

-Кто вы?

-А вы кто? - донеслось в ответ из ложины.

-Мы свои.

-И мы свои.

Одного из разведчиков Абол послал на дорогу, чтобы выстрелом из револьвера просигналить отряду о встрече разъезда с неизвестной группой военных и, повернувшись к своему заместителю Новикову, сказал:

-Ваня, ты с ребятами остановись шагах в двадцати, а я подъеду к ним. Оружие держи наготове, в случае чего стреляй без сигнала. А там и наши подоспеют. Ну, с Богом, что ли, - засмеялся Ян и тронул коня.

В тот же миг раздался выстрел на дороге.

Абол приблизился к всадникам.

-Здравствуйте, господа! - приложил он руку к козырьку. - С кем имею честь встретиться?

Новиков и оставшиеся с ним бойцы заметили, как просветлели лица неизвестных. Они что-то говорили Яну и, доставая какие-то

бумаги, протягивали их ему. Абол, читая их, часто клал руку на кобур, будто поправляя ее и, возвращая бумаги их владельцам, почтительно козырнул. Тем временем к группе Новикова приближались бойцы отряда во главе с Сандро. Всадники забеспокоились. Но Ян, что-то сказав, успокоил их, и когда свои подъехали вплотную, радостно засмеялся.

-Товарищ командир! - начал он докладывать Махарадзе. - Нами задержаны...

-О-го-го! - не дослушав рапорта, воскликнул Сандро. Он удивленно рассматривал задержанных, на его лице сияло неподдельное торжество. - Да ведь это старые знакомые. Вот так встреча! Не ожидали, господа офицеры?

Всадники, вероятно, тоже узнали Махарадзе, они опустили глаза и молчали. А возбужденный Сандро, повернувшись к разведчикам, продолжал:

-Да вы, ребята, знаете, каких птичек поймали? Знаете, кто они такие? Вот слушайте, представляю их: начальник Курского боевого участка, начальник гарнизона, комендант Курска. Остальные - их помощники и советчики. Словом, красивый букет с вонючим запахом. Все они изменники, они и сдали город белым.

-У-у, гады! - зашумели партизаны. - Вздернуть бы их тут же...

-Нельзя. Мы не бандиты, - остановил их Сандро. - Да и для ЧК, наверно, эти гуси будут весьма нужны.

При обыске у предателей нашли важные оперативные документы, из седельных подсумков извлекли много золота и драгоценных камней. В тот же день Махарадзе выделил сильный конвой и отправил изменников в Орел. Партизанам в качестве трофеев досталось четырнадцать великолепных коней, которыми они заменили упряжки тачанок.

Отряд постоянно находился в движении. Узнав, что в каком-либо селе остановились на ночлег белые, партизаны внезапно обрушивались на них и так же внезапно исчезали. Словом, поставленную командованием задачу - отвлекать внимание противника на себя - они выполняли успешно.

В один из последних дней сентября отряд приближался к Малоархангельску. Разведка выяснила, что в городе полное безвластие, советские и партийные учреждения эвакуированы, на улицах тихо и безлюдно, лавочники, купцы, мещане, гимназисты с нетерпением ждут белогвардейцев, по городу упорно ползут слухи о приближении деникинской армии. Посоветовавшись с командирами, Махарадзе

принял решение: отряд войдет в Малоархангельск под видом белых. И приказал всем нацепить погоны и кокарды.

Первым вступил в город кавалерийский эскадрон. К зданию уездного исполкома, где он остановился, начали подходить ребяташки, а затем и осмелевшие взрослые. В кабинете председателя исполкома, развалившись в кресле, "господин полковник" - это был Махарадзе - принимал делегацию именитых граждан Малоархангельска. Срывающимися от волнения голосами, слащаво улыбаясь, они заверяли "его превосходительство" в том, что горожане окажут «доблестным освободителям» самый теплый прием и всяческие почести. Отпустив делегатов, полковник распорядился о вступлении отряда в город.

И вскоре на окраине Малоархангельска показалась колонна войск. Отбивая шаг, держа строгое равнение в рядах, шли взводы, роты, на некотором удалении от них следовали тачанки, обоз. Над городом стоял перезвон церковных колоколов. У домов, утопающих в зелени садов, группами стояли люди и молча глазели на проходящую колонну. На солдатских штыках, офицерских погонах багрянцем сверкали блики вечернего солнца. По мере приближения отряда к центральной площади города толпы зевак становились гуще, все чаще слышались приветственные возгласы в честь "освободителей". Когда колонна сравнялась с наспех сколоченной трибуной, раздалась команда:

-По-о-olk... стой! Нале-е-во! Смир-р-но!

На трибуне, восхваляя отвагу господ-офицеров и понося комиссаров-большевиков, уже ораторствовал какой-то солидный господин во фраке. Его сменил бородатый купчина. Он тоже благодарил "избавителей" и обещал от имени торговцев города "по-христиански поделиться с доблестными воинами всем, что есть в лавках". В ответ солдаты громко гаркнули "ура".

После того, как кончились приветствия и господину полковнику поднесли на расшитых полотенцах хлеб-соль, отряд взвод за взводом, сопровождаемый ватагой малоархангельских мальчишек, направился к большому зданию почты, отведенному под квартиру для солдат и низших чинов. Вскоре городские богатеи натащили сюда целую гору продуктов - хлеба, сала, мяса, яиц, пирогов и всякой другой снеди. Господ офицеров в отведенных для ночлега лучших домах ожидали богато сервированные столы. Удивляло горожан лишь одно - их исключительная скромность и равнодушие к винам и закуске. Сами же офицеры объясняли свою сдержанность к выпивке тем, что у них уйма дел.

И верно, забот у командования хватало. Штаб полка развернул бурную деятельность. К господину полковнику и его помощникам началось настоящее паломничество: городская знать приходила согласовывать вопросы о составе земской управы, выборе городского головы, купцы и спекулянты предлагали свои услуги в разного рода коммерческих делах, развертывании торговли.

Не было недостатка в посетителях и в кабинете начальника контрразведки. Здесь проводилась регистрация бывших советских служащих, не успевших покинуть город. Забегали и доносчики, предлагая арестовать того или иного сочувствующего большевикам. В соседней комнате проводилась запись добровольцев. Появились тут и белые офицеры, затаившиеся до поры до времени в подполье или пробирающиеся к генералу Деникину, и безусые гимназисты, готовые верой и правдой служить царю и Отечеству. Всех их брали на учет, адреса записывали, а самих "до особого приглашения в ближайшее время" отпускали обратно. Всю ночь из подъезда штаба выходили группы солдат и во главе с офицерами расходились по городу. То и дело прибывали к штабу и уходили куда-то обратно конные рассыльные, солдаты приводили каких-то арестованных граждан.

Командование отряда понимало, что в город в любое время могут нагрянуть белые. Поэтому по разным направлениям были отправлены группы конных разведчиков, а к югу от Малоархангельска выставлены засады.

Одна из застав под командованием Ани Новиковой заняла позицию в шести километрах от города. В ней было человек тридцать кавалеристов, пулеметный расчет. Из камовцев-боевиков кроме Васи Прохорова и Ивана Шулепова в состав заставы входил Иван Новиков. Разместились на опушке тронутого красками осени лесочка вблизи небольшой деревни. День был теплый, солнечный, вокруг стояла сказочная тишина, казалось, в мире нет никакой войны. Деревенские жители встретили партизан радушно, накормили горячим обедом.

Примерно в километре от лесной опушки проходила проселочная дорога. Наблюдателям, сидевшим на деревьях, Аня приказала следить за ней особенно внимательно, - дорога эта вела в город. Не прошло после обеда и часа, как один из наблюдателей доложил, что он видит на дороге не менее двух рот пехоты и конный обоз. Свои ли это или враги - приходилось лишь догадываться, до колонны было километра четыре.

- Не видишь ли погон? - крикнула Аня наблюдателю.

- Не могу разобрать. Кажись, нету.

Аня подозвала к себе Новикова и Прохорова. Посоветовавшись, решили: идут, наверное, свои, но надо выяснить это до конца.

-Пойдите им навстречу, - сказала Аня. - Узнайте, какая это часть и куда движется.

Матрос и Прохоров бодро зашагали через поле к дороге. В колонне, вероятно, тоже заметили их, от нее отделились несколько кавалеристов и направились к ним. Когда между партизанами и конниками осталось метров семьдесят, Иван Новиков закричал:

-Эй, братушки, куда топаете?

И в тот миг оба поняли, что перед ними - белые. Пришпорив коней и грязно выругавшись, те выхватили из ножен сабли и приготовились ринуться на них. Но матрос уже успел выхватить левой рукой маузер, а правой - гранату. То же самое сделал Прохоров. Не ожидавшие такого сопротивления, казаки шарахнулись в сторону и поскакали обратно к колонне. Иван и Вася бросились к опушке. Сзади них затрещали выстрелы, но они благополучно добежали до леса и залегли в канаве.

Развернувшись в цепь, вражеские солдаты начали перебежками продвигаться к опушке. Застава открыла по ним огонь, заработал пулемет Ани Новиковой. Стреляла она длинными очередями, не давая залегшему в поле противнику подняться с земли. И вдруг пулемет умолк.

-Дед, ленту давай! - кричала Аня.

Вася Прохоров, паливший рядом с Иваном Новиковым из винтовки по врагу, пополз к пулемету. Сзади Ани, глядя в небо, с застывшими глазами, лежал убитый наповал второй номер, Иван Шулепов. Очевидно, враг уже засек пулемет партизан и обрушил на него яростный огонь. С самого начала боя было видно, что силы белых многократно превосходят силы партизан. Правда, лобовая атака у них захлебнулась, но они начали обходить заставу с фланга. Когда доложили об этом Ане, она распорядилась:

-Всем отходить через лес! Мы с Дедом прикроем! А ты, Ваня, скачи во весь дух в город, в штаб.

Матрос, видя какой опасности подвергает себя Аня, пытался было возразить ей, но она решительно отрезала:

-Кто тут командир? Главное сейчас - предупредить своих.

Вновь заговорил пулемет. Ане некогда было оглянуться назад и посмотреть, отошла застава или нет. Не видела она и того, как помчался на коне вдоль опушки, не обращая внимания на свистящие вокруг пули, Иван Новиков.

Пулеметчики сосредоточили теперь огонь по солдатам, которые пытались обходить их с фланга. Было видно, как цепь противника залегла, а затем начала, оставляя раненых и убитых, пятиться назад. Но и пулемет стал умолкать все чаще, перегрелся кожух ствола, а воды не было. Солдаты противника, подгоняемые офицерами, вновь поднялись для атаки. Аня заложила последнюю ленту и била теперь короткими очередями. Тут вражеская пуля содрала у нее кожу на голове, и кровь начала заливать глаза. Но она продолжала стрелять, пока не ранило ее вторично.

Цепи белых приближались. Опираясь друг на друга, волоча за собой пулемет, Дед и Иван Иванович отходили в лес. Шея, волосы, лицо и гимнастерка у Ани были залиты кровью. Пробираясь через лес, они совсем выбились из сил. На поляне наткнулись на брошенную подводу. Но вскоре нарвались на преследующих их вражеских солдат и спаслись только чудом.

...Когда Иван Новиков, доложив в штабе отряда о нападении противника на засаду, с группой кавалеристов вернулся обратно к месту боя, был уже вечер. Они прочесали весь лес, прилегающий к нему район и наткнулись в овраге на истекающую кровью, потерявшую сознание Аню. А Васю Прохорова, как ни искали, найти не удалось. Как выяснилось позже, он лежал в это время в поле с простреленными ногами и был без сознания. К ночи он пришел в себя и дополз до деревни. Крестьяне перевязали ему раны, покормили, отвезли его в Малоархангельск и сдали там в больницу.

На рассвете сюда пришел за ним Новиков: раненых приказано было эвакуировать из города. А Аня, как ее не уговаривали, лечь в больницу отказалась. Голова у нее была вся забинтована, от потери крови она сильно ослабла, но раны оказались не опасными и Махарадзе разрешил ей остаться в строю.

Бой на заставе послужил партизанам сигналом для прекращения "игры в белых". Враг стягивал к городу крупные силы и принимать с ними бой в Малоархангельске отряду было невыгодно.

Рано утром подразделения партизан вновь выстроились на площади. Собралась сюда и вся городская знать. Пришли взятые накануне на учет белые офицеры, записавшиеся добровольцами горожане и просто любопытные. Члены земской управы заняли места перед трибуной. К ним вплотную примыкала толпа горожан, ожидавших чего-то необычного и торжественного. Вот на трибуну поднялся полковник и, обводя глазами строй солдат, взмахнул

рукой. В ту же секунду на крыше здания почты запылало красное знамя, и весь отряд в едином порыве громко зашел:

Вставай, проклятьем заклейменный,

Весь мир голодных и рабов!

Толпа вначале замерла в растерянности и страхе, а затем бросилась врассыпную. Офицеров, доносчиков и добровольцев окружил взвод партизан. Добровольцев припугнули и распустили, а пятьдесят человек отряд, покидая город, захватил с собой, чтобы затем доставить в Орел. Партизаны уходили из Малоархангельска с новыми тачанками, откормленными лошадьми, солидным запасом продовольствия. Операцию с перевоплощением из красных в белые отряд провел превосходно. Город остался уже позади, а бойцы все еще обсуждали разные казусы своей "белогвардейской службы".

В восьми километрах от Малоархангельска, в селе Александровское, отряд остановился на привал. Жители - в основном, это были женщины, старики и дети - собирались вокруг партизан, сетовали на жизнь и укоряли бойцов: "Куда бежите? Опять царь и помещики, что ли?"

От полевой кухни распространялся, возбуждая аппетит, приятный запах гречневой каши. Бойцы подкрепились, угощали сельских мальчишек.

После обеда отряд намеревался часок отдохнуть, но не пришлось. Прискакали на взмыленных конях разведчики с донесением: в Малоархангельск вошли крупные силы вражеской кавалерии, пехоты и, не задержавшись в городе, продолжают двигаться по шоссе по дороге в сторону села Александровское.

Махарадзе и Хутулашвили срочно вызвали командиров в штаб. Все единодушно высказались за то, чтобы дать тут врагу бой. Местность благоприятствовала партизанам, село раскинулось на возвышенности, и подступы к ней просматривались, как на ладони. Решили устроить противнику засаду. За околицей, близ ветряной мельницы, по обеим сторонам дороги замаскировали пулеметы.

Узнав о предстоящей операции, прибежала в штаб и Аня Новикова. Она ругалась, что ее не включают в пулеметный расчет, доказывала, что вполне здорова и умоляла Сандро разрешить ей участвовать в бою. И Махарадзе вынужден был уступить. Аня обвязала белые бинты на голове черной тряпкой и заняла место у пулемета. Единственную пушку свою партизаны установили на деревенском кладбище, кавалерию и пехоту сосредоточили на противоположном конце села. План боя был рассчитан на внезапный удар. Сандро пригрозил: если

кто откроет огонь без сигнала, будет расстрелян, как предатель.

В тревожном ожидании медленно тянулись минуты. Наконец, из-за холма показалась голова вражеской колонны. Вероятно, это был полк. И на счастье партизан, двигался он без разъездов и разведки: противник, вероятно, предполагал, что Александровское находится в полосе тыла. Полк шел по-ротно, не подозревая о засаде. Расстояние до группы офицеров, едущих впереди колонны, все сокращалось. Пулеметчики уже отчетливо видели их лица, а Махарадзе все еще выжидал. Первые номера с беспокойством оглядывались в сторону мельницы, пальцы их помимо воли были готовы нажать на гашетку. Когда до колонны осталось метров семьдесят, Сандро выбежал на дорогу и во весь голос крикнул:

-О-о-гоо-нь!

Разом ударили пулеметы, ухнула пушка, и все потонуло в сплошном гуле. Партизаны били и по голове, и по середине, и по хвосту колонны. Люди, кони падали снопами, задние напирали на передних.

Партизаны выкатили пулеметы на дорогу и почти в упор открыли огонь по врагу. Огонь продолжался до тех пор, пока к пулеметчикам не подкатили тачанки и ездовые, лихо развернув коней, не крикнули:

-Отходим! Ставьте пулеметы!

Замешательство белых, потерявших за короткий миг три четверти полка, было столь огромно, что они не сумели оказать партизанам почти никакого сопротивления. И только когда отряд стал отходить, начала бить вражеская артиллерия, а кавалерия пыталась заехать с флангов и отрезать партизанам путь. Всю ночь продолжалось это безуспешное преследование, но партизанские пулеметы держали преследующих на почтительном расстоянии.

К утру отряду предстояло пройти еще через одно большое село. Попавшиеся навстречу местные жители сообщили, что в нем находятся пехота и кавалерия белых численностью до шестисот человек. Партизаны, намереваясь разгромить их внезапным ударом, сходу ворвались в село, но никого там не застали.

Белые, оказывается, ушли за час до прихода отряда. Напуганные до смерти жители жаловались:

-Что же это делается? То тебе белые, то красные, а то еще пожалуют зеленые. Всем подавай еды, накорми лошадей. Когда же это кончится?

Но партизаны ничего не требовали, малоархангельские "отцы города" щедро снабдили их всем необходимым. Отдохнув несколько часов, отряд вновь тронулся в путь. Было решено

прорваться через линию фронта и соединиться с частями Красной Армии. Сделали несколько попыток нащупать слабое место в позициях противника, но всюду наталкивались на крупные силы. Наконец, все же обнаружили уязвимое место и проскочили перед самым носом врага, не понеся потерь. Но в нейтральной зоне чуть было не напоролись на неприятность: красноармейцы приняли партизан за белых и едва не открыли огонь по ним. Лишь на несколько секунд опередила их партизанская конница, которая помчалась, размахивая над головой белыми платками, к передней линии своих.

Скоро отряд прибыл в Орел. Туда же приехал Камо. Он привез распоряжение, что ввиду благоприятных перемен на фронте партизанский отряд расформируется, а боевая группа Камо отзывается в Москву.

В Орле на железнодорожных путях стоял поезд командующего армией. Командование отряда вместе с Камо отправилось в штаб. Вернулись оттуда все очень радостными и возбужденными. Там им сообщили, что в бою под селом Александровское партизаны разгромили Алексеевский офицерский полк. Им зачитали перехваченное штабом донесение белых, в котором говорилось: "Около деревни Александровка встречено сильное сопротивление противника. Алексеевский офицерский полк разбит".

-Ну, вот и нашлись они, герои, - сказал командующий армией. - А мы-то, перехватив это донесение, все ломаем голову, кто же это так крепко побил Алексеевский полк.

Все партизанские пулеметчики были награждены именными часами с надписью "За доблесть и проявленную храбрость от Реввоенсовета Республики". А Аню Новикovu представили к ордену Боевого Красного Знамени. Всем бойцам отряда объявлялась благодарность:

РЕПОРТАЖ ИЗ КАМЕРЫ СМЕРТНИКА РАСПЛАТА ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ ДРУЗЬЯМ

**20 марта. Баиловская тюрьма.
Злоумышленников стало больше.**

Прощаясь с полицмейстером, генерал-губернатор распорядился отправить Новикова в Баиловскую тюрьму, поместить в одиночную камеру и продолжать там допрашивать до самого утра, не давая ни есть, ни пить, ни спать. И в то же время готовить материалы для предания преступника военно-полевому суду.

Сотрудники следственного отдела главного управления полиции города Баку в точности выполняли указания генерал-губернатора. Они допрашивали Новикова всю ночь. Но он, как и прежде, стоял на своем: в Баку у него нет никаких знакомых, бомбы на генералов бросал один. В тюрьму были доставлены и арестованные по показаниям повара Аги. И некоторых из них ночью вновь приводили к допрашиваемому на очную ставку. Особенно долго продержали полицейские в следственной комнате двух молодых грузин, рабочих парней Григория Джапаридзе и Лаврентия Джакия. Больничный повар был прав, считая их участниками подпольного движения и предполагая, что они имеют какие-то связи с Новиковым. А полиция, видимо, подозревала их в покушении на жизнь господ-делегатов. Ведь все очевидцы диверсии в своих показаниях подтверждали, что нападавших было трое. Поэтому так упорно и требовали следователи от “злоумышленника” признать в этих двух молодых грузинах соучастников преступления. Упорное отрицание Новикова, его неоднократно повторяемое “я их не знаю” приводило к тому, что следователи теряли самообладание и с яростью набрасывались на него. Вzbешенные его стойкостью, они подвергали матроса изощренным, бесчеловечным пыткам.

Поздно вечером полицмейстер Мирзоев доложил генерал-губернатору о том, что подследственный продолжает упорствовать и упрямо отказывается отвечать на вопросы. Конечно, сообщение это было не из приятных для генерала, ему не оставалось ничего другого, как принять его к сведению и задать себе вопрос: есть ли вообще какие-то шансы на то, что следствие сумеет за короткий срок полностью прояснить обстоятельства совершенного преступления и подвергнуть виновников примерному наказанию? Ждать хотя бы несколько дней генерал считал невозможным: угодничающее перед Деникиным мусаватистское правительство требовало от него срочного завершения “неприятного инцидента”.

Он позвал в кабинет адъютанта.

-Я сейчас вам продиктую кое-что, а вы затем все это отдайте без промедления на переписку и сразу же направьте в военно-полевой суд. Итак, вы готовы? Тогда записывайте: “1920 года марта 19 дня. Гор. Баку. Я, военный Генерал-Губернатор Бакинского укрепленного района, усматриваю из дознания, произведенного по делу о покушении на жизнь господ Делегатов Великого круга Дона, Терека и Кубани-Зозули, Бигаева и Ковалева путем двукратного взрыва снарядов, начиненных сильно взрывчатым веществом, имевшего место сего 19 марта в 12 часов дня на Набережной улице у подъезда квартиры

Военного Министра Республики, что на именующего себя Филиппом Финогеновичем Новиковым, а также Григория Давидовича Джапаридзе и Лаврентия Степановича Джакия падает обвинение в совершении означенного преступления. На основании постановления Комитета Государственной Обороны республики от 11 июня 1919 года постановляю: названных именующего себя Филиппом Финогеновичем Новиковым, Григория Давидовича Джапаридзе и Лаврентия Степановича Джакия предать военно-полевому суду для осуждения их по законам военного времени с применением последствий, предусмотренных 279 ст. кн.22 свода Военн. Постановлений 1869 года”.

И СНОВА В ПУТЬ.

Вернувшись в Москву, боевики вновь разместились в доме на Садовой-Каретной и стали спешно готовиться к новому заданию.

Теперь их было только семнадцать человек: Камо оставил в отряде лишь самых надежных и проверенных. Месяц, проведенный на фронте - бессонные ночи, изнурительные походы и бои, - спаял их крепкой дружбой, взаимным доверием. Ребята, как на подбор статные, молодые, подтянутые, готовые всегда и во всем прийти на помощь друг другу, особенно заботливо и по-братски нежно относились к девушкам. Эти отношения были удивительно чистыми, ровными и взаимными. Камо придавал им исключительно важное значение, он считал, что при выполнении опасного задания во вражеском подполье между мужчинами и женщинами не должно быть иных отношений, кроме чисто товарищеских, и требовал от бойцов отряда строгого соблюдения этого принципа. В то же время, как выяснилось позже, он прекрасно понимал, что молодость и любовь неразделимы, что лишать человека подлинных чувств, истинной любви - жестоко и противоестественно.

Девушек среди боевиков было три: Аня Новикова, Ася Папьян, и одна новенькая, принятая в отряд по рекомендации ЦК комсомола после приезда из Орла. Прежде чем зачислить ее в отряд, Камо беседовал с ней дважды.

Звали эту девушку-москвичку Анной Литвейко. Как и у других боевиков, у нее было трудное детство и суровая юность. Мать, работница прачечной, одна содержала многодетную семью. В двенадцать лет, окончив три класса начальной школы, Аня поступила на фабрику. Рабочий коллектив и явился для нее начальной школой жизни, школой воспитания. В начале

февральской революции ее избрали в фабричный комитет. Она активно выполняла различные поручения Краснопресненского райкома по созданию организаций Союза рабочей молодежи. В дни вооруженного восстания в Москве участвовала в стычках с врагами революции, перевязывала раненых, а в 1918 году в составе красногвардейского отряда, когда ее зачислили санитаркой, отправилась на фронт. После, вернувшись в Москву, Литвейко стала одной из активных работниц Союза рабочей молодежи в своем районе, организовала курсы всеобща и сама тоже обучалась там, являясь командиром отделения девушек.

Навсегда запомнилась ей первая встреча с боевиками. Когда она подошла по указанному Камо адресу - в особняк на Садово-Каретной и, постучавшись, вошла в одну из комнат, там сидело трое мужчин. Какой-то миг они молча смотрели на вошедшую - хрупкую, изящную блондинку среднего роста, потом один из них, высокий, сутуловатый, поднявшись из-за стола, подошел к ней и спросил:

-Аня Литвейко? Командир нам говорил о вас. Его сейчас нет, но скоро, наверное, будет.

Сам он назвался Аболем. Потом подошли двое других.

-Новиков, - сказал широкоплечий маторс с обветренным лицом.

-Казаринов, - представился третий.

Абол, посмотрев на чемодан, который Аня все еще держала в руках, предложил отнести его в комнату девушек. Когда она вернулась обратно, в комнате прибавился еще один боевик - стройный, очень молодой на вид, с румянцем на щеках красноармеец. Он с увлечением что-то рассказывал Новикову и Казаринову, вероятно, говорил о чем-то забавном, потому что те двое от души смеялись. Абол подвел девушку к красноармейцу и сказал ему:

-Вот, Иван Иванович, в нашем полку пополнение. Знакомься, ее зовут Аня Литвейко. Только смотри не влюбись.

"Иван Иванович", осмотрев девушку любопытным и оценивающим взглядом, рассмеялся чистым звонким голосом и продолжила прерванный рассказ. Говорила она о каком-то смешном боевом эпизоде. А Литвейко подумала, что этот молодой солдат, наверное, только недавно вернулся с фронта. Вскоре в комнату вошла молоденькая девушка со смуглым красивым лицом, и красноармеец представил ее Ане:

-Это наша Ася, Ася Папьян.

Потом девушки пошли к себе в спальню. Увидев, что вместе с ними вошел туда и Иван Иванович, Аня с удивлением спросила Асю:

-Разве в отряде нас только две девушки?

Догадавшись, что Литвейко принимает "Ивана Ивановича" за парня, подруги долго хохотали.

В Москве Камо вновь возобновил занятия. Каждый боевик должен был научиться изготавливать и бросать бомбы весом от двух до шестнадцати фунтов. Для этой цели в домик, расположенный в глубине сада, откуда-то привезли динамит. Обучал боевиков седой инженер-химик. Через неделю все научились обращаться с гремучей ртутью в стеклянных трубочках - это было самым опасным делом - и запросто начиняли любую бомбу. Конструкцию таких бомб подпольщики разработали еще в 1905 году. Немного дней заняли и тренировки по их метанию. Затем Камо провел последнее занятие, во время которого проверил умение боевиков безошибочно выбрать бомбу нужной силы для разрушения построек разного типа и ловко, точно поражать цель.

В тот же день перед вечером Камо собрал всю группу в общежитии и сообщил, что пора позаботиться об одежде, обуви и прочих вещах, без которых нельзя появляться в приличном виде в городах, занятых белыми. Для каждого составили список необходимых предметов. И чего только не было среди них: костюмы, пальто, шубы, платья, лаковые ботинки, шляпы, манишки, запонки, трости, галстуки, различные принадлежности туалета, духи и многое другое. А для коротко подстриженных двух Ань - Новиковой и Литвейко - понадобились еще и парики. Камо сказал: "Кто они - мужчины или женщины? Разве порядочные барышни носят такие волосы?" И все это на другой день было доставлено в общежитие. Камо внимательно посмотрел привезенные вещи и остался доволен, правда, обнаружил и некоторые промахи, не было, например, ни одной пары очков, но не прошло и двух часов, как перед ним лежала их целая шкатулка.

Гардероб каждого боевика Камо подбирал сам.

Когда нарядились в новую "буржуйскую" одежду, ребята не узнавали друг друга. В этом непривычном наряде они чувствовали себя стесненно и неловко, он сковывал их движения, высокие твердые воротники резали шею, накрахмаленные груди сорочек упирались в горло. Ивану Новикову достались черный костюм, шуба с меховым воротником, утепленная кепка. Ничего похожего, конечно, прежде он не носил, ему, как и многим другим боевикам, простая рабочая одежда или военная форма казалась куда удобней. Жаль было матросу расстаться с бушлатом, брюками клеш, но, ничего не поделаешь, пришлось. А тельняшку он все-таки не снял, костюм надел прямо

поверх, да и к шубе привыкал долго, ходил в ней расстегнутым нараспашку.

Девушкам новые наряды понравились больше. Они стали в них еще стройнее и привлекательнее. Элегантные платья, туфельки, модные шляпы и шубы превратили их, как говорили ребята, в "писаных красавиц". Но и они обживались с обновкой не сразу, подолгу и придирчиво рассматривали себя в зеркало, то и дело забежали в комнату к ребятам и спрашивали: похожи ли на настоящих "барышень-буржуек"? А ребята, "убитые наповал", охали да ахали и подшучивали над Аней Новиковой:

- Был человек, был бравый солдат Иван Иванович и не стало его, поменял себя на несчастную буржуйку.

- Что там толковать, - соглашалась Аня. - И в кого только превратил нас Камо? Разве это одежда? Сплошное неудобство! Все равно никто не примет меня за барышню.

И верно, ни размашистая походка ее, ни угловатые манеры и тем более не очень-то изысканная речь - при случае она могла даже выругаться не хуже мужчины - никак не вязались с новыми ее нарядами. Правда, это относилось и к другим боевикам. Поэтому Камо пришлось проводить с ними специальные занятия о правилах хорошего тона в "приличном" обществе, о том, как нужно держать себя среди "порядочной" публики, как легко и изящно носить одежду, как наводить на себя лоск, пользуясь гримом, и тому подобное. Для девушек он притащил откуда-то книгу "Элегантная женщина" и посоветовал им вызубрить все содержащиеся в ней советы.

Чтобы привыкнуть к новому облику, боевики нередко прогуливались по улицам города. Своим подчеркнуто пристойным видом и степенными манерами они резко отличались от прохожих. Часто вслед им неслись злобные реплики и даже угрозы:

- Ишь ты, сволочь буржуйская, все еще на свободе. Вот ведь, гады, как разгуливают!

Бывали случаи, когда боевиков задерживали патруль и милиция, и тогда приходилось вмешиваться и выручать их самому Камо. Так прошли после возвращения из Орла две с половиной недели. Наступил последний день сборов. Камо ознакомил каждого из боевиков с его новой биографией-легендой. Иным из них поменяли имена, другим - фамилию, третьим - отчество, а некоторым - и то и другое. Роман Аксенов, например, в новом паспорте был записан Разиным, Анна Литвейко - Моравской, Иван Новиков отныне стал уроженцем города Карачева Орловской губернии. Фамилия у него осталась своя же, а

имя и отчество были другие, новые - Филипп Финогенович. В паспортах значилось, что они выданы и прописаны в Тифлисе или в каких-либо других городах. Отныне "новокрещенным" следовало обращаться друг к другу только по новым именам или присвоенным в отряде кличкам. Камо еще раз напомнил членам группы о своем строжайшем требовании - абсолютное подчинение и никаких дискуссий, непременно соблюдать в тылу врага сухой закон, избегать каких-либо сомнительных встреч с женщинами, не играть в карты. Он заставил боевиков еще раз проверить личные вещи, чтобы не оказалось в них ничего лишнего и случайного.

И вот двенадцатого октября камовцы выехали из Москвы. Дали им отдельный вагон. Перед самой отправкой поезда боевой группе доставили тщательно упакованный ценный груз - много золотых монет, бумажных ассигнаций царских времен ("николаевки"), золотые портсигары, часы, кольца, бриллианты, браслеты, большое количество огнестрельного оружия, патронов, динамита.

Несмотря на то, что везли с собой такое богатство, питались в пути очень скромно. Камо сразу же предупредил, что средства эти следует хранить бережно, доставить их по назначению и использовать только на дело. А на какое дело и где, куда они едут - все это Камо хранил в тайне, говорил лишь, что путь предстоит долгий. В остальном же он среди боевиков ничем не выделялся, со всеми держался просто и всех называл на "ты". Так же обращались члены группы к нему. О том, что направляются они куда-то на юг, камовцы догадались, лишь подъезжая к Саратову. Еще издали увидев Волгу, Новиков, обрадованный и взволнованный, сообщил товарищам, что запахло родными местами, что он тут чувствует себя почти как дома.

На девятый день пути группа прибыла в Астрахань. Здесь ее встретил председатель Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта Сергей Миронович Киров. Он заранее был оповещен о предстоящем приезде, и ждал их еще месяц назад, но внезапная отправка отряда на фронт перепутала сроки. Зная, какая работа предстоит группе в тылу врага, Сергей Миронович пожелал ознакомиться с ее боеспособностью. На четырех легковых автомобилях боевики выехали за город и провели там пробные испытания бомб. Впечатление от них у Кирова осталось хорошее.

Теперь боевиков ожидал самый сложный и трудный участок пути - от Астрахани по Каспийскому морю, который контролировали деникинские военные суда, добраться в Баку, где в то время хозяйничало буржуазное мусаватистское правительство. При

активном содействии С.М.Кирова камовцы за короткий срок подготовили все необходимое для опасного путешествия. Подыскав большую рыбацкую шхуну с двойным бортом, они погрузили в нее ценности, предназначенные для передачи Кавказскому краевому комитету партии, и оружие для бакинского подполья. В экипаж "Гурьевки" - так назывался парусник боевиков - Камо подобрал мужественных, опытных и преданных моряков.

Лодка, в трюме которой разместились камовцы, стояла, уже готовая выйти в море. Но тут случилось непредвиденное. Аксенов, доставивший вечером из города на баркасе продовольствие и пресную воду, почувствовал усталость и отправился отдыхать - матросы в это время перетаскивали привезенный груз в трюм. Лежавший под подушкой австрийский маузер давил ему на висок, и он едва протянул руку, чтобы переложить его на стоявший рядом чемодан, как грохнул выстрел.

Тут же вскочил на ноги лежавший рядом Иван Новиков, пуля задела его за левую руку выше локтя, а рядом корчился и стонал от боли, ухватившись за живот, Щетинников. С палубы прибежал Камо. Потерявшего сознание Щетинникова пришлось отправить на баркасе в госпиталь. Новикову сделали перевязку, рана оказалась легкой, и он остался на борту.

Хотя Камо ни словом не упрекнул Аксенова за оплошность, зная, что Щетинников был его близким другом еще по кремлевским пулеметным курсам, но этот нечаянный выстрел (маузер не был поставлен на предохранитель) на всех подействовал удручающе и на несколько часов задержал шхуну на рейде.

Тихим и ясным вечером шестого ноября "Гурьевка" подняла паруса и ветер погнал ее в сторону моря. Волга тут, у устья, просторно раздвинула свои берега, в далекой дымке едва различались их очертания. "Гурьевка" ничем не должна была отличаться от других рыбацких шхун, уходящих в море на промысел, и потому Камо строго-настрого запретил членам группы появляться в светлое время на палубе.

Вскоре берега исчезли совсем, как-то неожиданно наступила ночь, на почерневшем южном небе замерцали звезды. Поднявшись на палубу, боевики неторопливо расхаживали по шхуне. Иные из них море видели первый раз и с любопытством всматривались в даль. Стоя на корме, втягивая полной грудью знакомый солоноватый прохладный воздух, задумчиво смотрел на море и Иван Новиков. Забинтованная левая рука покоилась у него на перекинутой через шею повязке.

На бесконечной водной глади до самого горизонта отливала серебром лунная дорожка. Ночь была тихая, приветливая. У бортов шхуны, где лениво плескались волны, из воды отсвечивали морские звезды. И все это - и море, и парусник, и звезды, и луна - казалось каким-то сказочным, таинственным. В эту первую ночь пути боевика засиделись допоздна.

Спать никому не хотелось. Все сгрудились вокруг командира, кто-то, как обычно, попросил его рассказать о боевой работе до революции. И Камо, который всегда охотно делился с боевиками своими воспоминаниями, считая, вероятно, что это может оказаться для них полезным, не заставил себя упрашивать и теперь.

Тусклый свет прикрепленного к потолку трюма фонаря выхватывал из мрака внимательные, сосредоточенные лица парней и девочек, которые, вслушиваясь в образную речь Камо, невольно ставили себя на его место и задавались вопросом: а смогли бы и они выдержать такое? Смогли ли бы остаться спокойными и упорно добиваться своего, когда тебе вот-вот вынесут смертный приговор?.. Годами водить за нос судей, тюремную администрацию, врачей, притворяясь больным, и в самом деле не сойти с ума?.. Много дней ничего не есть, если в тебя даже насильно, сломав несколько зубов, впихивают пищу? Улыбаться, когда колят булавками под ногтями или прикладывают к телу раскаленный кусок железа?..

В глазах этих пятнадцати рабочих и крестьянских парней и девочек Камо был настоящим героем, но они верили и в себя, знали, что не смалодушничают, что никто не окажется трусом. Пусть родились и выросли они вдаль один от другого и были детьми разных народов, но чувствовали себя членами единой, крепко спаянной боевой семьи. Когда они завели разговор о своих родных местах и стали выяснять, кто из них какой национальности, кто-то полушутя заметил:

-Глядите, нас же целый интернационал!

Русский, армяне, грузины, латыши, чуваш, белорус, украинец - группу составляли бойцы семи национальностей.

Остаток ночи и весь следующий день прошли благополучно. Море было спокойное, дул хороший попутный ветер. Шхуна, выпятив полотняную грудь, быстро неслась по волнам. Пока что "Гурьевка" на своем пути не встретила никого. Но боевики понимали, что такая встреча возможна в любой час и что она не сулит им ничего радостного.

-Думал ли кто из вас, - спросил Камо в конце второго вечера, - что будем делать, если встретимся с деникинскими моряками?

Об этом про себя, конечно, думал каждый. И когда Абол ответил, что лично он сдаваться живым не намерен, то с ним были согласны и другие. Мнения разошлись только в одном: как при этом побольше насолить врагу. Кто-то предлагал одно, второй - совсем другое, третий - свое. Камо, выслушав эти скороспелые решения и горячие споры, сказал:

-Э-э, зачем так? Почему мы будем думать о нашей смерти? Пусть над этим голову ломают враги. Нам же нужно думать о том, как выполнить поставленную задачу и не погибнуть самим.

И Камо изложил боевикам свой план действий на случай столкновения с вражеским кораблем. Расчеты Камо строились на том, что "Гурьевка" самый обыкновенный рыбацкий парусник, и потому не должна привлечь внимание патрульных судов. Мало ли рыбаков выходит в море на таких лодках. А если все же привлечет? Но и тогда показывать храбрость незачем, группа вся остается в трюме, а экипаж шхуны будет продолжать свои обычные "рыбацкие" дела. Если и это не рассеет подозрение патрульных и на сторожевом корабле захотят прибортовать шхуну, то... разве мало у боевиков на такой случай бомб и оружия?

Предвидеть все, конечно, было невозможно, могло случиться всякое. Мог их обнаружить и задержать, например, не сторожевой катер, а большой военный корабль и, нацелив на шхуну орудия, приказать следовать за собой. Тогда "Гурьевке" следовало "сделаться больной" - у нее будто сломалась мачта и она не может двигаться: пусть-ка беляки, если вздумают взять ее на буксир, сами подойдут поближе... Словом, план был до безумия дерзким, фантастическим, но он соответствовал боевому духу и настроению этих ребят, они верили в него.

На третью ночь в море разгулялся шторм. Усилившийся северный ветер еще с вечера погнал по вершинам волн белые гребешки. Звезды, видневшиеся из квадрата отверстия на потолке трюма, закачались, запрыгали в разные стороны. Матросы быстро задраили люк брезентом. После полуночи волны стали такими громадными и так неистово швыряли лодку, что она среди них походила на щепку. Боевики, страдая от морской болезни, пластом лежали на нарах. Не поддавались шторму лишь трое - Камо, Новиков и Казаринов. Было слышно, как через палубу с шумом прокатывались волны. "Гурьевка" скрипела, трещала и стонала, словно живое существо.

Вдруг на палубе раздался оглушительный грохот, и тут же последовал сильный удар по трюму. Все забеспокоились, заволновались,

вскочили с мест. С палубы сквозь рев бури доносились громкие голоса матросов. Скомандовав "спокойно!" "не паниковать!", Камо вместе с Казариновым, схватив на ходу брезентовый плащ, бросился наверх.

В томительном ожидании проходили казавшиеся вечностью минуты. Наконец, в трюм спустился рулевой Ваня - самый молодой из членов экипажа, весельчак и балагур, умевший так забавно и комично рассказывать разные морские байки, что боевики, слушая его, хохотали до слез. Но сейчас не до шуток было и Ване. С его промокнутой, хоть выжимай, одежды струями стекала вода, лицо выглядело бледным и тревожным.

- Ребята, сломалась мачта! И ветер несет нас прямо на деникинский корабль, - прокричал он и опять побежал на палубу.

Здесь шхуна выглядела прямо-таки плачевно. Лавина воды, обрушившись мощным ударом на грот-мачту, вырвала ее у самого основания и швырнула в море. Ее теперь удерживали и тянули за лодкой только веревки крепления. И тут случилась новая беда: волной смыло за борт рулевого, пытавшегося замотать покрепче конец веревки. Но произошло чудо: пока матросы снимали с кубрика спасательный круг, чтобы бросить его терпящему бедствие товарищу, набежавшая волна забросила рулевого обратно на палубу, и он, ухватившись за что-то, удержался на месте.

- А вдали все еще маячил силуэт крейсера...

Когда через некоторое время Камо вернулся в трюм, там царила напряженная тишина. Все молча ожидали, что он скажет, смотрели на своего командира. Но Камо неторопливо, держась за натянутый вдоль трюма трос, прошел на свое место рядом с Володей Хутулашвили и Сандро Махарадзе и молча улегся на нары. Вид его не выдавал никакого беспокойства. Все думали, что он вот-вот заговорит. Но раздавался только шум волн, которые, с грохотом обрушиваясь на шхуну, то резко приподнимали ее, то стремительно бросали вниз.

- Камо, что же ты молчишь? - не выдержал кто-то из боевиков.
- Что делать будем?

- Э-э, я думал вы спите? - будто удивившись, ответил Камо. - Как это - что делать? Спать будем. Ночь ведь. То судно от нас далеко и пройдет мимо... Завтра вот утихнет шторм, исправим мачту и продолжим путь.

И верно, все обошлось благополучно. На крейсере шхуну не заметили, помешал, видимо, шторм. А вот море не успокоилось и утром. Его штормило еще целых пять суток. Все эти дни и ночи, валясь с ног от усталости, восхищая своим мужеством и выносливостью боевиков, матросы экипажа боролись со стихией.

— На шестой день прыти у моря поубавилось, сквозь тучи выглянуло долгожданное солнце, и все воспрянули духом. Правда, шторм перешел в мертвую зыбь, которую многие камовцы переносили еще хуже...

С помощью боевиков матросы залатали изодранные паруса и установили на место грот-мачту. Опять дул ровный попутный ветер. "Гурьевка" продолжала свой путь.

Однажды под вечер, когда ветер стих и установился полный штиль, лодка оказалась вблизи Дербента. Матросы узнали его по маяку. На шхуне вновь наступили тревожные минуты, в бухте виднелись военные корабли. "Гурьевка" с беспомощно нависшими парусами стояла перед самым носом врага. Встречи с ним, казалось, не миновать, а лодку в таком положении - подходи и бери хоть голыми руками.

Молча наблюдали боевики, как двое их товарищей по распоряжению Камо связывали вместе несколько пироксилиновых шашек и, уложив их в ящик, готовили "Гурьевку" к взрыву. К счастью, противник или не заметил их, или просто не обратил на рыбачью лодку внимания. Стало темнеть, подул легкий ветерок, и моряки поспешили поскорее убраться из опасной зоны.

Проходили дни за днями. Зажила и рана на руке Новикова, он ходил уже без повязки. А до цели все еще было не очень-то близко. Из-за шторма боевики задержались в пути дольше, чем рассчитывали. На исходе были и продукты. Осталось лишь немного муки, ее размешивали в воде и варили болтушку.

Наконец, в начале третьей недели пути, ночью, где-то впереди показались маячные огни Бакинской бухты. Но лодка должна была причалить не там, а на острове Песчаном, где бакинские подпольщики устроили свою нелегальную базу. "Гурьевка" прошла почти рядом с берегом, здесь, как предполагалось, ее должны были встречать, но с острова никто никаких сигналов не подавал. Камо, знавший, что в этом районе усиленно курсируют патрульные канонерские лодки, чтобы задержать суда, идущие со стороны Астрахани, и что заподозренных ждет суровая расправа, причалить к берегу не рискнул. Посоветовавшись с моряками, он решил направиться к острову Булло, куда обычно редко кто заглядывал.

Отойдя на значительное расстояние от Песчаного, шхуна повернула на юг и на другой день бросила якорь у высоких, изрезанных ущельями голых, скалистых берегов. Остров этот был необитаем, - камень да песок, кое-где торчали колючие кустарники и повсюду кишмя кишели змеи.

До самого вечера, выстроившись цепочкой, боевики перетаскивали со шхуны на берег бомбы, ценности, оружие и другие предметы. Работать мешали змеи, их убивали, но все время подползали другие. Топором и лопатами, изготовленными на скорую руку из досок, вырыли в ущелье углубление и, уложив туда весь груз, сверху засыпали песком.

С наступлением сумерек уставшие боевики заснули в трюме крепким сном. И на берегу, и в море, и на шхуне было тихо и безлюдно. Лишь на палубе слышались неторопливые, размеренные шаги вахтенного.

Утром Камо провел с боевиками подробный инструктаж: кому как одеться, какие вещи и какие документы брать с собой в Баку, как там вести себя в первые дни... Сам он, остановив проходящую вблизи рыбацкую лодку, договорился с ее владельцами и, пообещав, что скоро придет за боевиками местных товарищей, отбыл в город.

РЕПОРТАЖ ИЗ КАМЕРЫ СМЕРТНИКА РАСПЛАТА ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ ДРУЗЬЯМ 21-22 марта. Заседание военно-полевого суда.

В зал заседаний суда их привели 21 марта под усиленной охраной и всех усадили на скамью подсудимых за невысокой решетчатой перегородкой. У следствия не было доказательств о причастности Григория Джапаридзе и Лаврентия Джакия, имена которых назвал полиции повар Аги, к “делу о взрыве двух бомб с целью покушения на господ-делегатов Великого круга Дона, Терека и Кубани”, но тем не менее вместе с Новиковым они тоже были преданы суду. Почти одновременно с ними конвой доставил в суд столяра Александра Петрова и санитарку Татьяну Семенову. Неторопливой походкой, что-то обсуждая на ходу, вошли в зал прокурор, секретарь суда, адвокат. И вот раздался резкий, словно удар бича, голос: «Встать, суд идет!»

Занял свое место за длинным столом председатель суда подполковник Набибеков, рядом с ним, по бокам, уселись еще двое военных. Суд проходил при закрытых дверях, кроме конвойных, некоторых полицейских и военных должностных лиц в зале никого не было.

“Слушается дело”... - буднично, с каким-то негромким напевом заговорил судья, излагая материал обвинения. Его

монотонный голос казался нарочито бесстрастным, бесцветным. Читая написанный текст, он лишь изредка, в основном, когда называл фамилии подсудимых, отрывал глаза от листа бумаги и скользил взглядом по их лицам. Закончив чтение, он аккуратно сложил листки бумаги перед собой на зеленое сукно и после короткой паузы, повернувшись к сидящим на скамье подсудимых, слегка повысил голос:

-Сейчас суд начнет опрос подсудимых. Но прежде хочу предупредить их об ответственности за ложные показания. Каждый из вас обязан говорить суду правду и только правду. Помните, вы обвиняетесь в тяжком преступлении, и лишь полное признание в содеянном и чистосердечное раскаяние смогут смягчить вашу участь.

Первым для дачи показаний суд вызвал Новикова.

-Встаньте, подсудимый Новиков! В домовое дело значится, что вы прибыли в Баку из Харькова. Объясните суду цель вашего приезда. Кто и с каким заданием направил вас сюда?

-Никто не направлял меня, я приехал сам, хотел устроиться на работу, порыбачить в море, я ведь моряк.

-Где вы проживали в Баку?

-Приходилось жить в разных местах.

-В том числе и у повара Михайловской больницы Аги Гаджиева?

-Какое-то время жил и у него...

-Куда и по какой причине переехали от него?

-Познакомился с рыбаками, они обещали найти жилье поближе к заливу.

-Суд располагает сведениями, что в последнее время вы находились на постое у столяра той же Михайловской больницы Александра Петрова. Вы подтверждаете это?

-Я не знаю никакого Петрова.

-Скажите суду, подсудимый, от кого вы получили задание о нападении на господ-делегатов?

-Не получал я такого задания!

-Ай-яй-яй, не получали, значит? А кто вам передал бомбы, кто их изготовил?

-Я служил во флоте оружейником, смастерить такие бомбы мне было нетрудно.

-Выходит, вы и являетесь организатором диверсии? Так прикажете понимать?

-Это как вам угодно...

-С вами вместе в покушении участвовали сидящие на скамье подсудимых члены большевистской партии Джапаридзе и Джакия. Когда вы познакомились с ними?

-Я их не знаю, впервые мне их показали в тюрьме. Там, на Набережной, со мной их не было.

-Какие мотивы были лично у вас для покушения на высокую делегацию? Вы тоже состоите в партии убийц?

-Я рабочий человек, а не убийца.

Отвечая на вопросы председателя и членов суда, а также военного прокурора, Новиков упорно отрицал свое знакомство с кем бы то ни было из арестованных. Принимая весь удар на себя, он не оставлял суду улики против них. И он, конечно, при этом не мог не знать, что спасти себя у него не остается никаких шансов. Когда суд начал допрашивать других подсудимых, он с удовлетворением прислушивался к их ответам - никто не подтверждал свое с ним знакомство.

Суд продолжался и на другой день, 22 марта. Но все, что тут делалось, Новикова уже интересовало мало, он почти не слушал, что говорили в своих речах прокурор, адвокат, лишь обрывками воспринимал председателя суда, когда он начал читать приговор.

Военно-полевой суд приговорил Ивана Новикова к смертной казни через повешение.

В ГОРОДЕ ЧЕРНОГО ЗОЛОТА

Вечером 24 ноября боевики прибыли в Баку. В бухту их доставили на рыбацкой шхуне бакинцы, посланные Камо. Они же привезли адреса квартир, где в первые дни камовцы могли бы укрыться. Хутулашвили разделил боевиков на группы по три-четыре человека и каждой группе сообщил адрес. А Асе Папьян он сказал:

-Ты местная. Бери девчат и веди с собой. Где-нибудь переночуете, а завтра придешь в Молоканский сад, там тебя будет ждать кто-либо из наших.

Войти в бухту, минуя контроль, было почти невозможно, но боевикам это удалось. Сопровождавшие их бакинцы - а камовцы находились в трюме - умышленно провели свою шхуну совсем рядом

со сторожевыми канонерками и даже о чем-то переговорили с моряками. Вдоль берега, точнее, в метрах двухстах от него, стояло множество рыбацких парусников. Лодка камовцев, остановившись между ними, бросила якорь. Отсюда на берег переправлялись группами на шлюпках. Дно вблизи берега сплошь было покрыто каменными глыбами и из шлюпок приходилось высаживаться прямо в воду, а потом идти по скользким камням.

Спешно покинув бухту, каждая группа направлялась по указанному ей адресу.

Людам, которые еще недавно сражались с деникинцами на фронте и только что завершили тяжелое и опасное семнадцатидневное путешествие на рыбацкой лодке, было странно видеть беспечно гуляющую по бульвару "буржуйскую публику" - разодетых дам и господ, иностранных военных, белогвардейских офицеров, торговцев, жандармов... В прибрежных водах залива причудливо перемигивались огни бульварных фонарей, откуда-то доносилась протяжная восточная мелодия. У шумных ресторанов, шашлычных уставших и голодных боевиков дразнили острые и аппетитные запахи.

Аксенов, Махарадзе и еще двое боевиков, оказавшиеся в одной группе, не устояли перед искушением - зашли, чтобы поужинать, в ресторан. И были там арестованы. Их внешний вид - одежда промокла при высадке на берег - и крупная купюра, которой они стали расплачиваться, привлекли внимание полиции, и их повели в участок. В паспортах у всех у них значилась тифлисская прописка, а пропусков на въезд в Азербайджан они не имели. В ту же ночь их посадили в поезд и отправили "обратно в свою Грузию". Но проехав три-четыре станции, они, ловко обманув сопровождавшего их до границы охранника, сошли с поезда и по-одиночке вернулись в Баку.

Ася Папьян повела своих подруг - Аню Новикову и Аню Литвейко - не по бульвару, а темными улочками и переулками. Но она никак не могла придумать, куда идти, где найти надежное место для ночлега. Перебирала в голове всех своих родственников, знакомых и подруг. Побродив довольно долго, они вышли на улицу, которая почему-то называлась Магазиной, хотя на ней не было не только ни одного магазина, но даже небольшого ларечка. Здесь жила ее школьная подруга Арусяк Габриелян. Знала Ася и ее старшую сестру Марусю и их бабушку. "Но дома ли они, ведь два года не виделись", - с тревогой думала Ася. Будь что будет, все же решила пойти к ним.

Дверь открыла бабушка Аруси, сильно постаревшая, согнувшаяся. Услышав голоса, в прихожую вошла Арусяк - стройная и привлекательная девушка с длинными роскошными косами. Ей было лет восемнадцать, а выглядела она - это впечатление, возможно, усиливало пенсне на носу - очень интеллигентной и серьезной.

Она пригласила девушек в комнату, стала расспрашивать Асю: откуда, мол, она так неожиданно появилась. Та как-то туманно и не очень уверенно объясняла: вот приехали, дядя должен был встречать, но почему-то не встретил, и теперь не знаем даже, где ночевать. Арусяк недоверчиво глядела на девушек, на их нарядные шляпы и платья с мокрыми подолами. Соблюдая традиции кавказского гостеприимства, она предложила им раздеться, усадила к столу, напоила чаем. Потом постелила на полу толстые шерстяные тюфяки - кроватей на всех не хватало, - и они улеглись спать. Но спать не хотелось. Арусяк с Асей о чем-то шептались всю ночь.

Утром Ася подругам сказала, что если не станет возражать Камо, они будут жить пока у Аруси. Затем она отправилась в Молоканский сад - условленное место встречи и, вернувшись оттуда, сообщила, что Камо наказал им остаться на месте.

Через день или два Камо пришел к девушкам сам и о чем-то долго беседовал с Арусяк и ее школьной подругой Амалией Тоньян. Уходя, сказал, что они обе приняты в отряд.

Амалия и Арусяк были дружны еще со школьной скамьи. Обе любили художественную литературу, отличались любознательностью. Это были яркие, романтические натуры. На формирование их взглядов на жизнь в гимназии большое внимание оказала преподавательница русского языка и литературы, ставшая еще в 1903 году членом Российской социал-демократической рабочей партии. Обе девушки были тесно связаны с революционно настроенной молодежью.

В трогательной дружбе подруг "первую скрипку", пожалуй, играла Амалия. Познав с ранних лет нужду и лишения обездоленных людей, она воспринимала окружающую ее действительность с чувством непримиримости и протеста. Жила Амалия в бедной многодетной семье своей сестры. Училась она усердно, но обычные интересы большинства сверстниц-гимназисток ее не трогали. Что-то другое, более возвышенное и светлое, требующее высоких порывов и самоотверженности, влекло ее к себе, а от нее передалось и не по летам рассудительной, серьезной подруге.

Правда, Арусяк судила о жизни, о той жестокой и беспощадной борьбе, которая происходила в ней, в основном, по книгам. Но вскоре ей довелось увидеть это и собственными глазами.

Немного ознакомившись с марксистской литературой, обе подруги вступили в партию коммунистов: Амалия в 1918 году, Арусяк - на год позже. Амалия, живая, как ртуть, смелая, решительная, неся в руках "покупку" или сверток с "подарком", беспрепятственно проходила в любой район, на любую улицу города. Ни полицейским, ни агентам контрразведки даже в голову не приходило заподозрить в этой аккуратно и со вкусом одетой красивой девушке с пышными волосами "изверга-большевика". Арусяк училась у нее всему - правилам конспирации, ловкости и находчивости, умению "внушить доверие" и старалась ни в чем не отставать от нее. Днем обе работали регистраторами на бирже труда, а вечерние часы и выходные отдавали выполнению заданий подполья: распространяли нелегальную литературу, под видом активисток Красного Креста посещали в тюрьмах политических заключенных, устраивали явки, из потайных складов переносили в рабочие районы оружие, занимались в политкружках.

Когда Ася Папьян рассказала Камо о двух своих школьных подругах, он справился о них у руководителей подполья и, получив самые благожелательные отзывы, назначил с ними встречу. Так группа Камо пополнилась еще двумя девушками. Кроме них в отряд были приняты также два молодых бакинских коммуниста - Гайк Айрапетов и Цолак Аматауни.

Через несколько дней после прибытия в Баку боевики с подпольщиками организовали доставку груза с острова Булло. Все запрятанное там сначала нужно было привезти в город, а затем уже переправить в конспиративные квартиры в рабочих районах.

Выполнение первой части этого опасного дела Камо возложил на Андрея Казаринова и местных подпольщиков. С одним из них Андрей утром нанял в порту рыбацкую лодку и они, удачно миновав охрану, добрались до острова Песчаный, где их дожидалась прибывшая туда раньше группа бакинцев. Отсюда на двух парусниках под видом рыбаков - среди них и в самом деле были рыбаки - они направились к острову Булло. Причалив к берегу, раскопали вход в пещеру, где был спрятан груз, и начали перетаскивать его на лодки. Бомбы и динамит погрузили в одну лодку, все остальное - в другую. Предусмотрели и то, что при входе в бухту шхуны может остановить и проверить охрана: боеприпасы разместили в бочке с двойным дном, и вздумай

проверяющий открыть кран - из него потекла бы пресная питьевая вода; драгоценности, деньги и часть оружия сложили в корзины, замаскировав сверху свежей рыбой. На обратном пути лодки держались друг от друга на почтительном расстоянии и к вечеру, с наступлением сумерек, благополучно прошли в Баиловскую бухту. Казаринов и сопровождающий его подпольщик, взяв с собой пять с половиной миллионов рублей николаевских денег и сунув в карман по револьверу, отправились на Баиловскую улицу, где им предстояло переночевать. Той же ночью был доставлен на конспиративные квартиры и весь остальной груз. Боевики, в том числе и девушки, уносили от шхун, осторожно карабкаясь по высокому крутому берегу, переложенные из бочек в ящики и чемоданы оружие, взрывчатые вещества, боеприпасы. По заливу и берегам все время шарили портовые прожекторы. Боевики, когда ослепительно яркие лучи приближались к ним, замирали, прижавшись к земле.

На другое утро Андрей Казаринов и его бакинский товарищ уложили пачки ассигнаций в две наволочки и направились на конспиративную квартиру на Молоканской улице. Здесь их дожидались Камо и Хутулашвили. Приняв деньги и выслушав Андрея, Камо сказал, чтобы он остался тут, с ними. Но с этой квартиры скоро пришлось уйти. Камо распорядился, чтобы Хутулашвили и Казаринов устроились в другом месте. И они тут же уехали в девятнадцатый лазарет, начальником которого работал Джапаридзе - брат одного из двадцати шести бакинских комиссаров, расстрелянных белыми палачами. Володю Хутулашвили начальник лазарета устроил у себя, а Казаринова - у одного из сотрудников.

Срочно пришлось менять местожительство - во избежание всяких неожиданностей - и некоторым другим камовцам. При этом Ян Абол, Иван Новиков и Роман Аксенов сошлись в одной квартире. Их принял у себя, уступив одну из двух комнат крохотной квартиры, столяр Михайловской больницы подпольщик Александр Петров. Еду ребятам готовила его свояченица Татьяна Семенова, тихая и скромная женщина, работавшая в той же больнице санитаркой.

Жилось боевикам в городе, где правили мусаватисты, нелегко. В первые дни Камо вообще запретил им появляться без острой на то необходимости на улицах и даже выходить из квартир. Встреча с соседями, любой неосторожный шаг, словом, всякая непредвиденная мелочь могла навлечь подозрение на людей, у которых они скрывались. Население было запугано террором. Каждый нелепый донос, а нередко и неизвестно откуда возникший слухок служили поводом для обысков

и арестов. Оставаться подолгу в одном и том же месте было рискованно, приходилось скитаться по разным квартирам, хозяева которых, рискуя многим, давали им приют.

Камо знал адрес каждого боевика, а вот где находится он сам, было известно лишь единицам. Боевики, строго соблюдая правила конспирации, общались только между собой, а связь с местной подпольной организацией поддерживали лишь Камо и Хутулашвили. Их задания передавались членам группы через связных, они же сопровождали боевиков, особенно, в первое время, когда их вызывал или направлял куда-либо Камо.

В Баку, представлявшем собой смесь европейского города с азиатским, для них многое выглядело странным и непривычным. Особенно поражал вид женщин: они шли по улице, избегая встреч с мужчинами, закутанные, словно безликие мумии, с ног до головы покрывалом, в котором лишь возле глаз виднелись узкие щелочки. Порой где-то рядом, на ближайшем пустыре, долго слышался перезвон колокольчиков: это проходили караваны верблюдов. Из конца в конец города жители добирались на конках. Нередко, когда лошади не брали подъем, рядом с ними впрягались сами пассажиры и помогали преодолеть трудный участок пути.

В окрестностях города, где там и тут прорывался на поверхность подземный газ, днем и ночью полыхали языки пламени, зажатого с незапамятных времен. Северные ураганные ветры, дующие иной раз по несколько дней подряд, наносили на город тучи песчаной пыли. Кроме маленьких скверов, называемых садами, да низкорослых деревьев на бульваре вдоль залива, в городе не было никакой зелени. И ко всем этим особенностям Баку - нравам и обычаям его жителей, бытовым условиям - боевикам следовало привыкать быстрее, ведь каждая оплошность легко могла привести к аресту.

Но еще более сложной была в Баку политическая обстановка. Многие его районы - Баилов, Эйбат, Сабучи, Балаханы и другие, где добывалась и перерабатывалась нефть и где, главным образом, проживали бакинские рабочие, пользовались известностью всей России. Баку первым в Закавказье поднял знамя Советов, здесь уже 31 октября 1917 года была провозглашена Советская власть. Но через девять месяцев под натиском полчищ иностранных интервентов - англичан, турок и немцев и предательства дашнаков, мусаватистов, эсеров и меньшевиков - она временно пала. Лунной октябрьской ночью 1918 года в пустынной степи Закаспия, вдали от людских глаз, интервенты и бандиты-контрреволюционеры зверски расправились с

двадцатью шестью комиссарами, руководившими много лет движением бакинских пролетариев. Формально Азербайджаном правило теперь правительство, созданное из представителей буржуазно-националистической партии "Мусават", но фактически хозяином положения здесь являлось английское военное командование. Водный и железнодорожный транспорт, нефтяные промыслы, государственный банк полностью находились под безраздельным контролем иностранных государств. Даже распорядок жизни населения города устанавливался приказом английского генерала Томсона.

Национализированные ранее нефтяные предприятия вновь перешли в руки прежних владельцев, на промыслах опять были восстановлены старые порядки, при которых рабочие эксплуатировались самым жестоким образом и получали за свой труд мизерную плату. В городе не хватало продовольствия и товаров повседневного спроса, курс денег, так называемых бонн, катастрофически падал, а цены на продукты непрерывно росли. Среди правительственных чиновников, в судебных и следственных органах, в полиции - повсюду процветали произвол, вымогательство, взяточничество. Правда, это обстоятельство порой и выручало камовцев. Зная падкость чинов любого ранга на деньги, они не раз "выкручивались" из трудных и опасных положений. И без того тяжелое экономическое положение Азербайджана ухудшалось с каждым днем. Нефтяная промышленность, лишенная российского рынка, переживала острый кризис. В Баку накопилось около двухсот миллионов пудов нефти, ее некуда было вывозить. Трусливое правительство Азербайджана не смело ослушаться английского командования, запрещающего продажу нефти Советской России. В городе росла армия безработных. Возмущение рабочих усиливалось с каждым днем. Часто проходили в городе стачки, шла подготовка к всеобщей рабочей забастовке. Торговые моряки и грузчики отказывались перевозить из Баку в Махачкалу оружие для деникинцев. Одной из важных своих забот подполье считало отправку горючего в Астрахань, туда бензин перевозился на парусных лодках. Влияние коммунистов в городе росло неудержимо. Во главе легального выборного органа, называвшегося Бакинской рабочей конференцией, стояли ученики и помощники двадцати шести погибших комиссаров. Ряд уездов Азербайджана превратился в очаги вооруженного восстания, в Чечне, Дагестане и Горской республике шла война партизан.

Белые под ударами Красной Армии откатывались все дальше на юг, но они могли попытаться создать в Закавказье контрреволюционный узел сопротивления. В этой обстановке перед боевиками Камо была поставлена новая задача: помогать действующим на Северном Кавказе партизанским отрядам, снабжая их оружием и деньгами, проводить подрывные действия в деникинском тылу, не давать закавказским контрреволюционным силам возможности объединиться для борьбы с Советской Россией.

Исходя из характера задания, Камо еще в конце года разделил боевиков на несколько групп. Одним из них поручалась доставка денег и оружия в партизанские районы, другие действовали в Баку, ведя разведывательную работу и выполняя специальные задания. В числе последних был и Иван Новиков. Сам Камо с группой девушек готовился к выезду в Тифлис и Новороссийск - в тыл деникинской армии.

РЕПОРТАЖ ИЗ КАМЕРЫ СМЕРТНИКА
РАСПЛАТА ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ ДРУЗЬЯМ
Ночь с 22 марта на 23 марта -
последняя в камере смертника

Свой последний день и последнюю ночь Иван Новиков провел в камере смертника. Генерал-губернатор сразу после суда утвердил приговор и направил полицмейстеру предписание «присутствовать лично или же командировать одного из подведомственных чинов для присутствия при казни». Новиков спас от кары подпольщиков, выданных поваром Аги, но спасти себя у него не было возможностей. Но пока человек жив, он хранит в отдаленном уголке души, находясь даже в самом безысходном положении, тлеющий уголек надежды.

О чем мог думать Новиков, оказавшись после суда в полном одиночестве? Никто нам с вами, дорогой читатель, на этот вопрос не даст ответа. Единственное, что мы можем, это попытаться представить себя на его месте и вообразить при этом ход его мыслей. Конечно, он не мог не вспоминать боевиков, которые за эти нелегкие, полные почти постоянного риска месяцы стали для него близкими людьми. Теперь он, надо полагать, не сомневался, что его друзьям, участвовавшим вместе с ним в покушении на генералов, удалось скрыться от полиции. Вероятно, у него были основания надеяться и на то, что боевики постараются выручить его из беды. Но догадывался ли он, что сделать это было невероятно трудно? После налета камовцев на деникинскую

делегацию в городе свирепствовал жестокий террор, предпринять в такой обстановке попытку к освобождению из тюрьмы человека, приговоренного к смертной казни, было равносильно тому, чтобы хвататься голыми руками за накаленное в огне железо. К тому же, в первые дни камовцы ничего не знали ни о суде, ни о приговоре, они никак не предполагали, что мусаватистские власти в угоду деникинскому командованию намерены как можно быстрее расправиться с Филиппом Новиковым.

О чем еще мог думать приговоренный к смерти человек? Вероятно, о самом разном, о том, что трудно нам и представить себе. Ведь мысли не подвластны никаким трафаретам, нормам и законам: они подобны ураганным вихрям, полету птиц, сверканию молний, парению облаков, снежной круговерти и бог знает еще чему. И все-таки, наверное, можно предположить, что в мыслях своих в эти долгие горькие часы Филипп Новиков не раз возвращался к отчему дому, родным местам, друзьям и близким.

Может быть, до боли в сердце восстанавливал он в памяти облик далекой, затерявшейся среди холмистых дубрав и глубоких оврагов тихой чувашской деревни, ставшей для него колыбелью на этой пылающей огнем земле. Босоное, нередко голодное, но все же столь милое сердцу детство, изнурительная работа с юных лет - сначала дома, потом на заработках, сказочные просторы Волги, по которой довелось ему плавать несколько лет, устроившись матросом на буксирный пароход. Сколько же лет прошло с тех пор - четыре, пять? Вроде, не так уж много, а вспоминается та пора как сон, как отрезок совсем другой, давно ушедшей жизни, хотя в глубине души сохранилось от нее что-то прочное, не исчезающее с годами. Разве можно, например, забыть ласковые весенние вечера, если они очаровали тебя впервые в шестнадцать-семнадцать лет? Едва подсыхали тропинки и буторки, как деревенские девчата и парни начинали водить хороводы. За дальним лесом величаво, неторопливо садилось пылающее багрянцем весеннее солнце, на крыши домов опускались густеющие сумерки, а где-то в переулке или за околицей зарождалась песня - душевная и ласковая, грустная и зовущая куда-то в даль. К девичьему пению присоединялись голоса парней, и вот уже становилось невозможным понять, где тут переливы жаворонка, журчанье ручейка и где шелест лесной листвы или глухие вздохи пробуждающихся после зимнего сна полей - все сливалось воедино и уносилось ввысь над заснувшей деревней, дремлющими в хрупкой тишине холмами и перелесками. А откуда-то с другой улицы вскоре откликнулся еще один хоровод, уплывала в сумерки другая мелодия. С

третьего места в ответ начинали тренькать балалайки, затем к ним присоединялись звуки гармошки, заигравшей бойкую плясовую, дружное хлопанье в ладоши и ритмичное топанье ног о сырую землю...

С годами уходит юность, в водовороте быстротекущих лет все больше и быстрее теряется что-то от молодости, но песни тех лет, щемящие душу напевы родной стороны не тускнеют, не забываются. Впитавшись в сердце человека с молоком матери, они остаются там до последнего мгновения жизни.

РИСКУЯ ЖИЗНЬЮ

Шли дни. Боевики чувствовали себя в Баку все более уверенно, они знакомиться с местными подпольщиками, по улицам могли уже ходить без сопровождения связных. Только не полагалось им, чтобы не нарваться на агентов тайной полиции, разыскивать нужный дом путем расспросов у прохожих. Время от времени, как и в первые дни, приходилось менять квартиры. Часто менялись и места явок.

Проживая, в основном, в рабочих районах города, боевики ясно ощущали, как поднимается настроение населения. Не трудно было понять, что причиной тому - наступление Красной Армии, которая уже освободила Ростов и подходила к Армавиру. Местные газеты - правительственная «Азербайджан» и меньшевистская «Искра» - с тревогой писали о быстром распространении «большевистской заразы» в Баку. Но боевикам участвовать в революционной пропаганде и агитации среди рабочих запрещалось, у них были свои, особые задания.

Весь декабрь Камо готовился для поездки с частью отряда в тыл деникинской армии. Каждый из боевиков хотел попасть в число тех, кто отправится вместе с ним в Новороссийск и будет участвовать в задуманном налете на штаб командования белой армии. Но главную роль в этой операции Камо отводил девушкам, им легче было прятать под одеждой взрывчатку и деньги.

Жили девушки по-прежнему у Аруси, квартира была вне подозрений. Ее хозяйка, старая добрая бабушка, полюбила подруг своей внучки и заботилась о них по-матерински. Временами заглядывал сюда Камо. Он подолгу беседовал с девушками, проверял, насколько твердо помнит каждая из них свою «легенду» - кто они, куда, откуда и зачем едут, - умеет ли в необходимых случаях держаться так, чтобы ни у кого не вызвать сомнения и настороженности, устраивал им тренировки и своеобразные экзамены.

Однажды подругам поручили посетить ресторан и провести там время в обществе белогвардейских офицеров, а потом они узнали, что «офицеры» эти, весь вечер навязчиво ухаживавшие за ними, были переодетые подпольщики... Подруги жили в напряжении, со дня на день ожидая приказа на отъезд. Казалось, он вот-вот последует, а Камо вдруг заявлял: «Отставить. Откладывается».

Как-то в конце декабря он пришел к девушкам на квартиру и, усевшись перед зеркалом, начал перекрашивать бороду. Борода была у него с рыжеватым оттенком, а теперь становилась смолисто-черной. Потом достал сверток, развернул его, стал переодеваться. И перед удивленными девушками предстал совсем другой человек, узнать его было просто невозможно. Роскошная черкеска, мягкие кавказские сапоги, темная каракулевая кубанка с накрест пересекающими ее позументами, мастрески наложенный грим - все это придавало ему стройность, легкость, строгость и внушительность.

- Прошу любить и жаловать: грузинский князь Цицукидзе, - галантно отрекомендовался он девушкам и распорядился, чтобы начали собираться и они: поедут завтра или буквально на днях.

Аня и Аруся по его приказанию сходили на явочную квартиру и принесли с собой костюмы и целый ворох денег, которые нужно было передать в Тифлисе. Одежда оказалась вполне достойная «княжен». Пачки пятисотрублевых царских ассигнаций зашили под блузки, рубашки, в подкладки пальто и шубок. Кроме девчат, в Тифлис уезжали и несколько мужчин. Предполагалось, что поедут не все вместе, а порозонь, группками. Те, кто оставался на месте, переходили в распоряжение подполья, руководителем их был назначен Володя Хутулашвили.

Но агенты контрразведки пронюхали о пребывании Камо в городе и напали на его след. При отъезде из Баку он едва не оказался в западне. Несколько членов боевой группы - жившие вместе Аксенов, Новиков и Абол, - пришедшие на вокзал понаблюдать за отъездом девушек, видели, как прошел «князь» в свой мягкий вагон. Когда прозвучал третий звонок и паровоз дал протяжный прощальный гудок, на перрон, откуда ни возмись, высыпал отряд жандармов. Одни из них сходу заняли выходы у вагонов, другие начали разгонять с перрона толпу провожающих. Ирильнув к ограде, боевики с тревогой ждали, что будет дальше. Вот Камо вышел из вагона и, возмущенный, набросился на жандармов, требуя немедленно отпустить поезд или отцепить его вагон. К оскорбленному «князю» подскочил офицер и стал что-то объяснять. Затем оба

направились в вагон. Между тем жандармы сняли с поезда человек двадцать мужчин и повели их в кабинет своего начальника. Через минуту туда же прошли Камо и сопровождавший его офицер. Сомнений у боевиков не оставалось - Камо под стражей.

Часа через полтора они встретились на конспиративной квартире с Хутулашвили и рассказали ему об аресте Камо. Стали обсуждать всевозможные способы его освобождения. И в самый разгар споров в комнату постучался... злой и недовольный Камо. Оказывается, жандармы искали по вагонам именно его. Из всех задержанных они отобрали троих, среди которых, как уверял «грузинского князя» начальник жандармского отделения, извинившись перед ним за задержку поезда, один уж наверняка должен быть Камо. Вскоре поезд тронулся и «князь» спокойно отправился в Тифлис. Но на превой же остановке Камо сошел с поезда - у него не было уверенности, что жандармы не начнут его вновь искать по вагонам - и вернулся, наняв извозчика, в Баку. А в Тифлисе он уехал на другой день.

Здесь вначале все шло хорошо. Деньги, доставленные девушками - они предназначались для продолжения борьбы с правящими в Грузии меньшевиками и закупки оружия для партизан, - были переданы местным коммунистам. Камо налаживал связи с тифлисским подпольем, познакомил девушек со своей сестрой, готовил все необходимое для задуманной операции. Еще раньше прибыл в Тифлис Сандро Махарадзе, но был арестован и находился теперь в тюрьме. Дело усложнялось и тем, что по мере продвижения линии фронта менялось и местопребывание штаба Деникина. Теперь он находился в Екатеринодаре, где образовалось последнее на Северном Кавказе белогвардейское правительство, названное Верховным кругом Дона, Терека и Кубани.

Наконец, все было готово, наступил день отъезда боевиков из Тифлиса. По одному, по два они прибывали на Батумский вокзал. И здесь их ждала засада. Грузинская контрразведка выследила Камо. Когда Аня Новикова и Аня Литвейко приехали на извозчике к вокзалу, они не могли поверить своим глазам: какие-то люди в штатском окружили Камо и, схватив за руки, повели в здание вокзала. Такие же штатские, заметив появившуюся в это время Арусю Габриэлян, заспешили к ней. Тут же оказались окруженными и обе Ани. Только Асе Папьян и Амалии Тоньян удалось избежать ареста.

Арестованных девушек, продержав трое суток в подвале особого отдела - их допрашивали днем и ночью непрерывно - и не добившись от

них никаких признаний, отправили в губернскую тюрьму. Но самым опасным для меньшевистских правителей Грузии, конечно, был их командир, они хорошо знали Камо, боялись его как огня и звонили во все свои колокола, что он прибыл в Тифлис совершать государственный переворот. Камо вновь, уже который раз, очутился в хорошо знакомом ему Метехском замке.

Но связь его с боевиками не оборвалась и здесь, он знал о всех делах, выполняемых ими в Тифлисе, Батуми и Баку, ухитрялся даже передавать им свои указания и советы. Двум боевикам он поручил, например, раздобыть в Ереване чистые бланки со штампами и печатями армянской контрразведки, тесно связанной с контрразведкой армии Деникина. И задание это было выполнено. Но главным, конечно, для него было вырваться из тюрьмы самому и вытащить оттуда девушек. Он отправил своей сестре записку, чтобы она носила им передачи, а сам готовил побег и одновременно штурмовал меньшевистских лидеров письмами, требуя немедленного освобождения своих людей.

Стремительно развивались события и в Баку. В подполье шла усиленная подготовка к вооруженному восстанию. И боевики принимали в ней самое активное участие. Они обучали формируемые рабочие дружины, доставляли на тайные склады прибывающее небольшими партиями из Астрахани и Закаспия оружие, выполняли ответственные, связанные с риском для жизни, задания краевого комитета партии.

Жившие вместе Абол, Аксенов и Новиков днем теперь редко оставались на квартире. Работы в подполье становилось все больше, задания от Хутулашвили следовали одно за другим, а вскоре он еще каждого из них прикрепил к отдельному отряду рабочей дружины для обучения их к предстоящим боевым действиям. Порой боевики поздно возвращались к себе на квартиру и вечерами, но особенно часто задерживался Абол. В последнее время с ним творилось что-то странное, был он то молчаливый, то радостно возбужденный и явно что-то скрывал от друзей. А расспрашивать его самого Иван и Роман считали неудобным: мало ли какая тайна может быть у человека в их положении. Но скоро все прояснилось. Однажды, когда они остались в комнате вдвоем, Ян сказал Ивану Новикову, что "полюбил одну чудесную девушку-бакинку..."

Встретил он ее воскресным февральским днем на конспиративной квартире. Перед Аболом стояла худенькая, невысокая ростом девушка. Коротко подстриженные густые волосы, лицо серьезное, живые, чуть настороженные, глядящие на Яна с любопытством глаза. Чем-то - этого Ян не смог бы, наверное, в тот момент сказать и сам - она сразу

притянула его к себе. Звали девушку Марией. Она была старшей сестрой Аруси Габриелян и появилась в квартире своей бабушки, где жили девушки отряда Камо, перед самым их отъездом в Тифлис. Как и Аруся, она кончила гимназию, потом стала бойцом Коммунистического красногвардейского отряда, но при отходе красных войск из Пятигорска (в декабре 1918 года) заболела тифом (волосы не отросли еще до сих пор), и ее вынуждены были оставить на территории, занятой белой армией. Насмотревшись на бесчинства казачьих банд генерала Шкуро, она возненавидела их жгучей ненавистью и, добравшись до родного Баку, почти одновременно с сестрой стала членом подполья. Ей поручили работать секретарем комитета профсоюзов пищевиков, это было ее легальное занятие, а вечерами отправлялась в разные районы города по подпольным делам. Хотя Мария официально не числилась в отряде Камо, но, рекомендованная подпольным комитетом, нередко выполняла задания Хутулашвили. Так встретила она с Аболом. А за первой встречей последовала вторая, третья... И зачастил Ян к Марии "на чашку чая", их уже тянуло друг к другу как магнитом.

...Иван слушал Яна, как обычно, молча, не перебивая и не задавая вопросов. Он просто не узнавал друга, ведь такой был парень - надежный, боевой, не теряющий головы даже в самой сложной обстановке. И на тебе, влюбился как мальчишка, да еще в какое время. Сердцем-то, конечно, Новиков понимал Абола, а вот разумом... В душе его боролись жалость и укор. Помрачнев, он задумчиво, словно самому себе, сказал:

-Кто знает, что будет с нами завтра. Мы же...

-Ну и что? - с горячностью прервал его Абол. -Мария настоящий человек. Разве нельзя бороться вместе! Я вот познакомлю тебя с ней, и увидишь...

Было ясно, что Яна теперь не переубедить никакими доводами. Он и в самом деле познакомил Новикова с Марией, вначале рассказав ей об их разговоре. Матрос после этого не раз заглядывал с Аболом к ней "на огонек", и Мария, угощая друзей чаем с вишневым вареньем, невольно сравнивала их. Оба немногословные, русоволосые, крепкого телосложения. Они многим были похожи друг на друга и казались ей чуть ли не родными братьями.

Новиков держался с ней ровно, сдержанно, но Марии почему-то представлялось, что он относится к их любви недружелюбно, со снисхождением и иронией, что в его присутствии Ян чувствует себя будто в чем-то провинившимся... Однажды, когда после такого вечера они возвращались к себе на квартиру, Абол вдруг заявил, что они с

Марией решили стать мужем и женой, что она верный товарищ, и он может положиться на нее, как на самого себя. Помолчав, Новиков заметил:

-Подумай, Ян. Не спеши. Ты же не хочешь сделать ее несчастной. Мы ведь солдаты с тобой. Скажут завтра пойти на смерть - и пойдем...

Абол вспыхнул, но стиснул зубы и промолчал. Ему было обидно, что друг не понимает его. Слепой он, что ли? "Сделать несчастной"... - надо же сказать такое. Разве не видит он, что Ян готов жизнь отдать за нее? Да, да, жизнь... А может, все-таки понимает? Чью жизнь отдать? Ведь его собственная принадлежит не ему и не ей. Или забыл он, для чего приехал в Баку их отряд?..

...Из Тифлиса в район действия партизан на стыке границ Азербайджана, Армении и Грузии были посланы со специальным заданием Сандро Махарадзе и Амалия Тоньян. Встретившись в Баку, они за короткое время стали не только добрыми друзьями, но и самыми близкими друг для друга людьми. Судя по внешности - жгучая брюнетка-армянка Амалия и голубоглазый светлый грузин Сандро, - они казались очень разными, но у них были совершенно сходные характеры: оба были людьми чистых и возвышенных взглядов, темпераментными, бесстрашными, всем существом своим преданными революции. Сандро и Амалия, конечно, знали, что командир не одобряет, если между парнями и девушками отряда возникают более чем товарищеские отношения, считая, что при смертельной схватке с врагом человек должен подавлять в себе все, что отвлекает его от дела, от борьбы. Но они полюбили друг друга так крепко и самозабвенно, что даже строгий Камо отступил от своего правила. Любовь стала для них неисчерпаемым источником радости и надежд, энергии и вдохновения. Не совершая свадебного обряда, они скрепили свой брачный союз клятвой - вместе идти по жизни и никогда не покидать друг друга.

Только рано, слишком рано выпала на их долю судьба доказать верность этой клятве...

Сандро и Амалия доставили партизанам, действовавшим в горах Дагестана, деньги, зашитые, как обычно, в подкладку одежды. Но у них было и другое задание - нанести на карту расположение сил врага и горные дороги, которые могли бы послужить для возможной переброски частей Красной Армии в Закавказье. Пока не дошли до дальних окрестностей Владикавказа, все шло без происшествий. Но в безлюдном горном районе их внезапно окружил конный отряд белогвардейцев, вероятно, среди проводников затесался провокатор. Сандро, выхватив маузер, выстрелил в офицера. Но силы были слишком неравны. Боевики

залегли за камни, завязалась перестрелка. Вражеская пуля пробила Сандро правое плечо, но он продолжал отстреливаться левой рукой и уложил нескольких белогвардейцев. Рядом с ним целилась в врага Амалия. Но вдруг он вскрикнул и, прижав ладонь около ремня на животе, повалился на спину. Он был еще жив, и Амалия, нежно прижимая его голову к себе, старалась успокаивать смертельно раненого друга, уверяя, что вот-вот подоспеет помощь партизан... А в обойме оставалось у нее несколько патронов, она берегла их и стреляла только наверняка. Выжидали и белогвардейцы. Потом раздалось сразу несколько выстрелов... и все стихло.

Так прервалась жизнь двух молодых соратников Камо, страстно мечтавших о прекрасном будущем, так перестали биться их юные, горячие, любящие сердца. Они и мертвые были страшны врагу, - разъяренные бандиты до неузнаваемости обезобразили их тела. Эту печальную весть привез в Баку Андрей Казаринов, ездивший по заданию краевого комитета партии в район действия партизан - Ингушетию и Чечню.

Казаринову тоже было поручено доставить партизанам деньги и организовать для них транспортировку оружия. В начале января с подложным паспортом на имя купца Куликова он приехал в Тифлис и, встретившись там с "особоуполномоченным по делам Дагестана" - в действительности это был член бакинской подпольной организации, - получил от него два миллиона денег и приказ штаба Одиннадцатой армии о зачислении партизан в состав Красной Армии. Андрею "сшили" за ночь пальто, стеганное николаевскими пятисотками, выделили вооруженную охрану и проводников. Сперва они ехали по Военно-Грузинской дороге на автомобиле, после - на лошадях по скалистым горным тропам и, благополучно добравшись до места, в точности выполнили задание. Помощь пришла партизанам очень ко времени, они испытывали большие трудности, а за такие деньги можно было достать тогда на Кавказе - путем подкупа, через дельцов и спекулянтов - почти все. Но более всего партизаны остались довольны полученным приказом, теперь они начинали действовать по плану, разработанному командованием Красной Армии.

А Казаринов вернулся в Тифлис и получил новое задание - заняться закупкой и доставкой оружия в Дагестан. Подпольщикам удалось отправить туда целый вагон винтовок, но на границе его задержали агенты грузинской контрразведки. Правда, не надолго, благодаря большим усилиям и изобретательности подпольщиков вагон был отправлен по назначению и передан Казариновым в надежные руки -

“коменданту Дагестанского фронта” (так замаскированно называлось командование партизанских отрядов, сражавшихся против белогвардейцев в горах Дагестана). Выполнив задание, Андрей приехал в Баку, встретился с друзьями-камовцами и вместе с ними стал работать в здешнем подполье.

Когда Кавказский краевой комитет партии, узнав о предстоящем сговоре мусаватистского правительства с Верховным кругом Дона, Терека, Кубани, принял решение во что бы то ни стало сорвать переговоры, то выполнение этой задачи также было возложено на боевиков группы Камо.

Приезд делегации ожидался в полдень 18 марта поездом. Было решено на вокзале же совершить покушение. Боевики еще накануне побывали здесь, осмотрели вокзал, выходы из него в город и наметили места, откуда должны бросить бомбы. На операцию Хутулашвили назначил Аксенова, Страздина и Благовещенского. В условленное время они были у вокзального подъезда, куда один за другим подъезжали на автомашинах члены мусаватистского правительства, представители военного министерства, генерал-губернатор, градоначальник и другие. Но когда поезд подошел к перрону, конные жандармы начали теснить всех любопытных, среди которых находились и боевики, подальше от вокзала. Что-либо предпринять было уже поздно: белогвардейские генералы и встречающие садились в машины, а боевики очутились от них далеко. В бессильном отчаянии, что не выполнили задание, они с тревогой наблюдали, как отъезжают машины в город.

Когда Аксенов вместе с посланным за ним связным пришел к Хутулашвили, тому все уже было известно. Обсудив положение с некоторыми боевиками, он решил повторить операцию завтра и поручить ее проведение трем другим товарищам. Но Роман попросил включить в их число и его.

-Хорошо, - согласился Хутулашвили. - Завтра в одиннадцать утра быть около “Метрополя”. Генералы остановились там. Пойдут на операцию Аксенов, Новиков и... Абол. Бросают бомбы один за другим и бегут к зданию парламента, там их будет ждать извозчик.

...Ночь накануне покушения на деникинскую делегацию Новиков и Аксенов провели почти без сна. Оба хорошо понимали, какое рискованное, опасное дело ждет их завтра. Друзья уже подробно обсудили все детали и варианты предстоящей операции, уже не раз было сказано друг другу “Ну, пора спать”, но тут же, не сговариваясь, чиркали спичками, прикуривая новую папиросу. Потом умолкли, но долго еще ворочались с боку на бок. В голову лезли всякие мысли, перед глазами

мелькали какие-то забытые обрывки жизни, лица родных и близких, друзей и товарищей.

Крепко спал в эту ночь только Абол, не подозревавший, что и он назначен участником операции. Недели две назад он стал мужем Марии и от друзей перебрался к ней. Но лишь несколько дней удалось счастливым молодоженам прожить у ее бабушки, потом нагрянула сюда полиция, и им пришлось искать приют у друзей, школьных друзей и родственников Марии. Накануне они перебрались на квартиру члена подпольной организации сапожника "дяди Миши". Было раннее утро, когда сапожник, разбудив их, сообщил, что к Яну пришел кто-то из его товарищей и хочет срочно поговорить с ним.

-Пусть войдет, - сказал Абол и начал быстро одеваться.

В комнату вошел Новиков. Увидев в постели Марию, смущенно отвернулся к окну и проговорил:

-Надо идти нам, Ян. Тебя назначили...

-Меня? - спросил Абол, бросив быстрый взгляд на побледневшую Марию.

Новиков в ответ только кивнул головой и, продолжая смотреть в окно, достал из кармана папиросу. Мария лихорадочно натягивала на себя платье, ожидая дальнейшего разговора друзей. Но Ян собирался молча, молчал и Иван.

-Прощай, Мусит! К вечеру, наверно, вернусь, - прервал Ян тягостную тишину, поспешно прижавшись к ее повлажневшему лицу.

Взволнованная Мария машинально пожала протянутую руку Ивана и снова кинулась к Аболу.

-Ян! Ян!

Но дверь захлопнулась.

По улице шли молча. Через некоторое время Новиков неторопливо, как бы подыскивая нужные слова, сказал:

-Береги себя, Ян. Хотя бы ради нее. Иметь в жизни такого друга, скажу тебе, это очень много. Случись вот что со мной, и поплакать некому...

-Да брось ты, словно панихиду справляешь, - засмеялся Ян. - Притом, так уж и некому?

Ян знал, что Ивану нравится Аня Новикова, лихая дивчина Иван Иванович; не раз замечал он, каким нежным взглядом смотрел на нее порой матрос. Правда, чувства свои прятал глубоко, делал вид, что она для него, как и все боевики, только верный товарищ по оружию. Однажды он все же признался Яну, что равнодушен к ней, хотя тут же, спохватившись, перевел разговор на привычный для него шуточный тон.

Но сегодня в глазах Ивана не было обычных веселых искорок, он был задумчив и серьезен. Яну, хорошо знавшему о его смелости и бесстрашии, было странно видеть друга таким, самому же ему сегодняшнее задание казалось не опаснее многих прежних. Никаких особых предчувствий он не ощущал, но настроение Новикова постепенно передалось и ему.

На одном из поворотов с Большой Морской улицы Иван, будто закуривая, приостановился и незаметным для постороннего глаза кивком головы показал Яну на угловой дом:

- Нам сюда. Зайдем порознь. После меня подожди минуты две. А теперь давай, Ян, попрощаемся. Мало ли что... При всех неловко будет.

Пожали друг другу руки, и Новиков, резко отвернувшись, зашагал своей раскачивающейся походкой на противоположную сторону улицы. Ян дождался немного, посмотрел по сторонам и направился вслед за ним туда же - на конспиративную квартиру.

Ровно в одиннадцать часов три боевика находились у "Метрополя". Новиков остался на перекрестке Ольгинской и Николаевской, Аксенов и Абол перешли улицу и остановились напротив подъезда гостиницы. Было туманно, моросил мелкий дождь. Боевики полагали, что к гостинице для генералов подадут автомобили и с нетерпением поглядывали вдоль улицы: не едут ли? Но случилось неожиданное: они вдруг увидели, как со двора гостиницы выехала пролетка с генералами и покатила в сторону Набережной. Подозвав ожидавшего их в условленном месте извозчика, боевики поехали за ними следом.

На Набережной возле дома генерал-губернатора, который одновременно являлся и военным министром мусаватистского правительства, экипаж остановился, и генералы вошли в дом. Боевики проехали дальше, а потом пешком вернулись назад. Аксенов и Абол встали немного не доходя до парадного подъезда с невысокими беломраморными колоннами, поддерживающими балкон второго этажа, а Новиков обошел экипаж и остановился со стороны подъезда.

Минут через пятнадцать, видимо, не застав министра на месте, генералы вышли обратно и, о чем-то переговариваясь, начали усаживаться в пролетку. И в этот миг Абол первым бросил бомбу. Она ударилась о крытый верх экипажа и, не успев взорваться, покатилась на землю. И тут же раздался оглушительный взрыв, на тротуар со звоном посыпались осколки битого стекла. Лошади рванулись было вперед, но

на их пути, клубясь, поднималось облачко дыма и они, ошалело встав на дыбы, попятились назад.

Теперь очередь была за Аксеновым. Он сорвал наклейку с отверстия стеклянной трубки, наполненной гремучей ртутью, и приготовился бросить бомбу. И в тот же миг увидел полицейских, выбегающих из подъезда и будок, стоявших рядом. Замахнувшись, он швырнул в их сторону бомбу, которая разорвалась между подъездом и пролеткой. Сильный взрыв отбросил его назад, он упал, но тут же вскочил на ноги и бросился в переулок, где секундой раньше исчез Абол. У министерского дома вновь заметались кони, одна из лошадей плюхнулась на мостовую и дико захрапела. Кто-то стонал, что-то кричали генералы, раздались выстрелы.

Новиков, которому следовало бросить бомбу третьим, понимал, что мешкать больше нельзя и ему, но из-за дыма как-то время он не видел экипажа. Он выжидал, чтобы наверняка накрыть генералов, и не заметил, что сзади к нему бегут полицейские. Торопливо вынув из кармана бомбу, он приготовился бросить ее. И в этот миг на него навалились сзади. Иван изо всех сил рванулся вперед, пытаясь освободиться от цепких объятий, но его ударили чем-то тяжелым в затылок и он потерял сознание.

Тем временем Абол и Аксенов, благополучно выбравшись из узеньких улочек и переулочков старой крепости, удалялись все дальше от Набережной. Ян, поплутав более четырех часов в незнакомом районе Баку, очутился, наконец, в конспираторной квартире.

А вот Роману, до того, как он оказался в надежном убежище, пришлось пережить немало неприятностей. У него имелся адрес конспираторной квартиры, где ему следовало укрыться после операции. Но, приблизившись к этому дому, Аксенов увидел, что он блокирован полицией. Тогда он направился за город, подальше от людских глаз. Присев на камень, перевязал пораненный осколком стекла палец левой руки, закурил. И вдруг почувствовал, как его одолевает сон, глаза закрывались сами собой, ни о чем не хотелось думать... Из забытья вывел его скрип проезжавшей мимо арбы.

Поразмыслив, Роман решил вернуться на прежнюю квартиру - санитарки Михайловской больницы Татьяны Семеновы. Подойдя к дому, которую они с Новиковым покинули рано утром, он некоторое время постоял на улице, прислушиваясь. И не уловив никаких подозрительных признаков, шагнул к калитке, но не успел даже захлопнуть ее, как был схвачен полицейскими. Аксенов возмущался, уверял, что шел в зубное

отделение больницы, но его все же повели в полицейский участок, сказав, что приказано задержать всех, кто явится в этот дом.

Его "барская" одежда, важные манеры, золотое кольцо на пальце, золотой портсигар, из которого он любезно предлагал полицейским закурить, - все это как будто произвело на участке впечатление и оставляло его пока вне подозрений. Но его не отпускали: приедет, мол, пристав и разберется. Аксенов, сидя в комнате дежурного, сжимал в кармане рукоятку парабеллума и охал от "зубной боли". У дежурного то и дело трезвонил телефон, нередко, уткнувшись носом к столу, он что-то записывал в журнале. И Роман решил попытать счастья: осторожно поднявшись со стула, попятился за спиной дежурного к открытой двери, спокойно прошел в коридоре мимо часового и очутился на улице. Но едва он успел миновать два небольших дома рядом с участком, как сзади раздался крики:

-Стойте! Стрелять буду!

Аксенов выпустил по полицейским целую обойму патронов, те спрятались в подъезде и открыли по нему огонь. У Романа был еще браунинг, пришлось пустить в ход и его. Когда он забежал за угол дома и через забор бросился на другую улицу, то слышал сзади топот ног, но расстояние между ним и полицейским было уже значительное. Петляя по переулкам, он оторвался от преследователей и вновь оказался на окраине города, откуда начиналась степь. Он не знал, как ему быть дальше, куда идти, что стало с Новиковым и Аболом.

Между тем, приближалась ночь, надо было что-то предпринять, на что-то решиться. Безвыходность толкнула его на отчаянный шаг - он вновь решил вернуться к Михайловской больнице, правда, с другой стороны. Перелез через забор в сад и, осторожно добравшись до входа в больничный двор, улегся в кустах. Он надеялся увидеть сторожа анатомического покоя Андрея. Аксенов не был с ним знаком, но однажды, кажется, встречался у столяра больницы Петрова. Когда сторож, обходя двор, приблизился к садовой калитке, Аксенов откликнулся и объяснил, что ему необходимо спрятаться подальше от людей. Андрей, вероятно, догадывался о причастности Аксенова к событиям дня, но ни о чем не спросил. Роман на всякий случай предупредил его, что "вооружен до зубов и живым не сдастся даже самому черту, а если с ним что случится, то он, Андрей, будет отвечать головой". Сторож спрятал его в морге - цементированном подвале больницы. И провел там Роман трое суток, пока не пришел за ним связной и не увез на новую конспиративную квартиру.

РЕПОРТАЖ ИЗ КАМЕРЫ СМЕРТНИКА
РАСПЛАТА ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ ДРУЗЬЯМ
Баку. 23 марта 1921 года. Казнь вдали от родины.

Пришли за Новиковым 23 марта перед рассветом. Когда в камеру вошел надзиратель, снял с него кандалы и, скаля зубы, велел "собираться на тот свет", он сгреб его своими могучими руками и выбросил в коридор. Тогда к нему ввалилось сразу четверо тюремщиков. Но и этим пришлось испытать на себе силу железных мускулов балтийского моряка. Основательно потрепанные, оказались за дверью и они. Начальнику тюрьмы пришлось вызвать пополнение.

У камеры приговоренного, перед раскрытой дверью, собралась целая толпа жандармов. Но, глядя на жалкий вид выпшвырнутых матросом надзирателей, никто из них не решался переступить порог камеры. Новиков стоял, широко расставив ноги. Изорванная одежда висела на нем ключьями, на оголенном теле темнели кровоподтеки. Глаза у матроса лихорадочно блестели, пальцы рук были стиснуты в кулаки, и весь его облик будто говорил: а ну, кто осмелится войти первым?! Откуда-то прибежал полицейский пристав и с бранью накинулся на жандармов. Его угрозы, видимо, придали жандармам смелости, подталкивая друг друга и подбадривая себя грубой бранью, они двинулись на матроса. Отступая, Новиков наносил удары направо и налево. Кто-то уже мешком плюхнулся на пол, кто-то, схватившись руками за живот, корчился от боли.

-Пырните его кинжалом, кинжалом, - визгливо выпкикивал из коридора пристав.

Новиков продолжал отчаянно сопротивляться и после того, как получил несколько ранений. Когда жандармам все-таки удалось свалить его на пол, он уже терял сознание. И палачи поволокли его безжизненное, истекающее кровью тело к виселице на тюремном дворе.

За стенами тюрьмы свистел на разные голоса неистовый северный ветер. Пристава била нервная дрожь, он все покрикивал, торопя жандармов, которые суетливо и долго накидывали веревочную петлю на шею матроса...

Низко над городом, почти задевая за крыши домов, неслись и неслись облака. Временами ветер швырял на землю холодные капли дождя. Было темно, - и город, и море, и небо тонули в мрачной мгле. Казалось, ночи еще долго не будет конца. Но где-то далеко за горизонтом, затянутом облаками, утро уже вступило битву с ночью и уверенно одолевало ее. Облака делались светлее, все ярче становилось небо на востоке.

Через несколько часов пристав первого участка бакинской полиции Усурбеков своим донесением сообщил полицмейстеру Мирзоеву, что

он привел в исполнение приговор военно-полевого суда над Филиппом Новиковым. В тот же час полицмейстер донес о казни "злоумышленника" генерал-губернатору. Аналогичное сообщение получил в этот день и прокурор Азербайджанской судебной палаты. В представлении, которое направил ему прокурор Бакинского окружного суда, говорилось:

"Доношу, что в пять часов утра 23 сего Марта в ограде Баиловской тюрьмы был приведен в исполнение приговор Военно-Полевого Суда от 22 Марта с.г. над Филиппом Финогеновым Новиковым, осужденным по делу о взрыве двух бомб с целью лишения жизни делегатов Верховного Круга Дона, Терека и Кубани к смертной казни через повешение. Исполнен был приговор по распоряжению генерал-губернатора, утвердившего означенный приговор, в отсутствии чинов Прокурорского надзора, согласно предписания г. Прокурора Азербайджанской Судебной Палаты от 16 июля 1919 года за № 589".

К вечеру того же дня прокурор окружного суда направил в вышестоящую инстанцию еще одно представление. "В дополнение донесения моего от 20 марта с.г. имею честь донести, что 21 Марта с.г. Военно-полевой суд под председательством подполковника Набибекова, рассмотрев данные дознания о Филиппе Финогенове Новикове, приговорил его к смертной казни. Дальнейшим ходом дознания по сему делу установлено, что Новиков был прописан в домовый книге на стр. 51 по д. №107 на Мариинской улице, где жил у Аги Гаджиева, и значится гражданином г. Карачева Орловской губернии, рабочим, прибывшим из гор. Харькова в гор. Баку 7-го Февраля сего года. Паспорт выдан 7 Марта 1916 года за № 131 из Ольгинского волостного Управления. Выбывшим по книге Новиков значится 15 Марта с.г. В той же книге на той же странице записан его сожидатель Невельский - Левин, иудейского исповедания, гражданин гор. Минска, 37 лет, помощник присяжного поверенного. Прибыл из Батума по свидетельству, выданному 22-го Декабря 1919 года за № 3905 на шесть месяцев Начальником Батумской милиции. Выбывшим Невельский -Левин значится 9 Марта сего года.

Допрошенная 20 Марта с.г. Татьяна Аверьянова Семенова, 28 лет, показала, что она проживает в гор. Тифлисе по Елизаветской улице №6, часто приезжает в гор. Баку к больной сестре, по мужу Петровой, останавливается у зятя и сестры Петровых. Последний раз приехала 7-го февраля с.г. Живя у Петровых, она не встречала там ни Новикова, ни Левина, ни кого-либо из посторонних русских лиц. Повара Аги Гаджиева знает. Квартирантов у Петрова не видела, Разина не знает. "Темного" и Донского также никогда не встречала.

Мною предложено 22-го сего Марта Следователю по наиболее важным делам Кобецкому приступить к производству предварительного следствия по сему делу по признакам 987/1 ст.9 и 1 п. 1453 ст. Улож. о Нак. О дальнейшем ходе следствия мною будет донесено дополнительно.

Копия сего представления представлена в Министерство Юстиции”.

В ПАМЯТИ СЫНОВЕЙ, ВНУКОВ И ПРАВНУКОВ.

А аресты в городе продолжались. Была схвачена полицейскими ищейками и Мария. Четыре дня допрашивали ее в Главном полицейском управлении, советовали “для ее же пользы” во всем сознаться, угрожали расправой. Но она настойчиво повторяла одно и то же: “Никакого латыша не знаю, и не понимаю, о ком вы спрашиваете”. Полиция, вероятно, догадывалась, что вместе с Новиковым в диверсионном акте участвовали те самые “Темный” (Абол) и “Разин” (Аксенов), о которых ей было известно также со слов того же Аги Гаджиева. Головы обоих боевиков были оценены по двадцать тысяч рублей золотом. Но подпольщики укрыли их надежно. А Марию, ничего от нее не добившись, полиция отправила в ту же Баилловскую тюрьму. Как говорилось в постановлении полицмейстера, “за вредную и опасную для общественного спокойствия и государственного порядка деятельность” ее взяли на месяц под стражу. В тюрьме она встретила с Татьяной Семеновой, от нее и других заключенных узнала об обстоятельствах суда над Новиковым и его казни.

Тяжело переживали боевики гибель своего товарища. Было тем обиднее, что случилось это в дни, когда Красная Армия, нанося удар за ударом по врагу, теснила его все дальше и дальше на юг, когда бакинское подполье усиленно готовилось к вооруженному восстанию, которое должно было начаться к моменту подхода частей Красной Армии к границам Азербайджана.

В первых числах апреля в Баку вернулся Камо. После двух с половиной месяцев, проведенных в Тифлиссской тюрьме, ему удалось вырваться из нее самому и вызволить девушек. Он написал министру внутренних дел меньшевистского правительства Грузии письмо, требуя немедленного освобождения и его, и арестованных вместе с ним девушек. В противном случае грозился взорвать и самого министра, и его семью. Угроза возымела действие: зная, что с Камо шутки плохи, меньшевистские правители не решились и дальше держать его в заключении. Выпуская Камо из тюрьмы, они ставили перед ним единственное условие - чтобы он немедленно покинул пределы Грузии.

Были освобождены и девушки. Перед тем, как уйти из камеры, Аруся распоролла красную наволочку от подушки, и Иван Иванович привязала этот лоскут материи за решетку тюремного окна. И на наружной стене запольхал красный флаг. Выйдя на тюремный двор, девушки полюбовались своим флагом и запели “Марсельезу”. И стража поторопилась быстрее вытолкнуть их за ворота тюрьмы.

Сразу же по приезде в Баку Камо был назначен помощником начальника штаба готовящегося восстания. Конкретные задания имели и другие боевики: добывали оружие, обучали обращению с ним бакинских рабочих и ждали сигнала. В ночь с 27-го на 28-е апреля рабочие отряды в течение нескольких часов заняли все правительственные учреждения и важнейшие городские пункты. К бакинской железнодорожной станции уже подходил бронепоезд Одиннадцатой армии. Делегация большевиков вручила мусаватистскому правительству ультиматум, требуя немедленно распустить парламент и передать всю власть штабу восстания. Буржуазному правительству не оставалось ничего другого, кроме капитуляции.

* * *

Не одно десятилетие прошло с той поры. Для человека этот срок - более продолжительности одной сознательной жизни, а для истории он оказался целой эпохой. Поколение, которое свалило самодержавие, совершило Октябрьскую революцию и разгромило ее врагов на полях гражданской войны, давно перебралось в мир иной. Но многих из них мы знали лично, ведь на наших глазах ушли они из жизни. Довелось нам в свое время познакомиться и с членами отряда Камо - боевыми друзьями Ивана Новикова.

После победы Советской власти в Закавказье Камо и большинство боевиков его отряда вернулись в Москву. Камо поступил учиться в Академию Генерального штаба, но его манила живая работа, он уехал в Тифлис. А в июле 1922 года Камо не стало: поздно вечером он ехал по городу на велосипеде и был сбит налетевшим на него грузовым автомобилем. Эта нелепая, странная и для многих загадочная смерть глубоко опечалила трудящихся Закавказья.

...Прах легендарного Камо покоится на Пушкинской площади в Тбилиси. Его именем были названы улицы и ряд промышленных предприятий в Баку, Тбилиси, Ереване, один из районов Армении и один из теплоходов Черноморского флота, его образ запечатлен в кинофильмах, о нем написаны книги.

Рано оборвалась и жизнь отважной пулеметчицы Ани Новиковой - Ивана Ивановича. Из Баку она уехала, примкнув к одному из бронепоездов Одиннадцатой армии. Но в болотах Гянджинского района ее свалила тропическая малярия. Оправившись от болезни, она стала чекистом. В один из ноябрьских дней 1921 года на станции Джанкой ее неожиданно встретил комиссар эшелона демобилизованных красноармейцев Вася Прохоров. На груди у Ани красовался орден Боевого Красного Знамени. Умерла она в 1925 году.

Почти все бойцы отряда Камо после гражданской войны поступили учиться, стали специалистами различных отраслей народного хозяйства, командирами Красной Армии, научными работниками. Михаил Максимович Хутулашвили в течение ряда лет был военным комиссаром Грузинской ССР, Ян Янович Абол преподавал в Московском институте транспорта, Роман Владимирович Разин-Аксенов работал юристом, а в годы Отечественной войны партизанил в Белоруссии. Много лет верой и правдой служили своим идеалам проживавшие в Москве камовцы Асмик Гавриловна Папьян, Анна Иосифовна Литвейко, Арусяк Григорьевна Габриелян и бакинцы Гайк Григорьевич Айрапетов и Андрей Александрович Казаринов.

Время безостановочно срывает с календаря истории листок за листком, уходят в прошлое дни, месяцы, годы, десятилетия... Нет среди живых и членов отряда Камо. Но покидали они нас не бесследно, а оставляя в наследство свою неиссякаемую жизненную энергию, мужество и отвагу, свои светлые мечты и идеалы. Уходя, они оставили нам все, чего достигли ценою огромных усилий. Их имена для нас были святы, мы их постоянно чувствовали рядом. Мы различали их сквозь романтическую дымку ушедших лет, слышали отзвуки сражений, в которых они участвовали. Их принесли в нашу жизнь вихри истории, вихри пламенных лет, и они же унесли их в небытие.

К этой когорте отважных и легендарных отношение сегодня не однозначное, кому-то они кажутся наивными романтиками, для кого-то остаются героями, кто-то считает их людьми безответственными, террористами. Но разве не они подняли Россию после двух жестоких войн из руин, неузнаваемо преобразили ее облик, вдохновили, нацелили все население страны на смертный бой с фашизмом? Время не сотрет эти факты истории, они живут, они дышат, потому что в них - мужество и отвага народа, его любовь к Отчизне, в них - живые связи поколений: дедов, отцов, сыновей, внуков и правнуков.

Сорок лет оставалось в бесвестности имя легендарного матросабалтийца, сына чувашского народа Ивана Новикова, казненного в 1920 году в Баку мусаватистским военно-политическим судом. Он погиб, не выдав никого из друзей, товарищей своих и смертью своей спас их жизни. Такое не предается забвению. В 1959 году, когда в Москве вышла в свет книга Л. С. Шаумяна "Камо", о Новикове стало известно и в Чувашии. Хотя сведений о нем в книге содержалось очень немного (только то, что он был бойцом отряда Камо и, схваченный бакинской полицией в момент нападения на белых генералов, был осужден и повешен), судьба его сразу же взволновала, заинтересовала многих, в том числе и автора этой документальной повести. Хотелось разузнать побольше и о нем, и о его друзьях. Много времени ушло

на поиски архивных и других материалов о боевых действиях отряда, на розыски немногих, в те годы еще живых, камовцев, на активную переписку с ними. И постепенно выяснялись какие-то новые факты, вырисовывались черты характера нашего земляка Ивана Новикова. В результате была предпринята попытка проследить путь подвига Ивана Новикова и рассказать о его боевых друзьях.

В работе над повестью автор опирался на воспоминания ряда бойцов отряда, на письма, полученные от Р.В. Аксенова-Разина, А.Г. Папьян, А.И. Литвейко, на архивные материалы, полученные из Баку, на литературу о Камо. Исключительную помощь оказала мне член бакинского большевистского подполья Марианна Григорьевна Габриелова. Она помогала в работе над повестью и советами, и сбором материалов, и их систематизацией, и своими воспоминаниями о камовцах, и личных встречах с Новиковым в Баку.

В интересной, насыщенной яркими событиями боевой биографии Новикова все еще, к сожалению, остается немало "белых пятен". Так и не удалось выяснить, в каком уезде и в какой деревне он родился. О том, что он по национальности чуваш, кроме автора книги Л. С. Шаумяна, подтверждают в своих воспоминаниях и письмах к автору этих строк его друзья по отряду.

Все события, о которых рассказано в повести и в которых участвовал Иван Новиков, изложены на документальной основе (чаще всего по воспоминаниям самих камовцев). Но многое, чем делились боевики меж собой, рассказывая друг другу о себе, не запомнилось им, выветрилось из памяти; к тому же, возможно, Камо не очень поощрял подобную откровенность (по конспиративным соображениям). Не сбылись и надежды почерпнуть что-либо из архива отряда боевиков, он до сих пор нигде не обнаружен. По этим причинам, приводя какие-то биографические сведения о своем земляке, автор считал допустимым небольшую долю вымысла. В книге Л. С. Шаумяна Новиков значится Иваном. Камовцы же в своих воспоминаниях называют его по-разному - то Иваном, то Филиппом, то еще кто-то утверждает, что настоящее имя его - Филипп. Порой даже вкрадывается сомнение в подлинности той фамилии, которая сохранилась за ним в воспоминаниях боевиков. Со временем, быть может, обнаружатся новые свидетельства о личности Новикова и его биографии. Но и то, что уже известно о нем, характеризует Ивана Новикова как отважного, волевого человека, как одного из выдающихся сынов чувашского народа. Он умер героем, не сказав на допросах ни слова о своих товарищах и никого не выдав врагу.

ЧУВАШСКИЕ ВРАГИ МОСКОВСКОЙ “ГОСТЫИ”

В газетах и журналах, издаваемых в Чувашии, опубликованы, наверное, уже не сотни, а тысячи материалов, связанных с репрессиями тридцатых годов. К сожалению, не встречаются пока среди них научные исследования, воссоздающие достоверную картину событий тех лет и помогающие разобраться в ней с полной объективностью. Более того, и в науке, и в публицистике чувствуется “усталость” от этой темы, многими редакциями и издательствами она почему-то отнесена теперь к числу “непрестижных”, “немодных”.

А между тем на многие вопросы читатели так и не получили убедительных, аргументированных ответов. Многих, например, и сегодня занимает, кто должен нести основную ответственность за репрессии: все коммунисты, как пытаются внушить некоторые нынешние идеологи, или отдельные лица из верхушки тогдашней центральной власти, которые и возглавляли расправу над сотнями тысяч ни в чем не повинных людей. Были еще и те, кто проводил ее на местах. В Чувашию, как и в другие регионы страны, были направлены специальные уполномоченные с заданиями по разоблачению и ликвидации “врагов”. Эти люди приезжали, делали свое дело и через какое-то время, выполнив задание, уезжали обратно, оставляя за собой кровавый след.

Публикуемый документальный очерк рассказывает об одном из них - инструкторе ЦК комсомола Ольге Мишаковой, приехавшей в Чебоксары на областную конференцию ВЛКСМ и превратившей ее в одну из драматических страниц истории чувашской молодежи, от которой затем потянулась трагическая цепь событий далеко не местного масштаба.

В сентябрьском календаре 1937 года дней уже оставалось немного, когда однажды на станции Канаш с поезда сошла прибывшая из Москвы довольно миловидная, одетая со вкусом

молодая женщина. Тут ее дожидались работники обкома комсомола из Чебоксар. И вскоре легковая машина помчала гостью по отлично выровненной, хорошо ухоженной дороге на север. Шоссе извивалось по холмистым полям, а местами довольно круто сбегало в овраги и затем карабкалось вверх. За окном автомобиля тут и там мелькали колхозные тока, тесно заставленные высокими шлемовидными копнами обмолоченных ржаных снопов и длинными скирдами соломы; кое-где гудели молотилки на конной тяге (отдельные хозяйства еще только завершали молотьбу).

А ехала в машине молодой, не имеющий пока опыта работы, инструктор Центрального Комитета ВЛКСМ Ольга Мишакова. Это была ее первая командировка в областную организацию и, оформляя ей документы в Чебоксары как представителя ЦК комсомола, некоторые работники даже с беспокойством говорили: "Не натворила бы чего..." Попутчики попробовали заинтересовать ее делами сельских парней и девчат, поработавших нынешним летом вместе со всеми колхозниками действительно на славу, ведь Чувашия заканчивала обмолот самого высокого в стране урожая тридцать седьмого года. Но гостью, как выяснилось, такие вещи не интересовали, она всецело была поглощена другими заботами.

Не успев даже доехать до столицы республики, она заподозрила что-то неладное в жизни и делах чувашской комсомолки. А пробыв здесь несколько дней, уже твердо решила, что она вся "засорена врагами народа". Ей было достаточно ознакомиться с проектами докладов и некоторыми другими материалами предстоящей областной комсомольской конференции, поговорить с отдельными сотрудниками аппарата, чтобы без колебаний отнести к числу "врагов" трех секретарей райкомов ВЛКСМ и потребовать на пленуме, созванном для обсуждения отчетного доклада, исключения из состава бюро обкома и снятия с работы, тоже как врагов народа, других четверых комсомольских работников - редактора газеты "Самрăк колхозник" ("Молодой колхозник") П. Яшевского, секретаря Чебоксарского горкома ВЛКСМ Н. Чекмарева, заведующего отделом обкома Ф. Прокофьева и редактора газеты "Пионер сасси" ("Клич пионера") Е. Орлову. Она потребовала в корне переделать отчетный доклад обкома, чтобы он тоже был полностью посвящен борьбе с "врагами народа".

И вот 30 сентября вечером в Чебоксарах, в клубе НКВД, открылась XIV Чувашская областная комсомольская конференция. Продолжалась она больше недели. Заседания начинались в десять часов утра и заканчивались в десять вечера (с 15 до 18 часов был

перерыв). На конференцию было избрано 185 делегатов, к открытию прибыли 182. В рабочий президиум (в те годы, естественно, не обходились и без "почетного") вошли секретари обкома партии С.П.Петров и Г.И. Иванов, инструктор ЦК ВЛКСМ С.Мишакова, секретари (первый и второй) обкома комсомола А.Сымокин, И.Терентьев и другие - всего 13 человек. Затем делегаты избрали, весьма придиричиво обсуждая их составы, другие руководящие органы конференции и заслушали телеграмму Генерального секретаря ЦК ВЛКСМ А.В.Косарева. Непривычным было для делегатов то, что сразу после этого к трибуне вышел председатель мандатной комиссии В.Свешников и обратился к ним с призывом:

-Мандатная комиссия просит вас всех помочь ей выявить врагов, их пособников и сомнительных людей. Такие здесь у нас могут быть. Если сообщать о них, можно помочь комиссии основательно проверить и удалить с конференции чуждых элементов.

В тот вечер конференция заслушала отчетный доклад обкома, с которым выступил Александр Сымокин. На другой день доклад был повторен на чувашском языке. По нему было множество вопросов, в президиум поступало немало записок, в том числе и по отдельным делегатам (об их политической благонадежности). Из зала то и дело раздавались выкрики, всякого рода замечания, советы, предложения, порой и возражения. В президиуме же самую большую активность проявляла Мишакова. Ей ничего не стоило прервать бестактными, оскорбительными вопросами и репликами любого выступающего. Ей повсюду мерещились вредители, шпионы, диверсанты. И она с поразительной легкостью стала обнаруживать их среди делегатов конференции. Вот типичные ее реплики и вопросы:

-Вы насаждаете врагов, а говорите, что вас шельмуют.

-Скажите, кого вы разоблачили в райкоме? Только не уверяйте нас, что там у вас нет врагов народа. Почему вы их не выводите на чистую воду?

-Бдительности у вас достаточной не было.

-Вы не хотели бороться с троцкистами, а как относились к бытовому разложению?

-Пока мы тут мало делаем по разоблачению врагов, а больше болтаем.

-Насчет вечеринок расскажите. И кто у вас на свадьбе участвовал? А отец ваш был на гражданской войне? На чьей стороне? Пусть мандатная комиссия выяснит это.

И подобное бесноватое (по нынешним мерам психически

ненормальное) поведение сохранилось у нее во все дни работы конференции. Сегодня такое воспринимается как что-то немыслимо дикое, пещерно примитивное и в то же время просто неправдоподобное. Можно подозревать, что у нее нарушена была психика, что она в прямом смысле помешалась “на врагах”. Но с психикой, к счастью или несчастью, тогда у нее вроде все было нормально. И, тем не менее, какое-то воинствующее внутреннее клочкотание ежеминутно толкало ее “громить врагов”. Видимо, сознание этой совсем еще молодой особы было сверх всякой меры, до катастрофических размеров начинено, наполнено отравой подозрительности и недоверия к людям, Возможно, ей хотелось проявить себя, заслужить, что ли, славу умелого корчевателя не просто отдельных вредителей, а солидного их гнезда.

И здесь с сожалением приходится констатировать, что обстановка на конференции способствовала осуществлению ее замыслов: многие делегаты, выйдя на трибуну, тоже начинали искать “врагов” для разоблачения. Удивляться этому, видимо, не стоит, в республике к тому времени уже развернулись репрессивные меры. Газеты из номера в номер печатали корреспонденции и заметки, судебные отчеты и сообщения о расправах над “троцкистско-бухаринскими и буржуазно-националистическими бандитами, их покровителями и пособниками”, которые, “наподобие ядовитых змей, расползались по советским и партийным учреждениям и на ряде участков пустили свой контрреволюционный яд”. В дни работы комсомольской конференции газеты Чувашии сообщили, например, что в Кувакино суд приговорил к высшей мере социальной защиты (был ведь придуман и такой кошунственный термин) - расстрелу как врага народа бывшего советского работника М.В.Секачева.

Есть и другая причина, которая привела к нагнетанию на конференции атмосферы подозрительности и голословных обвинений. Лишь немного времени назад (в августе 1937 года) пленум ЦК ВЛКСМ под давлением ряда членов Политбюро принял резолюцию о развертывании борьбы с врагами народа в комсомоле. В телеграмме за подписью А.Косарева (кстати, сам он никогда не верил в засилье “врагов” в органах ВЛКСМ), оглашенной на конференции в Чебоксарах, говорилось и о необходимости выполнения этой резолюции. А Мишакова, что видно из ее же высказываний, зафиксированных стенографистками, грубо нарушила наставления генерального секретаря ЦК ВЛКСМ - не перегибать палку, не обвинять честных людей, не бросать тень недоверия на

проверенные в деле комсомольские кадры. Она же поступила наоборот. Подхватывая критические замечания, прозвучавшие с трибуны, в своих репликах их трактовала так, чтобы настроить делегатов против обкома ВЛКСМ, особенно его секретарей, а также секретарей райкомов и Чебоксарского горкома комсомола.

Первой ее жертвой на конференции стал второй секретарь обкома ВЛКСМ Иван Терентьев. После его выступления в прениях, в котором, разумеется, было сказано и о причинах упущений, недоработок в работе комсомольских организаций и их комитетов, Мишакова тут же бросила реплику, что она считает объяснения Терентьева неудовлетворительными. Она откровенно вытягивала у выступающих какое-либо обвинение в его адрес. И усилия ее увенчались успехом, кто-то (может быть, ею же заранее “нацеленный” на это, ведь в Чебоксарах Мишакова подобными “инструкциями” занималась весьма интенсивно) выкрикнул из зала: “Терентьева надо лишить депутатского мандата!” Ей же оставалось лишь распорядиться, чтобы мандатная комиссия “ускорила это дело”.

И вот в тот же день, 1 октября, на вечернем заседании выступил председатель мандатной комиссии, который сообщил, что принято решение о лишении Терентьева права участвовать в работе конференции и передаче его дела в первичную организацию. Терентьев, возмущившись подстрекательством Мишаковой, попросил слова. И в той раскаленной обстановке его заявление прозвучало смелым, зрелым и здравым предупреждением:

-Как и все, я отвечаю за свою работу, свои ошибки. Но меня удивляет и возмущает поведение представителя ЦК комсомола, который должен давать конференции правильное направление, правильно руководить ею. А что происходит в действительности?..

Но большинство делегатов поверило Мишаковой, заявившей, что Терентьев насаждал в комсомоле врагов. У него отобрали мандат делегата конференции, а через два дня по настоянию той же Мишаковой его, как “врага”, исключили из комсомола.

Таков был первый шаг, который через год с небольшим, в декабре 1938 года, привел к аресту Ивана Терентьевича Терентьева.

К 1937 году он имел за плечами солидную жизненную школу, успев поработать в волостном комитете ВЛКСМ, секретарем сельского Совета, секретарем Яльчикского райкома комсомола,

заведующим отделом агитмассовой работы райкома ВКП(б), инструктором Чувашского обкома партии, вторым секретарем Батыревского райкома ВКП(б), откуда его и выдвинули секретарем обкома ВЛКСМ. Осудило Ивана Терентьева особое совещание как "единомышленника контрреволюционера А. Косарева, генерального секретаря ЦК ВЛКСМ". Погиб он в июле 1942 года в одном из лагерей НКВД.

Спекулируя своими полномочиями, Мишакова и далее всячески накаляла обличительные страсти конференции. Она часто вызывала к себе делегатов, беседовала с ними в перерывах, что-то кому-то поручала, кого-то в чем-то убеждала, давала какие-то задания. На другое утро после изгнания Терентьева, выйдя на трибуну, она заявила, что конференция не выполняет основной своей задачи - разоблачать врагов народа.

-Вы думаете, - вопрошала она, - что у вас среди делегатов нет врагов? Вы должны сказать, кто из них где засел, кто еще не раскрыт. Многие знают, но не хотят говорить. Некоторые секретари райкомов комсомола ведут себя неправильно, не хотят критиковать и разоблачать Сымокина.

Так она указала и цель, куда в дальнейшем следует пускать отравленные стрелы. Но не пренебрегала и другими. Как бы походя, почти без какого-либо повода, обвинила бывшего секретаря Алатырского райкома комсомола, члена бюро обкома ВЛКСМ (кстати, избранного уже секретарем районного партийного комитета) Александра Ерофеева в том, что он "потворствовал в обкоме врагам", в райкоме ВЛКСМ не разоблачал вредителей, которые наверняка "насаждены туда контрреволюционной группой транспортников". За "допущенные ошибки" Ерофеева вывели из состава президиума. Конференция выразила также "политическое недоверие" нескольким работникам обкома и Чебоксарского горкома комсомола, уже уволенным с работы. Позже "недоверие" обрушилось и на голову секретаря горкома Михаила Якимова.

-Снять его с работы, удалить с конференции, - беспардонно распорядились Мишакова. - Ему не место там, не внушает он политического доверия.

Такая же участь - изгнание с конференции, снятие с работы, исключение из комсомола - постигла сотрудника газеты "Самрăк колхозник" М. Митрофанова. Всего были лишены делегатских полномочий 15 человек.

...Пытаешься сегодня представить себе и как бы оживить

(читая подробные протокольные отчеты и газетные дневники, корреспонденции и изложения выступлений делегатов) эту позорную расправу над комсомольскими кадрами республики и испытываешь боль и стыд. Но не только. Двойное отношение рождается в душе к молодым землякам, заседавшим в те октябрьские дни 1937 года в клубе НКВД. С одной стороны, чувство обиды, досады, что многие из них довольно легко поддавались фальсификации (ведь Мишакова, разбрасывая направо и налево свои обвинения, взятые со страниц газет стандартные ярлыки, вовсе не аргументировала их, совсем не заботилась о доказательствах). Но с другой, испытываешь к этим молодым людям, сочувствие: разве могли они, искренне веря официальной пропаганде, утверждавшей день ото дня, что враги народа и в самом деле повсюду вокруг них, заподозрить представителя ЦК ВЛКСМ в низкой и наглой лжи?

Неискренность, фальшь, обман в поведении Мишаковой в особенно безобразном виде проявились в бесконечных потугах “раскрывать” (ее же выражение), “обличать” первого секретаря обкома комсомола. Методология у нее при этом оставалась та же - использовать все критические замечания, высказанные делегатами в адрес А.Сымокина. Вот некоторые “образцы” ее сиюминутных выводов, прозвучавших в репликах:

-Сымокин дал ему очень хорошую характеристику, а он враг, вел контрреволюционные разговоры.

-Сымокин враг, а мы опять предоставили ему слово.

- Это - вражеская работа, и вызвана она исключительно по вине секретаря обкома комсомола.

Но неужели на конференции не оказалось никого, кто осмелился бы возразить Мишаковой? Таковые среди делегатов были (кстати, тогда, конечно же, вряд ли кто предполагал, что пройдет год - и ее поддержит сам И.В.Сталин), тот же Михаил Якимов бросил ей с трибуны:

-Товарищ Мишакова! Обвиняя кого-либо, факты нужно тщательно проверить... В комсомол я вступил в 14 лет, сейчас мне 24. В работе, наверное, были и ошибки, и недостатки. Но себя не считаю, как вы уверяете, разложившимся, пропащим человеком. Вы же, совершенно без оснований, все берете под сомнение.

Или вот попросил слово еще один делегат (Алексеев или Алексеева - фамилия в двух местах стенограммы названа неодинаково, к тому же Алексеевых в конференции участвовало несколько) и сказал, что “по части Сымокина Мишакову

поддерживают лишь те, с кем она побеседовала лично, они и дают ему отвод". Кто-то другой, правда, не с трибуны, а с места, добавил: "Мишакова собирает в коридоре группы делегатов и ведет их обработку". Третий делегат осудил ее за то, что она курит прямо за столом президиума, сидит, вольно развалившись, никому не дает свободно высказаться, всех прерывает своими замечаниями. Затем из зала раздался вопрос: "Это что же, так ведут себя и другие работники ЦК комсомола?"

Оказалось, что Мишакова уже тогда отделяла себя от остальных сотрудников всесоюзного комсомольского штаба. Почувствовав, видимо, что конференция может не поддержать ее предложений, она прибегла к откровенно провокационному демаршу:

- В ЦК комсомола засели враги, - сказала она. - Больше того, там придумали и пустили по организациям такую теорию, будто в комсомоле нет врагов народа. А они, враги, в ЦК как раз и сидят.

И тут же вновь предложила изгнать Сымокина с конференции.

Думается, самым драматичным моментом в работе конференции стала та минута, когда присутствующий на ней первый секретарь обкома партии Сергей Порфирьевич Петров счел нужным вмешаться в действия Мишаковой. И это его совсем короткое выступление станет затем первым звеном в длинной цепи событий, в том числе и кроваво трагических, связанных с поведением Мишаковой. И по возрасту, и по жизненному опыту она годилась ему в дочери, и он, коммунист с дореволюционным стажем, армейский красный комиссар в годы гражданской войны, надо думать, просто не предполагал, что она надумает скрестить с ним шпаги. Но она решилась. И началось это следующим образом.

Петров: Делегаты конференции совершенно правильно критикуют крупные ошибки в работе обкома комсомола, особенно его секретарей. Я, например, с этой критикой согласен полностью. Но у нас нет каких-либо данных считать Сымокина врагом народа.

Мишакова: Он насаждал врагов, вражеские методы в работе проводил.

Петров: Здесь никто не привел ни одного факта, что он враг или связан с врагами, что он двурушник. Недостатки у Сымокина есть, и нужно помочь ему изжить их. Без достаточных оснований мы не можем выразить ему политическое недоверие. Я против отвода его из состава президиума.

Мишакова, тем не менее, продолжала настаивать на своем. И вот - голосование. Ее предложение о выводе Сымокина из президиума собрало всего 37 голосов, абсолютное большинство

делегатов проголосовало за оставление его в президиуме.

Казалось бы, далее все войдет в нормальное русло. Но Мишакова смотрела на обстановку по-иному. На следующий день вечернее заседание началось с нового краткого выступления С.П.Петрова. Он сообщил делегатам, что во время обеденного перерыва Мишакова проинформировала по телефону ЦК ВЛКСМ, Косарева, который доволен выступлениями комсомольского актива, но недоволен высказываниями части делегатов, особенно секретарей райкомов, которые плохо критикуют работу обкома ВЛКСМ, его секретарей, Сымокина и совершенно не критикуют себя. Затем С.П. Петров добавил:

-Меня в перерыве тоже вызвали к телефону. Звонили из Отдела руководящих парторганов ЦК партии и сообщили: у них там имеются сигналы о том, что обком партии тормозит развертывание самокритики на комсомольской конференции. Товарищ Бурденко сказал, что надо обеспечить на форуме комсомола большевистскую самокритику и сделать из этого необходимые выводы для себя. Я еще утром говорил вам, что вчерашнее решение по Сымокину не должно явиться причиной ослабления критики работы обкома ВЛКСМ.

Здесь напрашивается еще одно отступление от изложения хода конференции.

В трудное положение поставил себя С.П. Петров, выступив в защиту А.Сымокина и попытавшись как-то образумить О. Мишакову. Он не поверил ее голословным заявлениям о «врагах». И тем самым, похоже, сделал свой последний шаг в западню. А оказался он в ней еще в первой половине года по материалам, представленным уполномоченным Комиссии партийного контроля ЦК ВКП (б) по Чувашии М.М. Сахьяновой: бюро Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП (б) объявило ему выговор с предупреждением за «связь и сращивание с троцкистами». Кольцо вокруг все сжималось, уже не один член бюро обкома партии, не говоря о многих других работниках, был исключен в Чувашии из ВКП (б) и обвинен во вражеских действиях.

Через год (когда С.П. Петров был уже давно снят с работы), людям, не согласившимся с абсурдной позицией Мишаковой, Сталин вынес не просто суровую, а жестокую оценку. Как и во всех других случаях, она тоже получила «всеобщее одобрение». Перелистывая подшивки газет тех лет, в том числе и наших республиканских, находишь в них уйму заметок и корреспонденций о многолюдных

митингах и собраниях, участники которых «в едином порыве» выражали свое возмущение и ... требовали «смести с лица земли проклятых изменщиков, шпионов, диверсантов и буржуазных националистов».

Но были и заложники вдвойне. Это те, кто в силу своего служебного положения обязан был стать для главных проводников репрессий опорой в проведении их преступной политики на местах. Сами по себе люди честные, преданные революционным идеям, они не разглядели коварства людей, борющихся за власть, и искренне поверили в то, что все происходящее в стране, в том числе и политические процессы, необходимы для дела социализма. Многие из них возглавляли на местах «тройки», особые совещания и активно громили «врагов народа».

К их числу относился и С.П. Петров, один из руководителей Чувашской АССР в годы довоенных пятилеток. Когда опасность нависла над хорошо известными ему людьми, он не раз пытался предотвращать расправу над ними, считая, что тут кем-то допущена ошибка. В целом же не приходится сомневаться в его полном доверии к проводимой Сталиным политике. (Кстати, много ли их было - не доверявших? Такие, как правило, уничтожались, находились в тюрьмах и лагерях или же жили, притаившись, ниже травы и тише воды). Не прощались сомнения даже по отдельным людям, если кто-то их окрестил уже «неблагонадежными». Через месяц с небольшим после областной комсомольской конференции С.П. Петров был смещен с поста первого секретаря обкома ВКП (б), отправлен на работу куда-то на Урал, через какое-то время исключен из партии, а затем и арестован.

Но вернемся на конференцию. Пошел пятый день ее работы. И начался он с довольно-таки пространным на этот раз выступлением Мишаковой. Камнем преткновения для нее оставлся Сымокин. Она сразу же заявила, что им должна заняться мандатная комиссия, что его, как ей кажется, направили в обком ВЛКСМ сознательно, только с одной целью - чтобы развалить работу. Он же, шляпа, ничего не замечет, хотя в аппарате сидят сын офицера, дочь городского, троцкисты, прохвосты и жулики, в редакциях - сплошь враги и двурушники (при этом перечислялся целый ряд фамилий).

Окрыленная, видимо, тем, что ее «сигналы» («о врагах народа, пробравшихся на конференцию») услышаны и поддержаны в Москве, она действовала теперь более настырно и нагло. Здесь говорили, продолжала она, что инструктор ЦК комсомола проводит в перерывах

агитацию среди делегатов. Верно, я агитировала за изгнание врагов народа, агитировала за линию партии, а тут попытались вызвать недоверие ко мне. И я оказалась в нехорошем положении, выступление товарища Петрова породило недоверие ко мне. Я об этом рассказала Косареву. Разве допустимо держать пособника врагов в президиуме? Его нельзя оставлять и в зале. И из комсомола надо Сымокина исключить.

Когда перед голосованием делегаты предоставили слово самому Сымокину, Мишакова, похоже, еще раз пошла на явную провокацию.

-Мы все время предоставляем трибуну врагу, - возмущалась она. -Он все говорит и говорит, крокодиловы слезы проливает, вы же расчувствовались и колеблетесь. А ведь телеграмма Косарева - именно насчет Сымокина. Я по этому вопросу конкретно говорила с самим Косаревым, а у вас все какие-то колебания.

Мишакова добилась своего, Сымокин был лишен делегатского мандата.

Тут, наверное, уместно сказать несколько слов о его судьбе. В год этой роковой конференции Александру Семеновичу Сымокину исполнилось тридцать лет. В 1924 году в родной деревне Синьял-Убеево он организовал и возглавил пионерский отряд, а через пять лет был выдвинут председателем областного бюро пионеров. Затем его утвердили заведующим отделом обкома комсомола, два года работал редактором газеты «Самрѣк колхознику» и журнала «Хатѣр пул». В 1932 году Александра Сымокина избрали первым секретарем обкома ВЛКСМ.

Забегая вперед, скажем: после XIV областной конференции ВЛКСМ, восстановленный в комсомоле и в партии, он некоторое время работал в редакции газеты «Чăваш коммуни», а затем был назначен директором Шихазанской МТС. Но вскоре подвергся аресту. Семнадцать лет провел он, оклеветанный Мишаковой, в тюрьме и сталинских лагерях. Реабилитированный после XX съезда КПСС, опять работал в редакции газеты и затем директором республиканского газетно-журнального издательства. И все годы (умер он в 1980 году) оставался активным общественником.

После удаления Сымокина с конференции Мишакова еще настырнее взялась за сведение счетов с «непокорными», с теми, кто высказывался против ее предложений. По ее настоянию были исключены из комсомола и сняты с работы целая группа секретарей райкомов ВЛКСМ и некоторых других делегатов.

В Чебоксарах Мишакова побывала в возрасте 31 года. Возраст, когда некоторые люди начинают усиленно заботиться о

своей карьере, хотя у нее не было особого повода жаловаться на судьбу. Дочь чернорабочего и крестьянки из Западной области, она окончила Московский госуниверситет, затем - аспирантуру, два года работала в научно-исследовательском институте труда, потом преподавателем в одном из вузов Москвы. В 1936 году ее взяли в аппарат ЦК ВЛКСМ инструктором отдела пропаганды и агитации. Не обделила ее природа, по словам встречавшихся с ней в Чебоксарах, и привлекательной внешностью.

Какой линии держаться на комсомольской конференции в Чебоксарах, чего добиваться? На такие вопросы Ольга Мишакова, судя по всему, получила ответы на IV пленуме ЦК ВЛКСМ, прошедшем в августе 1937 года, то есть незадолго до приезда в Чувашию. Созванный по инициативе Л.М. Кагановича, А.А. Андреева, Г.М. Маленкова, этот пленум явился началом публичного судилища над комсомолом, точнее - над его руководителями. Была придумана версия, что тысячи комсомольцев переродились в «оголтелых врагов народа». Она, видимо, нужна была им для того, чтобы втянуть массы молодежи в «разоблачение неугодных» и тем самым покончить с мнением, что в комсомоле нет врагов Советской власти, а заодно припугнуть сомневающихся. Десятки членов ЦК комсомола, многие секретари обкомов были обвинены во враждебных действиях или в связях с врагами.

Мишакова, похоже, пыталась организовать нечто подобное и на конференции комсомола Чувашии. Что ее толкнуло на такую решимость? Может быть, развернувшаяся в стране оголтелая пропаганда по «выкорчевыванию шпионов и вредителей», может, стремление быть в первых рядах разоблачителей. Возможно, сказалось и влияние мужа (от некоторых комсомольских активистов тех лет приходилось слышать, что он был сотрудником органа госбезопасности). Но осуществить задуманное в полной мере в Чебоксарах ей все же не удалось.

Закончилась XIV Чувашская областная конференция 7 октября. От этого местного форума исследователи расправы над комсомолом проводят прямую линию к УП пленуму ЦК ВЛКСМ, который открылся в Москве 19 ноября 1938 года. Так что между ними - расстояние более чем в год. И Ольга Мишакова все эти месяцы даром не теряла.

Вернувшись из Чебоксар в Москву, она взялась строчить разоблачительные письма. В первом из них, направленном Косареву, говорилось о вражеских пособниках - секретарях Чувашского

обкома ВЛКСМ А.Сымокине, И.Терентьеве и других комсомольских работниках республики. В следующей докладной записке она жаловалась на органы НКВД Чувашии, которые «скрывают врагов и буржуазных националистов». Косарев распорядился оба ее письма направить в архив, хотя по инструкции обязан был переправить их в органы НКВД. Другое свое письмо Мишакова отправила в Чебоксары, уполномоченному Комиссии партконтроля ЦК ВКП(б) по Чувашской АССР М.М. Сахьяновой. В нем содержалась кляуза по поводу «подозрительных действий» первого секретаря обкома партии С.П. Петрова. Такой же донос поступил от нее, возможно, через ту же Сахьянову) и в ЦК ВКП (б) - Маленкову.

И уже 6 ноября 1937 года постановлением ЦК ВКП(Б) С.П. Петров был освобожден от работы. Через неделю это решение обсуждалось на пленуме Чувашского обкома партии. Тут возникает вопрос: неужели одна лишь кляуза инструктора ЦК комсомола сыграла такую роль в его судьбе? Наверное, нет, письмо Ольги Мишаковой, скорее всего, явилось лишь поводом, чтобы «закрыть» затянувшееся дело. Предъявили же первому секретарю Чувашского обкома партии прежде всего другие обвинения. К тому времени почти все члены бюро, в том числе второй секретарь обкома Я.А. Андреев, председатель ЦИКа А.Н. Никитин, председатель Совнаркома В.И. Токсин, были уже «разоблачены». На пленуме их обвинили, особенно первого секретаря обкома, в том, что они «нередко сопротивлялись исключению из партии переродившихся коммунистов», что по их вине с большими затруднениями проходила в Чувашии борьба с буржуазными националистами. Выступившая на пленуме с главной обвинительной речью Мария Сахьянова почти полностью посвятила ее «попустительству» С.П. Петрова местным националистам.

Наверное, читателю небезразлично ознакомиться с доводами Сахьяновой. С.П. Петров не обеспечил, утверждала она, выкорчевывание врагов народа и ликвидацию последствий вредительства. Для буржуазных националистов в Чувашии были созданы легальные условия деятельности. Прикрываясь «Обществом изучения родного края», «Обществом изучения чувашской культуры», они пропагандировали идею реставрации капитализма, отрыва чувашского народа от Советского Союза. Под этими обществами скрывалась буржуазная националистическая партия, которая выступала против Советской власти. Они

распространяли теорию болгарского происхождения чувашского народа и жаждали установить связи с оголтелыми фашистскими буржуазными государствами для своей контрреволюционной, шпионской работы. Петров и сам являлся членом этих обществ.

Сахьянова не забыла напомнить участникам пленума и о своих личных заслугах в «выявлении врагов». Вначале, правда, пожаловалась, что «не встречала поддержки у актива Чувашской парторганизации», что ей тут трудно было вести «разоблачительную работу», но тут же заявила, что тем не менее выполнила ее, «даже встречая сопротивление». В конце она заметила (ах, какая скромность), что «некоторая задержка в разоблачении врагов народа и ликвидации последствий вредительства произошла лишь потому, что ее в Чебоксарах «не было долгое время».

Между прочим, в последних ее словах содержится существенная информация. Уполномоченного КПК по Чувашии Сахьянову ее московские опекуны считали, видимо, таким надежным и неутомимым «разоблачителем врагов», что несколько раз направляли из столицы Чувашии в другие районы страны. Так, осенью того же года, когда в Чебоксарах состоялась комсомольская конференция, она вместе с Маленковым и Микояном находилась в Армении, где они провели жестокую «чистку» партийных и государственных органов, в результате которой погибли тысячи ни в чем не повинных людей. По возвращении из Еревана (в конце октября) и прочла она письмо Мишаковой. В начале ноября, как видим, оно уже сработало...

Многие, кому приходилось сталкиваться с Мишаковой, оценивали ее поведение как шантаж, кляузу, а в лучшем случае - невежественное заблуждение. Но ее и боялись, справедливо полагая, что за ней стоят весьма внушительные силы. Возможность осудить ее действия появилась в начале 1938 года, когда на пленуме ЦК ВКП(б) было признано, что в ходе «очищения» партийных рядов допущались серьезные ошибки и извращения.

22-24 февраля в Чебоксарах прошел пленум обкома партии. Ставший два с лишним месяца назад первым секретарем обкома Г.И. Иванов в своем докладе сообщил, что в Чувашии уже исключены из комсомола 799 человек и многие - без какой-либо вины. Секретарь обкома ВЛКСМ И.Терентьев, секретарь Чебоксарского горкома комсомола Н.Чекмарев, редактор газеты «Самрăк большевик» (Молодой большевик) П.Яшевский, секретарь Урмарского райком ВЛКСМ С.Павлов на комсомольской

конференции были объявлены врагами народа, затем исключены из партии и сняты с работы. В постановлении пленума отмечалось, что принятие такого решения в значительной мере объясняется позицией О.П. Мишаковой.

На другой же день по приезде в Чебоксары, говорил докладчик, инструктор ЦК ВЛКСМ потребовала перенести начало комсомольской конференции, ибо, по ее мнению, среди делегатов имелись враги. Ей доказывали, что нет оснований утверждать подобное. Но Мишакова занялась, тем не менее, «чисткой» старого состава обкома ВЛКСМ. Первое требование к выступающим делегатам у нее было такое: разоблачать врагов в составе обкома ВЛКСМ. Но поскольку таковых не находилось, она потребовала изгнать из конференции секретарей обкома комсомола и ряд других делегатов. На конференции ее не раз одергивали, на ее неверную позицию указывало и срочно созванное заседание бюро обкома партии. Но в ответ Мишакова в своем выступлении заявила: «Обком партии хочет создать трещину между делегатами конференции и представителем ЦК ВЛКСМ...».

Ее провокационное поведение в Чувашии осудило и расширенное бюро ЦК ВЛКСМ, состоявшееся 15 марта 1938 года. Было признано, что она «допустила грубейшие ошибки, в силу чего люди честные, преданные партии зачислялись в разряд политически сомнительных, а то и пособников врагов народа». Поведение Мишаковой обсуждалось и на собрании аппарата ЦК комсомола, где ей выразили недоверие. И она была уволена из аппарата Центрального Комитета ВЛКСМ.

Будто бы правда восторжествовала сполна. К сожалению, Мишакова не испытывала мук совести и не складывала оружия. В июле она отправила еще одно письмо в ЦК комсомола. «В комсомольской организации Чувашии и сейчас не ведут борьбы с врагами народа, успокоились и всех амнистировали», - информирует она А. Косарева и требует «внимательно присмотреться» к бывшим секретарям обкома и райкомов комсомола А. Симокину, И. Терентьеву, П. Жемчугову, Н. Теплову, И. Иванову. В ЦК ВЛКСМ не стали предпринимать что-либо и по этому письму, поговорили с его автором и сочли дело законченным.

Мишакова, вероятно, решила, что терять ей нечего и отправила письмо-донос главному исполнителю репрессий шеф-палачу Н.И. Ежову (в Наркомат внутренних дел). В управлении госбезопасности НКВД по каким-то соображениям решили

допросить по нему заявительницу. Но кому и зачем нужны были дополнительные ее разъяснения, уточнения? Возможно, кому-то надо было удостовериться, насколько автор письма «подкована» в своих обвинениях «врагов». И надо же случиться такому, что спустя 55 лет среди архивных документов полный текст протокола допроса попался на глаза автору этих строк. В своих ответах на вопросы следователя Мишакова обвиняет десятки людей, занимающих разные должности, касается многих событий, происходивших в Чувашии. Первый вопрос, заданный автору письма, зафиксирован в протоколе допроса в следующем изложении: «В поданном Вами заявлении на имя народного комиссара Внутренних дел СССР т. Ежова Н.И. указано на факты антисоветской деятельности бывших работников Чувашской АССР Розанова, Петрова, Сымокина. Скажите, откуда вам известны эти факты?»

Мишакова: В сентябре-октябре 1937 года, выполняя задание ЦК ВЛКСМ по руководству Чувашской областной комсомольской конференцией, я ознакомилась с работой обкома комсомола и частично – обкома ВКП (б), а также общим положением в республике. Я пришла к выводу, что тут орудует шайка под руководством секретаря обкома ВКП(б) Петрова, а нарком внутренних дел Розанов ведет себя странно и даже подозрительно. У меня создалось впечатление, что он прикрывает Петрова и его компанию, в частности, разоблаченных бывших комсомольских работников.

Из показаний Мишаковой вытекало, что она в Чувашии «абсолютно всюду видела замаскировавшихся подлецов». Всюду, «где приходилось мне бывать, - утверждала она, - на ответственных постах сидели люди «с прошлым». Так, в председателе Комитета по делам физкультуры и спорта К.М. Ефремове она разглядела «матерого троцкиста», а в руководителях аэроклуба Биктемирове и Александрове – «враждебных людей». Ей ничего не стоило заметить и то, что летная школа «сильно засорена чуждыми и сомнительными элементами – детьми торговцев, кулаков, офицеров царской армии, что молодежь в школе спаивали, разлагали, отравляли бензином». Не скрылось от нее, разумеется, и то, что «открыто ведет антисоветскую работу директор музучилища С.М. Максимов».

В число подозрительных или враждебных Мишакова относила и зав.отдела пропаганды, агитации и печати обкома партии Х.М. Раськина, «посылавшего бывшего редактора молодежной газеты

П.Яшевского в один из погранрайонов, якобы за бумагой, и зав. Советско-торговым отделом обкома ВКП(б) И.Ф. Филиппова, который, будучи секретарем райкома партии, «долгое время держал на посту зав.райзо белогвардейца». В Чувашии, уверяла Ольга Павловна, газеты использовались для провокаций против Советской власти. В редакциях открыто орудовали приятели ныне арестованной шпионки И.П. Кузнецовой – бывший корреспондент ТАСС М.П. Морозов, сотрудник «Красной Чувашии» И.В. Новиков и другие. Возмущалась Мишакова и тем, что партийное и комсомольское руководство в районах Чувашской АССР «исключительно засорено», что на партийную работу «переводились провалившиеся комсомольские секретари», например, Константинов (Аликовский район), Добриков (Вурнарский район) и другие, а бывший секретарь Шумерлинского горкома ВЛКСМ Чудаков, «имевший связи с троцкистами и лишенный политического доверия на комсомольской конференции, был назначен председателем ОСО».

«Примерно 27-28 сентября я пришла к Розанову, - сообщала далее бывший инструктор ЦК комсомола Наркому внутренних дел, - с просьбой о проверке группы подозрительных секретарей райкомов ВЛКСМ. В разговоре я выразила удивление, что в Чувашии свободно разгуливает много враждебных людей. Для примера привела фамилии бывшего зав.отделом школ и культсоветработы обкома партии И.Д. Кузнецова и бывшего председателя Комитета по делам искусств А.И. Золотова. Эти люди были разоблачены, исключены из партии, но находились на воле. Розанов заявил, что винить в этом надо царское правительство, которое слишком мало построило в Чувашии тюрем и людей некуда сажать».

Далее допрашиваемая возмущалась разоблаченными врагами народа, буржуазными националистами В.И. Токсиним (бывшим председателем Совнаркома) и А.Н. Никитиным (бывшим председателем ЦИК), которых «обком ВКП (б) в лице С.П. Петрова не желал исключать из партии, поскольку сам являлся ярым буржуазным националистом».

Не забывала Мишакова подчеркнуть на допросе и про свои заслуги в выявлении врагов на конференции. Прежде всего, Александра Сымокина – «любимца, воспитанника С.П. Петрова и связанного с врагом народа, бывшим секретарем Горьковского крайкома комсомола Леоном и бывшим секретарем ЦК ВЛКСМ Белобородовым, а также Ивана Терентьева, который открыто насаждал в райкомах и горкомах подозрительных людей. Оба они

распространяли «враждебную установку», что среди комсомольского актива Чувашии нет врагов народа». Дальше в допросе идут фамилии редакторов двух газет: «Самрăк большевику» - П. Яшевского и «Пионер сасси» - Е. Орловой, «буржуазной националистки, защищавшей врагов народа при исключении их из партии (заступалась на собрании за заместителя редактора газеты «Красная Чувашия» Г.М. Титова) и использовавшей партийную печать в целях контрреволюционной работы (выступила со статьей против применения смертного приговора к М.В. Секачеву, осужденному к расстрелу). Сюда же примыкают в протоколе допроса фамилии других комсомольских работников: Н.Чекмарева – секретаря Чебоксарского горкома, И.Петрова, И. Иванова, П.Жемчугова, Н.Теплова, А.Соловьева – секретарей Марпосадского, Красночетайского, Ибресинского, Шемуршинского, Цивильского райкома ВЛКСМ.

Как доказывала заявительница, Розанов «выгораживал Сымокина потому, что тот был тесно связан с С.П. Петровым». Об их связи, уверяет Ольга Мишакова, ей сообщила работница КПК Чувашии.

Мишакова: И все же на конференции он был разоблачен как пособник врага. И тогда было срочно созвано бюро Чувашского обкома ВКП(б). Мною был поставлен вопрос о неправильном поведении Петрова, я требовала от бюро, чтобы он исправил ошибку, допущенную им, он мешает проводить конференцию и разоблачать врагов, в частности Сымокина. Розанов встал на защиту Сымокина... решение бюро было такое: оказать ему политическое доверие, а представителю ЦК ВЛКСМ сделать доклад об ошибках Центрального Комитета комсомола. Такое предложение внес второй секретарь обкома ВКП(б) Г.Иванов и оно было принято единогласно. Только после вмешательства Маленкова, который звонил Петрову, тот изменил свою тактику. После этого я утром спросила у Розанова: отменило ли бюро свое решение? Он ответил, что нет, и стал меня ругать. Но на конференции Петров и Розанов не посмели выступить за Сымокина. Петров принужден был оправдываться, а Розанов – голосовать за удаление Сымокина с конференции... Под напором фактов, разоблачающих враждебных людей, в частности, Орлову, Терентьева, Яшевского, Розанов вынужден был согласиться, что они враги народа. На мое требование изъять их Розанов заявил, что он сделает это в ближайшие дни, потому что сейчас очень занят. В доказательство своей занятости сказал, что он в короткий срок

репрессировал 700 человек. Разговор этот происходил в его кабинете.

...Таково краткое содержание протокола допроса Мишаковой. Кроме приведенных здесь, она упомянула в нем и множество других фамилий «врагов». И удостоверила записанный следователем текст своей подписью, подтвердила, что с ее слов все записано верно.

Комсомольскую конференцию в Чувашии и допрос Ольги Мишаковой в Управлении госбезопасности страны, как было сказано, разделяет почти год. И его можно назвать годом ее бешеных атак на «подозрительных», «враждебных» работников Чувашской АССР и на Александра Косарева. Она обратилась с письмом и в партком при секретариате ЦК ВКП (б). И нашла тут поддержку: решения ЦК комсомола и собрания его аппарата по поводу Мишаковой были отменены. Но главную свою надежду бывший инструктор возлагала на послание, которое адресовала самому главному вождю Сталину.

«Я пишу не потому, - клялась она Сталину, - что меня лично обидели фактически за разоблачение врагов народа в Чувашии, что еще в марте 1938 года меня опозорили и уволили из аппарата Центрального Комитета комсомола, а потому, что я не могу пройти мимо таких фактов, когда сигналы, поданные в ЦК ВЛКСМ т. Косареву, остаются гласом вопиющего в пустыне». «Я помогала комсомольской организации Чувашии разоблачить врагов народа, боролась с ними в тяжелой обстановке на конференции, давала реплики, мне было там очень тяжело, враги все время мешали мне, дискредитируя меня, - плакалась Мишакова и жалобно зывала: - Дорогой товарищ Сталин, я прошу Вас проверить, почему не были приняты меры по моим сигналам, по чьей вине враги народа в Чувашии еще остались не разоблаченными, не раскрытыми...»

В «верхах» будто только и ждали подобного сигнала, он, вероятно, очень был нужен там. Сразу же была дана команда: все проверить! А что это означало, догадаться не трудно. Так начался «звездный час» Ольги Мишаковой. На комсомол, на его строптивый Центральный Комитет обрушилась новая волна репрессий. Но не только на них. Не в меньшей мере доносы Мишаковой сыграли роковую роль для Чувашии. В Москве, похоже, были уверены, что в борьбе с «врагами народа» нельзя слишком полагаться на местных руководителей. Поэтому многих из них снимали с работы, сажали в тюрьмы, отправляли в лагеря и вместо них с центра направляли новые кадры. Во второй половине июля 1938 года в Чебоксары

прибыли сразу два посланца Москвы- А.А. Волков и П.И. Конякин. Первый был назначен председателем Совнаркома, второй – наркомом внутренних дел Чувашской АССР (вместо арестованного Розанова).

Говорят, народ должен знать своих героев. А как быть с антигероями? С теми, кто оставил кровавые следы в расправе над хозяйственными, советскими, партийными работниками, творческой интеллигенцией, служителями культа, крестьянами и рабочими?

А.А. Волкову, когда он приехал в Чебоксары, исполнилось 49 лет. О себе он говорил, что воевал в Красной Армии против Юденича, был комиссаром, а потом находился на советской, хозяйственной и партийной работе, в том числе немало лет – в составе контрольной комиссии. До направления в Чувашию около года работал секретарем ЦК партии Белоруссии. Образование – начальная школа и партийные курсы. Такое же образование было у И.П.Конякина, только курсы он окончил не партийные, а командирские. В органах НКВД находился с 1921 года. В последнее время работал в Москве начальником районного отделения НКВД.

С каким заданием приехали эти люди в Чувашию, отчетливо обнаружилось на пятой Чебоксарской партконференции, проходившей 13-15 сентября 1938 года и последовавшем за ней пленуме обкома ВКП(б). На конференции А.А. Волков, поддержанный секретарем партколлегии В.М. Шишкиным и инструктором ЦК ВКП (б) Козуляевым, обрушил лавину клеветнических обвинений на первого секретаря обкома и столичного горкома Г.И. Иванова, избранного на эту должность десять месяцев назад. Он бесапелляционно и с присущей ему наглостью заявил, что горком, обком партии и их руководитель не выполняют указание вождя Сталина о повышении революционной бдительности. Он не брезговал и прямыми провокационными приемами. Обвиняя Герасима Иванова в «гнилом буржуазном национализме», он приписал ему якобы публично сказанные им слова, что он «всех этих русских выгнал бы отсюда и на их место посадил своих». Волков уверял делегатов, что только теперь органы НКВД (при новом министре) заставили заговорить арестованных врагов и «нити уже стали разматываться», что в последнее время свободы лишены множество вредителей.

А на пленуме обкома партии, созданном через неделю, докладчик уже особо подчеркивает, что «эти люди разоблачены лишь благодаря тому, что ЦК партии направил в Чувашию новых

людей – Волкова и Конякина», которые «со всей настойчивостью и политической непримиримостью поставили вопрос о подлецах и мерзавцах». А направлены они сюда, как заявил на том же пленуме инструктор ЦК Козуляев, потому, «что руководство Чувашского областного комитета партии и его первый секретарь не выполнили указаний т. Сталина и решения пленумов Центрального Комитета о борьбе с правотроцкистскими и буржуазно-националистическими двурушниками». Г.И. Иванов был снят с должности и выведен из состава обкома. Кресло первого секретаря обкома партии по рекомендации представителя ЦК занял А.А. Волков.

Полное добивание бюро обкома во главе с Г.И. Ивановым, которое несколько месяцев назад осудило провокационные действия Ольги Мишаковой в Чебоксарах и восстановило в правах пострадавших от них людей, произошло в последнюю неделю сентября на XIX областной партконференции. Но Герасим Иванов на ней уже не присутствовал. Он был вызван в Москву, там же арестован и расстрелян.

Словом, письма Ольги Мишаковой, словно отравленные семена, давали ядовитые всходы и в Москве, и в Чебоксарах. Конечно, «выкорчевывание врагов» в провинциальной Чувашии для его организаторов тоже имело какое-то значение, но оно, надо полагать, все же не занимало большого их внимания. Письма Мишаковой привели к окончательному разгрому комсомольского штаба страны, потому что там, как высказывался Маленков, «не вели борьбу с врагами по-настоящему, а была только шумиха». И посему их следовало «убрать», заменить подхалимами и льстецами.

Сталин дал задание созвать пленум Центрального Комитета комсомола и вынести на него вопрос «О результатах разбора заявления работника ЦК ВЛКСМ». Обсуждался этот единственный вопрос на УП пленуме ЦК комсомола целых четыре дня (с 19 по 22 ноября). Туда были направлены Молотов, Жданов, Андреев, Маленков, выступить с основным докладом поручили Шкирятову. А в один из дней на пленуме неожиданно появился Сталин. Пленум по-существу был превращен в расправу над комсомольскими работниками. В качестве основных «обличительных документов» на нем использовались письма Мишаковой. Докладчик зачитывал обширные «справки» из ее клеветных доносов и до небес возносил ее «патриотизм и преданность партии».

Александр Косарев, потребовавший слова по поводу предъявляемых ею обвинений, заявил, что «от начала до конца здесь

сплошной вымысел”, а затем, как и другие работники ЦК комсомола, был объявлен «врагом народа». Арестовал Александра Васильевича лично Берия, назначенный вместо Ежова командовать НКВД, и 23 февраля 1939 года он был расстрелян.

А что же стало с Мишаковой? По предложению Маленкова, одного из ее опекунов, она оказалась секретарем ЦК комсомола. Вознесение ее на высокую должность было оплачено арестами и расправой как над многими способными, только еще начинающими активную трудовую и общественную жизнь молодыми, так и над повидавшими уже немало комсомольскими руководящими работниками.

Вскоре вопрос о Мишаковой, о “несправедливо нанесенных ей обидах и последствиях” был поднят и на пленуме Чувашского обкома партии (28 ноября 1938 года). Правда, все свелось к двум пространным косноязычным выступлениям А.А. Волкова. Пересказывать или комментировать их нет никакой надобности, ибо они содержат больше грубой брани и унтерпришибеевских угроз, чем серьезный анализ происходящих в Чувашии трагических событий. Например, Волков утверждал: “Работа по воспитанию комсомола в узконациональном русле шла в Чувашии и ранее, еще в бытность секретарями обкома ВЛКСМ Матвеева и Вострюка. Сейчас эта сволочь в наших руках. И Сымокин и Терентьев - тоже”. По стенографическому отчету пленума вполне можно судить об уровне нравственности и элементарной невоспитанности посланца ЦК и о его “решительных поступках по ликвидации сволочей”.

Что происходило в Чувашии в дальнейшем - догадаться не трудно: все заподозренные в смертных грехах люди, которых Мишакова называла в своих доносах, были вновь исключены из партии, арестованы и сосланы в лагеря. Новая репрессивная волна унесла не только многих комсомольских, но и партийных, советских, хозяйственных деятелей, работников науки, культуры, литературы и искусства, народного образования.

Нагнетанию страха, насаждению чувства вражды и подозрительности, репрессий и произвола в последние месяцы 1938 года в Чувашии в немалой мере способствовали невежественно-агрессивные доклады, речи и выступления Волкова. Похваляясь тем, как карательные органы республики “вырывают” показания у арестованных “заговорщиков, диверсантов, шпионов, двурушников и всякого другого охвостья”, он то и дело цитировал их “признания” в выгодном ему духе. В своем слепом поклонении идеям расправы

этот примитивный, но страшный человек опустился до того, что однажды ворвался в Цивильской тюрьме в камеру, где содержался С.П. Петров, и набросился на него с кулаками. От работников внутренних дел он требовал такой же жестокости к "врагам" и угодничества лично перед ним. Заподозрив, что Конякин не предан ему до конца, он вскоре расправился и с ним.

Между прочим, в марте 1939 года А.А. Волков стал делегатом XVIII съезда ВКП(б), того самого съезда, который поднял Ольгу Мишакову на высоту, доступную лишь избранным. Ей, члену партии всего-то с годичным стажем, было предоставлено право выступить на нем (при обсуждении доклада Жданова об изменениях в Уставе).

"Мне очень хочется рассказывать вам о той огромной помощи, которую оказал мне товарищ Сталин, - верещала она с трибуны съезда. - Будучи в 1937 году на комсомольской конференции в Чувашии, я помогла разоблачить врагов народа. Косаревская банда, окопавшаяся в Центральном Комитете комсомола, всеми силами и средствами старалась спасти этих людей от разоблачения... Я обратилась к товарищу Сталину с письмом и сообщила ему о неполадках в ЦК комсомола. Товарищ Сталин, несмотря на свою занятость, нашел время ознакомиться с моим письмом. И через два-три дня я получила ответ и была вызвана к т. Шкирятову, которому товарищ Сталин поручил детально расследовать это дело"... Закончила она свое выступление здравицей в честь "родного и любимого учителя и друга молодежи". Делегаты провожали ее стоя. в зале гремели, как сказано в стенографическом отчете, "продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию".

Вот так, с триумфом для нее, и завершилась история приезда Ольги Мишаковой в Чувашию для разоблачения врагов партии, Советской власти и связанных с ним последующих событий. В летопись жизни населения республики они вошли кровавой страницей, которую невозможно читать без содрогания. Но многие годы и читать-то было нечего, она оставалась под запретом, документы о ней хранились под семью замками, к ним ни для кого не было доступа. Но, как гласит чувашская поговорка, лавка жизни весьма просторна и в ней может разместиться многое, даже самое неожиданное. Хотя людей, столкнувшихся с Мишаковой и хранящих горькую память о ее безумии, с годами в Чувашии становилось все меньше, но после реабилитации обвиненных была убрана завеса секретности и с ее безумных поступков.

А что же стало с ней самой? Хочется верить, что никакое зло не проходит в мире безнаказанно. Пришла пора, когда и ей пришлось

взглянуть на лик своей неприглядной судьбы. В ЦК комсомола она пробыла восемь лет. Затем девять лет работала инструктором ЦК КПСС. И в 1956 году ей пришлось держать ответ за свое разоблачительное рвение, т.е. за клевету и шантаж, обильно примененные ею в пору репрессий. Говорят, после этого ее поразила психическая болезнь - сумасшествие.

Неверно, что все это. как считают иные, - дела давно минувших дней, что воскрешать их теперь, когда едва успеваешь переваривать даже сегодняшние события жизненных перемен, не так уж и важно. В ответ на это хочется напомнить народную мудрость, что слов из песни не выкинешь. Не вырвешь и страницы из истории жизни народа, какими бы они ни были. Наоборот, приходится восстанавливать кем-то забытое, утерянное, выкинутое и вырванное, чтобы извлечь из них уроки, которые нужны для осмысления настоящего, а еще больше, может быть, для определения достойных, цивилизованных, справедливых и гуманных путей в будущее.

ТРАГЕДИЯ НА БЕРЕГУ СУРЫ

О ЧЕМ НАПОМНИЛИ ФОТОСНИМКИ

Эти снимки, сделанные еще в сентябре 1933 года, через 59 лет вновь оказались в редакции «Советской Чувашии». Они представляют собой фоторепортаж, посвященный событиям, которые взволновали в те дни жителей и Чувашии, и всей нашей страны, и Польши. В этой документальной летописи специального корреспондента «Союзфото» В. Тёмина всего 12 кадров. Сняты они во время его срочной командировки в Ядрин - 13, 14 и 15 сентября. А затем были присланы из Москвы в редакцию республиканской газеты. Но снимки остались неопубликованными, это было просто невозможно. Главлит в те годы строго следил за тем, чтобы в газеты не попали фотографии иностранцев и военных лиц. Снимки исчезли, словно испарились, будто их никогда и не было. И вдруг, словно дар судьбы, все 12 фото (с указанными на обороте точными датами, фамилиями людей и т.д.) вновь очутились в руках журналиста.

На одном из снимков изображены обломки разбившегося аэроплана (так называли в печати летательные аппараты почти до начала Великой Отечественной войны). Они были засняты фотокорреспондентом вблизи села Засурье, что в двенадцати километрах от Ядрина. Накануне в центральных газетах появилась заметка «Гибель польского самолета». «11 сентября около города Ядрина Чувашской Республики разбился польский самолет, - говорилось в ней, - который вылетел в беспосадочный полет Варшава - Красноярск». Напечатали газеты и переданную из Польши корреспондентом ТАСС информацию: «Весть о трагической катастрофе произвела в Варшаве тяжелое впечатление. Вся печать сообщает о мерах, предпринимаемых советскими организациями для оказания помощи польским летчикам».

На этом аэроплане спортивного типа весом немногим более полутонны совершали полет два смельчака - директор департамента гражданской авиации Польши господин Филиппович и пилот Леваневский. Они планировали установить международный рекорд, пре-

одолев без посадки расстояние от Польши до Енисея. Вылетели авиаторы из Варшавы 11 сентября в 13 часов дня по московскому времени. Погода благоприятствовала им. В 19 часов 10 минут они пролетели над Москвой и взяли курс на Арзамас. Спустя еще два часа внесли поправку по направлению на Казань.

Но погода начала портиться, стали попадаться дождевые облака. Решили продолжить полет над ними, пилот прибавил обороты мотору и повел машину с набором высоты. Но облачность, в которой они очутились, была, вероятно, весьма плотной и внушительных размеров. Самолет шел в абсолютной темноте, летчик вел его лишь по светящимся приборам. Их швыряло то вверх, то вниз, бросало из стороны в сторону. Хотя мотор продолжал рокотать, но Филиппович вдруг понял, что машина стала неуправляемой, - она оказалась в штопоре. Самолет был перегружен горючим и всем, без чего невозможен длительный беспосадочный перелет, и усилия летчика по выводу его из штопора оказались безуспешными. Филиппович стал надевать на себя парашют, но сделать это было не так-то просто: огромное центробежное давление прижало его к сидению. Мотор уже не работал, пилот выключил его, чтобы избежать взрыва при ударе об землю. Директор департамента так и не смог полностью застегнуть парашют, он потерял сознание... Самолет ударился о землю.

Эта трагическая картина предстает из заявления самого г-на Филипповича, напечатанного в газете «Красная Чувашия» через девять дней после катастрофы.

Позже жители Засурья вспоминали, что примерно в то же время они слышали рокот самолета, приближающегося со стороны Суры. Но вскоре все стихло, а через минуту-другую на взгорье за селом раздался сильный грохот. Молодого бородатого мужика-крестьянина, обутого в лапти, он застал недалеко от сельской околицы. Почувяв что-то неладное, мужик кинулся на взгорье. И вскоре увидел в сумерках какие-то причудливые обломки, разбросанные по краю большой поляны, а потом услышал стон человека.

Однако, обратимся вновь к рассказу директора департамента. Он пришел в себя, лежа в середине обломанного фюзеляжа, и постарался скорее выбраться из него, опасаясь пожара. Позже в беседе с журналистом он довольно подробно сообщил о выпавших на его долю переживаниях. «Услышал голос какого-то мужчины, но его самого в потемках не видел. Он крикнул, можно ли подойти ближе. Опасаясь злого умысла и ограбления, я вынул револьвер и

попросил его подойти поближе. Он сделал несколько шагов и остановился, заметив в моей руке револьвер. На мой вопрос, кто он такой, ответил, что здешний, деревенский. Я спрятал револьвер и попросил его передвинуть меня подальше от аэроплана. Потом по моей просьбе он обошел вокруг обломков машины в поисках моего товарища - пилота Леваневского. Я надеялся, что после выключения мотора Леваневский выпрыгнул с парашютом. Но мужчина никого не нашел. Я попросил его пойти за людьми, которые перенесли бы меня в деревню, так как у меня болела нога и ходить не мог».

Человеком, кто первым помог польскому авиатору, был рабочий Засурского совхоза Иван Данилов. Отправившись в деревню, он быстро поднял там на ноги нужных людей. И минут через двадцать подвез к месту катастрофы сельского фельдшера Петра Архипова. Раненого привезли в помещение Засурского сельсовета, и там фельдшер промыл, перевязал ему раны и ушибы на лице и руках. Сельчане проявили к нему подлинное сочувствие и отзывчивость, чувство гостеприимства.

А рано утром из Ядрина приехали председатель исполкома райсовета Н.В. Васильев, заведующий Ядринской больницей, широко популярный в стране хирург К.В. Волков и секретарь райкома партии Г.И. Иванов. Осмотрев пострадавшего, врач обнаружил легкие раны на его руках и ушибы на левой ноге. И директора департамента польской гражданской авиации сразу перевезли в Ядрин.

Еще ночью председатель колхоза «Красноармеец» Иванов, председатель сельсовета Филимонов организовали поиск пилота Леваневского. Тело его разыскали на рассвете. Оно было обнаружено совсем недалеко от разбитого самолета в овраге, сплошь заросшем кустарником. Рядом с трупом лежал нераскрывшийся парашют. Очевидно, пилот выпрыгнул из самолета поздно, когда расстояние до земли оставалось явно недостаточным, чтобы раскрыться парашюту.

Фамилия Леваневского в нашей стране широко известна. Она принадлежит прославленному советскому летчику, одному из первых Героев Советского Союза (1934 г.), участнику спасения челюскинцев, совершившему беспосадочный перелет Лос-Анджелес - Москва и погибшему во время перелета через Северный полюс (1937 г.) Сигизмунду Александровичу Леваневскому. А под Ядри-

ном так трагически прервалась жизнь его родного брата Юзефа Александровича.

Как же оказались братья гражданами разных стран? Леваневские - поляки. Их отец со своей семьей в конце девятнадцатого века в поисках лучшей доли переехал из Польши в Петербург. Но жизнь не сложилась и здесь. Когда отец умер, семья вернулась в Польшу, в родной город Соколки. Но Сигизмунд остался в России, хотя старшие братья Владислав и Юзеф уговаривали его поехать с ними. Младший Леваневский служил в Красной Армии, стал командиром, знаменитым летчиком военно-воздушных сил. Но небо, как видим, притянуло к себе и его брата Юзефа. Он тоже стал в Польше известным летчиком, потому и взял его в свой экипаж директор департамента авиации. Братья должны были встретиться в Москве после сверхдальнего полета польского экипажа. Так бы, вероятно, и произошло, если бы не трагедия...

На второй день после катастрофы для оказания помощи на месте в Ядрин прибыли заместитель председателя Совнаркома Чувашской АССР М.В. Шевле и прокурор республики В.В. Анчиков. Они выразили г-ну Филипповичу соболезнование правительства республики по поводу постигшего несчастья. В тот же день из Москвы прилетел сюда председатель Центральной аварийной комиссии Ефремов. Прилетели в Ядрин и помощник командующего Приволжским военным округом комбриг П.П. Юсупов, помощник начальника Всесоюзного объединения транспортной авиации Каплан, секретарь польской миссии в Москве Станислав Забелло и польский журналист.

14 сентября жители Ядрины и района провожали в последний путь польского летчика. Попрощаться с ним в райцентре собрались более двух тысяч человек. В почетном карауле у гроба Юзефа Леваневского стояли рабочие и колхозники, служащие, осоавиахимовцы и военные. После траурного митинга гроб с телом летчика под звуки оркестра был пронесен на руках по главной улице города и далее - до самолета, стоявшего в поле. «Я видел искреннее сочувствие людей и слезы на глазах у многих и многих, что меня глубоко тронуло», - говорил потом соратник покойного Филиппович.

Гроб с телом со всеми почестями был отправлен на родину.

Через день «Красная Чувашия» опубликовала заявление секретаря польской миссии. «Увозя с собой тело нашего трагически

погибшего летчика Леваневского, - говорилось в нем, - прошу передать через посредство печати Чувашской АССР глубокую признательность посольства Польской республики в Москве и польского общественного мнения за исключительную отзывчивость и распорядительность властей и трудящихся Чувашской АССР. Быстрая помощь, оказанная раненому директору департамента гражданской авиации Филипповичу, и внимательный уход за ним, равно как и проявленная колхозниками Ядринского района инициатива по оказанию помощи аварийному самолету, розыску тела погибшего летчика, возбуждают чувства искренней благодарности и стоят выше всяких похвал».

Директору департамента было передано предложение советских медиков долечиваться в Москве. Но он предпочел остаться в Ядрине, ибо постоянно чувствовал, какую заботу проявляют о нем и главный врач больницы К.В. Волков, и лечащий врач А.М. Берсевич, и весь персонал лечебницы. Каждый день его навещали и местные руководители, и приехавшие из Москвы товарищи. «Мне был организован такой прием, уход и лечение, - заявил Филиппович через несколько дней корреспонденту, - что я с удовольствием остался в Ядринской больнице до окончательного выздоровления... Я хочу засвидетельствовать, что в Ядринской больнице мне обеспечено не только квалифицированное лечение под опытным руководством врача Волкова, но и прекрасное, вкусное питание. Моя семья и мои друзья в Польше, пожалуй, и не поверят, что я перенес такую катастрофу».

В конце лечения - оно, судя по всему, длилось примерно одну неделю - господин Филиппович выразил свою благодарность правительству Чувашии, руководителям и трудящимся Ядринского района. Как мне удалось установить по одному архивному документу, в честь руководителя польского гражданина воздушного флота правительство Чувашии накануне его отъезда устроило в Чебоксарах прием.

По всем данным, польский авиатор уехал на родину в хорошем состоянии здоровья, что подтверждается и появившейся довольно скоро в советской печати заметкой ТАСС такого содержания: «Вечером 22 октября в Москву прилетели руководители польской гражданской авиации во главе с полковником Филипповичем. В беседе с представителями печати Филиппович заявил, что он и его соратники прибыли в Москву для ознакомления с достижениями

советской гражданской авиации».

На этом можно было бы и закончить комментарий к публикуемым снимкам. Но читатель вправе спросить: что стало впоследствии с людьми, причастными к этим ядринским событиям? В двух словах на это не ответишь, ведь прошло столько лет - чуть ли не жизнь целого поколения. К тому же о целом ряде упомянутых людей нет у автора каких-либо сведений. Но бесспорно одно: для многих, кого запечатлел фотокорреспондент и кто назван в материале, последующие годы оказались не только драматичными, но и трагичными.

Знаменитый хирург К.В. Волков, лечивший г-на Филипповича, в 1937 году за «связь с врагами народа» был исключен из партии, а затем лишен и звания члена ЦИК Чувашской АССР (им он был свыше десяти лет). Он оказался в поле зрения карательных органов. Не трудно догадаться, чем бы это кончилось, если бы не постигла его внезапная смерть. Стали жертвами террора и секретарь райкома партии, выдвинутый затем секретарем обкома ВКП(б), Г.И. Иванов, и заместитель председателя Совнаркома М.В. Шевле, и прокурор республики В.В. Анчиков. Есть среди пострадавших от сталинского террора и другие участники события.

В их числе - и журналист, который беседовал с г-ном Филипповичем и весьма толково записал его рассказ о полете, об аварии, о пребывании в Ядринской больнице. Но кто он, этот газетчик, - о том читатели не знают до сих пор (интервью печаталось в газетах республики без указания автора). И лишь недавно, когда я вел в архиве поиск материалов совсем о другом событии, мне попался на глаза документ, раскрывающий авторство названной публикации. Выяснилось, что оно принадлежит тогдашнему редактору «Красной Чувашии» А.М. Глуховскому. Через какое-то время он был назначен редактором русской республиканской газеты в Таджикистане и арестован там за «принадлежность к троцкизму». Не знаю, вменялось ли ему в вину связь с представителем буржуазной Польши, но попытка приписать такое обвинение другому сотруднику «Красной Чувашии», также осужденному в 1937 году «тройкой», четко зафиксирована в следственном деле.

... А в Польше легендарных летчиков помнят и поныне. В Соколках работает мемориальный музей их имени, который посещают и родственники, потомки Юзефа и Сигизмунда Леваневских.

ЭХО ТРАГЕДИИ

Прочтет порой иной из читателей материал в газете, и его тут же охватывает желание поделиться с работниками редакции своими мыслями, а то и сомнениями, какими-то новыми фактами, дополняющими публикацию. И он, взволнованный тем, что газета затронула важную для него тему или рассказала о событиях, в которых участвовали он сам или близкие ему люди, тут же садится за письмо или начинает набирать номера редакционных телефонов. В тот день, когда «Советская Чувашия» опубликовала фоторепортаж с комментариями журналиста «Трагедия на берегу Суры» (13.02.1992 г.) - в нем говорилось о серии неожиданно обнаруженных фотографий, сделанных в 1933 году после катастрофы польского самолета возле села Засурье Ядринского района, - сразу с утра позвонил в редакцию житель Чапаевского поселка Чебоксар.

- Меня зовут Геннадий Михайлович, - представился он. - А фамилия Анисимов. Работаю в объединении имени Чапаева руководителем подразделения. Газетный рассказ о фотоснимках далекой поры всколыхнул мою память. Может, говорю несколько сумбурно, но выслушайте меня... Звоню потому, что еще в детстве я уже видел похожие снимки. И не где-то, а в нашем же доме (доме деда) в деревне Сареево Ядринского района. Наверное, они крепко врезались в мое сознание, если до сих пор помню о них детально. От деда остался целый чемодан семейных фотографий. Среди них были и снимки, связанные с трагедией на Суре.

Был, например, такой снимок (по-моему, 9 на 12 см): на белом куполе парашюта, сложенном постелью, лежит мужчина лет 30-35, в летном шлеме, кожаном комбинезоне, перехваченном белыми парашютными лямками. Глаза закрыты. Запомнились правильные черты лица, слегка орлиный нос, брови дугой. Над левой бровью, по-моему, виднелась рассеченная полумесяцем рана. Изображение очень четкое, снимал, наверное, высококлассный специалист. Еще на двух фотографиях (немного пожелтевших, отпечатанных, вероятно, на бромистой бумаге) были запечатлены изуродованные части и узлы аэроплана. Виднелся и двухлопастный светлый пропеллер, одна лопасть была изогнута. На четвертом снимке, размером побольше, был виден одномоторный многоместный самолет с иллюминаторами (мой покойный отец говорил, что это машина фирмы «Юнкерс»), а перед ним стояли в ряд 10-12 человек, почти все в кожаных регла-

нах, некоторые с портфелями в руках, один или двое - в форме военных летчиков. Запомнился и такой снимок (пожелтевший, посредственного качества): возле телеги стоит возчик (в лаптях, рабочей фуфайке), а справа, ближе к объективу, - хирург К.В. Волков.

... Здесь, прервав рассказ телефонного собеседника, я не мог не заметить:

- Вы поведали об очень интересных фотографиях. Просто удивительно, как подробно запомнилось вам то, что было изображено на них.

- Мне ведь их в те годы приходилось рассматривать часто. А рассказывала мне о них моя мама - Антонина Николаевна. Уехал я из Сареева давно и никаких дедовских фотографий с собой не взял. Все эти годы в доме деда жили другие люди. Мне известно, что лет десять назад туда приезжали родственники (вроде бы) не то Филипповича, не то Леваневского. А проживавшая тогда в доме деда одинокая женщина передала им все фотографии.

- Кто же ваш дед, откуда оказались у него эти снимки?

- Дед мой - тот самый Н.В. Васильев, который не раз упоминается в газетной публикации. Есть он и на групповом фото... В настоящее время из четверых детей Николая Васильевича в живых уже никого нет. Дед умер от туберкулеза в поселке Вурнары в 1946 году. В разные годы он занимал разные хозяйственные должности, был директором леспромхоза, директором Ядринского спирта завода (где я и родился, кстати, в его кабинете в 1941 году). Будучи председателем райисполкома, он спас многих земляков от репрессий сталинского времени... Дед имел широкий кругозор, у него была хорошая (для сельской местности) библиотека, он выписывал много периодической литературы. Его дом в детстве для меня был храмом знаний и культуры...

На другое утро Геннадий Михайлович вновь позвонил в редакцию. Фоторепортаж «Трагедия на берегу Суры», похоже, и ночью не давал ему спать спокойно. Он сказал, что вспомнил еще какие-то подробности, связанные с фотографиями, и что одна из них может даже найтись в ближайшее время.

А спустя два часа я читал поступившее в редакцию письмо. Было оно от Ф.Е. Петрова, ветерана печати, много лет проработавшего редактором ядринской райгазеты «Знамя труда». В 1984 году

он опубликовал в «Советской Чувашии» корреспонденцию «Это случилось под Ядрином» (первая и единственная публикация о гибели польских летчиков в республиканских газетах после 1933 года).

«Я давно занимаюсь историей гибели известных летчиков братьев Леваневских, - сообщал Федор Емельянович в письме. - С известным московским журналистом Юрием Сальниковым побывали мы на квартире у дочери Сигизмунда Леваневского Элеоноры Леваневской, несколько лет вел переписку с младшей сестрой - Зосей Корнацкой, собрал десятки уникальных фотографий, несколько раз посетил село Засурье, разыскал трех очевидцев тех событий. Результатом этих поисков стали мои очерки о братьях Леваневских в ядринской районной газете в сентябре 1983 года. В следующем году райгазета продолжила публикацию моих корреспонденций на эту тему. В пятом номере журнала «Крылатая Польша» за 1984 год появилась большая моя статья «Летел в ночи самолет» с шестью фотографиями. Причем, снимки очень четкие и ясные... К сожалению, ваши нынешние фотографии исключительно безобразны, на них нельзя узнать лиц... Много фотографий мне удалось разыскать в семейном архиве бывшего председателя Ядринского райисполкома Н.В. Васильева, являющегося дядей моей жены».

Связавшись в тот же день с автором письма по телефону (он проживает в Чебоксарах), уточнили результаты его поисков и договорились, что некоторые интересные снимки он предоставит для публикации в газете вместе со своей корреспонденцией.

Кстати, номер квартирного телефона Федора Емельяновича подсказал нам известный в Чувашии скульптор А.К. Брындин, тоже откликнувшийся на фоторепортаж «Трагедия на берегу Суры».

- Прочитал напечатанный в «Советской Чувашии» материал и прямо-таки обалдел, - спешил выговориться Анатолий Константинович, разыскав автора публикации по телефону. - Елки-палки, сколько людей, оказывается, взволнованы ядринской историей! Я ведь тоже среди них, немало времени потратил на воплощение в скульптуре потрясшей меня трагедии, разработку проектов памятника братьям Леваневским.

И вот мы встретились со скульптором в его мастерской. Рассматриваем разложенные на журнальном столике фотографии: молодой Юзеф Леваневский в форме польского военного летчика; его брат Сигизмунд, оставшийся в СССР (фото 1937 года); обломки

польского самолета на взгорье вблизи Суры; памятник братьям Леваневским в Соколках...

- Это же не просто несчастный случай, а колоссальная социальная драма, - рассуждает скульптор, перебирая снимки. - Братья все время стремились друг к другу, но так и не встретились. А в памятнике хочется воплотить символ их подвига, как и дружбы и братства двух народов, их совместной борьбы с фашизмом... Когда лет восемь назад руководители конезавода решили увековечить их память и обратились ко мне, я побывал на месте катастрофы; там мы повсюду облазили и нашли отличную площадку для памятника прямо возле шоссе Чебоксары - Нижний Новгород. Она там, где дорога, спускаясь к Суре, делает крутой изгиб. Памятник будет наверху (в двухстах метрах от места падения самолета), внизу, впритык с дорогой, предусмотрена стоянка автомашин, а оттуда наверх протянутся лестничные проходы.

Рассказывая о воплощении замыслов, хозяин мастерской показал и макеты. По ним можно судить о направлении творческого поиска скульптора: устремленность, крылатость героев, оптимистическая трагичность происшедшего, сочетание всего этого в другом, уже третьем, варианте. Последний проект (архитектурная часть памятника выполнена В.Н. Филатовым) рассматривался в Ядрине руководством района, одобрен он был и на конезаводе. Словом, все было обговорено, согласовано еще 3-4 года назад.

- В последнем варианте мне хотелось четче передать идею и дух братства, - рассказывает Анатолий Константинович, ставя на стол макет памятника. - Вот эти два крыла - символы не только братьев, но и народов. С дороги они предстанут как бы в парении. Высота самого памятника 7-8 метров, отливать его предполагалось из меди или алюминия.

- Когда он будет изготовлен и установлен?

- Трудно на это ответить. В последние годы стали нарушаться все договоренности. На конезаводе, откуда исходила инициатива, нет теперь единодушия, совету трудового коллектива, видимо, не до памятника теперь. Но ведь не вечно же будем находиться в провале, дыре. Народу всегда, в трудные времена тем более, нужно возвышенное, духовное. Память о всем значительном должна жить! Если осуществим задуманное, это же для сотен тысяч - и современников, и потомков. Каждый, проезжая по трассе, хоть на

минуту да остановится у памятника, узнает, кому он посвящен, и проникнется его благородным духом.

Наверное, скульптор прав. Хотя трудно стало жить, но отказываться от задуманного, тем не менее, не стоит. Если ядринцы возьмутся за дело всем районом, они его, конечно, осияют. Возможно, захотят в нем участвовать не только ядринцы. Не так давно пресса сообщала, что польские издатели книги Памяти разыскивают советских воинов, участвовавших в освобождении Польши. А ведь их много и в Чувашии. Может быть, они тоже сочтут возможным выделить из скромной своей пенсии десятку или пятерку на сооружение памятника братьям Леваневским и польско-советскому братству на чувашской земле? Может быть, найдутся и многие другие, кто захочет присоединиться к благородному делу.

СЕМЬЯ ЛЕГЕНДАРНЫХ ЛЕТЧИКОВ

С большим интересом прочитал в газете «Советская Чувашия» от 13-го февраля статью Михаила Иванова «Трагедия на берегу Суры». Мне, долгое время занимающемуся историей гибели летчиков-братьев Юзефа и Сигизмунда Леваневских, хочется дополнить ее некоторыми фактами и фотографиями.

Мне удалось встретиться в Москве с дочерью Сигизмунда Леваневского Элеонорой. Три года переписывался с младшей сестрой братьев Леваневских - Зосей Корнацкой, живущей в местечке Константин, что неподалеку от Варшавы. Сообщая много интересного о своем брате Юзефе Александровиче, она прислала в письмах и несколько фотографий из семейного альбома. Удалось мне встретиться в Москве и с генеральным директором Польских авиалиний «Лет» Зигмунтом Рутковским и заведующим отделом Польского посольства в Москве Романом Стенжевским.

Юрий Петрович Сальников, известный журналист и кинодокументалист, автор книги «Жизнь, отданная Арктике» (о Герое Советского Союза С.А. Леваневском) посоветовал мне написать письмо польскому коллеге Рышарду Бадовскому. Являясь главным редактором «Клуба путешественников», он несколько лет занимается историей братьев Леваневских.

Наконец, мне удалось найти двух живых свидетелей этой трагической истории. Это Владимир Игнатьевич Ижеев, которому тогда было 22 года. Он работал водителем первой в районе автомашины (она принадлежала ядринской милиции). Другая свидетельница

Клавдия Иванова (девичья ее фамилия Караганова). Проживает она ныне в поселке Мыслец Шумерлинского района. Это они с Мишей Новиковым на второй день после трагедии нашли тело погибшего летчика Юзефа Леваневского.

Владимир Ижеев со своим начальником С.И. Артемьевым на другой день после аварии поехал на место происшествия.

- Подъехав к лесной поляне, мы увидели что-то невообразимое, - рассказывал В.И. Ижеев. - Всюду были обломки самолета: отдельно правое крыло, чуть поодаль - согнувшиеся лопасти пропеллера, далее - хвостовое оперение. На килевой части виднелось написанное латинскими буквами название самолета: PZL-XIX. Эти буквы означали «Польская забройная линия» (то есть авиалиния)...

В.И. Ижееву же было поручено перевезти в Ядрин обломки самолета. И он сложил их в сарае пожарного депо. Вскоре поступила телеграмма: все детали самолета велено было отправить поездом через Шумерлю в Москву, чтобы затем переправить в Польшу. Владимир Игнатьевич вспоминал и о других значительных деталях:

- Начальник департамента гражданской авиации Польской Республики господин Филиппович, которого я посетил в больнице, рассказывал, как они с Юзефом Леваневским готовились к полету Варшава - Москва - Красноярск. Для этого они переоборудовали двухместный туристской самолет первой категории. Он глубоко переживал гибель друга, который был замечательным летчиком, начинателем польской авиации. Филиппович говорил, что Юзеф Леваневский женился за две недели до трагического перелета. Перед вылетом они сфотографировались с женой возле самолета... Г-н Филиппович был тронут заботой и вниманием, которые он ощущал в больнице со стороны всего медицинского персонала, а также руководителей района и Чувашской Республики. Особенно много заботился о нем председатель Ядринского райисполкома Васильев, который ежедневно навещал его, приносил из дома свежий творог, сметану. Очень был благодарен польский авиатор и главному врачу К.В. Волкову.

В конце лечения, которое длилось немногим более недели, он, тепло попрощавшись с ядринцами, 21-го сентября уехал в Чебоксары. Здесь ему устроил прием председатель Совнаркома Чувашской АССР В.И. Токсин, на котором присутствовали многие руководители респуб-

лики. На следующий день полковник Филиппович отбыл на пароходе в Горький (ныне Нижний Новгород), а оттуда поездом - в Москву.

После прибытия в Польскую Республику г-н Филиппович прислал в Ядрин, на имя председателя райисполкома Н.В. Васильева и главного врача лечебницы К.В. Волкова, по три посылки с различными продуктами и всевозможными дорогими винами.

К сожалению, мои поиски директора департамента гражданской авиации Польской Республики Филипповича не увенчались успехом.

... Знал ли советский летчик Сигизмунд Леваневский о судьбе своего брата Юзефа? 15 лет не виделись они друг с другом. Не суждено было братьям встретиться.

... После годичной работы на Севере Сигизмунд (по-польски это звучит Зыгмунт) возвращался домой, но непогода задержала его в Киренске (город на Лене в Иркутской области). Зыгмунт отправился в редакцию местной газеты, чтобы узнать новости. Редактор показал ему телеграмму, в которой говорилось, что польский летчик Леваневский 11-го сентября разбился на территории СССР. Прочитав телеграмму, Сигизмунд сказал:

- Разбился мой братишка. В 1917 году мы вместе участвовали в Октябрьской революции. Как я мечтал встретиться с ним...

Лишь год спустя, в июле 1934 года, возвращаясь с женой Натальей из Лондона с авиационной выставки, смог он посетить варшавское военное кладбище Позонзки, где был похоронен его брат Юзеф. Сохранился и снимок: Сигизмунд возлагает венок на могилу брата, справа от него стоит младшая сестра Зося, тут же старший брат Владислав, чуть подальше сидит на скамейке их плачущая мать Теофила...

Еще раз Леваневский навестил родных в 1936 году, когда возвращался через Европу из США. Он поделился с родными своими планами и сказал, что если сможет, то приедет сюда в будущем году со всей семьей...

Сигизмунд Александрович вспоминал: «Моя мать, братья, сестра живут за границей, в Польше. Они выехали туда в начале 1919 года».

... Семье кузнеца Александра Петровича Леваневского трудно приходилось в родной деревне Сокулка, что вблизи Белостока (тогда Гродненская губерния). Перебрались в Петербург. Отец скончался в 1910 году, на руках у его жены Теофилы остались четверо

детей. Уже став помощником командира полка в Красной Армии, Сигизмунд узнал, что семья возвращается в родные места. «Я написал, - вспоминал С. Леваневский, - что не поеду с ними. Я мать свою очень любил, до слез мне жалко ее. Но все-таки ехать в Польшу отказался».

Младшая сестра братьев Леваневских Зося рассказывала: «Все три мои брата летали. Владик начал летать первым, в 1914 году, но поломал ребра. Юзеф и Зигмунт погибли трагически. Мой муж Вацлав Корнацкий, летчик, капитан польской армии, погиб в немецком концлагере в 1943 году. Владик, будучи на охоте, погиб также трагически. Мы были семьей авиаторов...»

После трагической гибели Сигизмунда Леваневского в августе 1937 года в просторах Арктики заботу о его матери взяло на себя Советское правительство.

Несколько слов о Юзефе Леваневском, о его коротком жизненном пути. После возвращения из Петербурга на родину он поначалу попал на службу в кавалерийский полк. В 1923 году попросился в школу военных летчиков. Словно сговорившись, братья окончили летное военное училище в один и тот же год - 1925-й, Сигизмунд - в Севастополе, а Юзеф - в польском городке Грудзендзе. После двух лет работы инструктором в той же военной школе Юзеф Леваневский был направлен в Париж для совершенствования летного мастерства и освоения новейших самолетов.

И снова служба в польских военно-воздушных силах, работа по подготовке молодых летных кадров. К тому времени ему, пилоту-инженеру, присваивается звание капитана польских вооруженных сил. Он был отличным пилотом, человеком отважным и волевым, общительным и жизнерадостным.

Порой у Юзефа проглядывались в характере черты лихой удали и отчаянности. Младшая сестра Зося вспоминает, как иногда он появлялся на самолете над родными Соколками, чтоб сбросить над домом письмо-весточку. А затем, проделав на глазах изумленных земляков с десятков фигур высшего пилотажа, удалялся в сторону своего аэродрома... Юзеф Леваневский был известным польским летчиком. Много писалось о нем в довоенных польских газетах. И его гибель явилась большой утратой для всей Польши.

Польский народ не забывает о подвигах братьев Леваневских. На их родине в Соколках 12 июня 1983 года в торжественной обстановке

новке был открыт музей. В качестве почетных гостей приехали из Советского Союза дочь и сын Сигизмунда Александровича - Элеонора и Владислав Леваневские. Приехала и младшая сестра братьев Зося Корнацкая. На открытии музея присутствовали и представители общества дружбы «Польша - СССР», сотрудники Дома советской культуры. А руководил церемонией открытия музея, организацией всего праздника начальник Центрального аэроклуба Польши бригадный генерал Владислав Гермашевский (старший брат польского космонавта Мирослава Гермашевского). Генерал подарил музею самолет тридцатых годов, который и установлен на пьедестале.

В завершение повествования мне хочется высказать мысль, которая возникла при встречах с родственниками семьи Леваневских. На месте гибели славного сына Польши в Засурье надо бы поставить памятник братьям-летчикам Леваневским. Еще при первой встрече директор Засурского коневодческого совхоза В.К. Политов сказал, что общественность и дирекция совхоза найдут средства для этого. В дело подключились тогда и руководители Ядринского района.

И место для памятника выбрали удачное, прямо на подъеме с Сурского моста, с левой стороны от трассы Нижний Новгород - Чебоксары - Казань. «Но теперь трудные времена, с деньгами становится сложно», - говорят уже в совхозе (кстати, это экономически крепкое и прибыльное хозяйство). Но мне думается, если общественность совхоза и района захочет сделать что-то доброе и полезное, она сможет осуществить замысел авторов памятника. Тысячи людей будут признательны ей за такой благородный порыв.

Ф. Петров, краевед.

ПЕСНИ ПРЕДКОВ

“Палнай. Чувашские баллады и песни”, - так называлось это издание Чувашгиза, с которым я впервые познакомился почти три десятка лет назад. В книге были помещены тексты свыше двухсот названий, собранные в разные годы в районах компактного проживания чувашей исследователями и любителями народной поэзии и народной песни. Составителем сборника и автором эссе о текстах, их толкователем в примечаниях выступал чувашский поэт Валем Ахун /В.О. Максимов/. Издание произвело на меня неизгладимое впечатление. Оно излучало сокровенные чувства и мысли народа о выпавших на его долю испытаниях, страданиях и надеждах, в нем ощущалась пестованная годами подлинная поэзия, светлая, как слеза. душа народа, его ни на минуту не перестающее биться большое, могучее сердце. Я не смог сдержать себя, взялся переводить на русский язык некоторые из песен и баллад, хотя никогда не считал себя мастером поэтического слова. С тех пор они и лежали среди разных бумаг. И теперь, пользуясь случаем, решил предать их гласности лишь ради напоминания подлинным чародеям поэзии и литературного перевода, чтобы они чаще вспоминали о своих добрых чувствах к жемчужинам народного творчества.

Михаил Иванов

СЛАВЕН БЫЛ БУЛГАР

Славен был Булгар, знатен был Булгар,
В нем дворцы как в Киеве блистали.
Славен был Булгар, знатен был Булгар,
Там послов приветливо встречали.

...Вихрем огненным грянул Судебэй¹,
И дворцы Булгара запылали.
Все он разорил и спалил, злодей,
Только пепел и зола остались.

Был неравный бой. Всех мужчин, парней
В том бою нукеры² перебили.

Стариков, старух и грудных детей
В Агишкюле³ вороги сгубили.

Стон и плач невест слышится вокруг,
Им судьба - в неволе мыкать горе.
...Так от злой орды, налетевшей вдруг,
Пал, погиб Булгар - великий город.

Славен был Булгар, знатен был Булгар,
В нем дворцы как в Киеве блистали...

КОЛДУНЬЯ ШАБАДАН

Три недели, три дня Судебей
У Суvara накапливал рать.
И три дня, три недели злодей
Всех суварцев грозил покарать.
Только город стоит что утес,
Непокорный коварный судьбе.
Судебей, злой как бешеный пес,
Призывает ноянов к себе.
-Тут вблизи, в деревеньке лесной,
Есть колдунья, зовут Шабадан.
Чтоб была она вмиг предо мной,
Пусть поможет мне ведьма-шайтан!
...Вот тринадцать лихих седоков
С гиком, визгом погнали коней
И забрали колдунью легко.
Говорит ей тогда Судебей:
-Как мне взять этот город? Скажи!
Столько золота дам - не поднять,
А схитришь, тебе больше не жить,
Прикажу сразу голову снять!..
Алчно вспыхнули ведьмы глаза,
Ведьме золото - радость души.
Ей не в тягость прищельцу сказать
Как суварцев в огне задушить...
-Повели ты расчистить гумно
И расставить там больше сетей,
А меж ними рассыпать зерно,
Приманить чтобы тьму голубей.

Трут горящий да серы кусок
К каждой птице вели привязать.
И как только померкнет восток,
В самый раз голубей выпускать.
Сам увидишь, что город Сувар
Станет жертвой богини огня.
А иначе тебе не бывать
Никогда в нем ни часу, ни дня.
...В небе кружится рой голубей,
Над Суваром - пожарищ стога.
И колдунье в мешок Судебей
Сыплет золото и жемчуга.

ПОБЕГ ИЗ НЕВОЛИ

Вторглись с далеких бескрайних степей
Своры ногайские, тучи черней.
Нивы созревшие ночью и днем,
Как и деревни, пылали огнем.
Славного парня Талыма-орла
Свора в неволю с собой забрала.
...Как-то к Талыму, легка и стройна,
Хана-ногая подходит жена.
И говорит ему тихо в лицо:
-Родина где твоих дедов-отцов?
Рода их, племени где очаги,
Чей ты потомок, кто их враги?
-Сын чуваша я из рода Пидул,
Схвачен в Булгаре в неволю-беду.
Звали отца моего Падирек,
Мудрый и чтимый он был человек.
-Парень, скажи еще, кто твоя мать,
Можешь ли имя сестренки назвать?
-Маму любимую звать Келпике,
Была у меня и сестра Туйпике.
Ей, синеглазой певунье, в окрест
Не было равных красавиц-невест.
Но увела ее вражья орда, -
Где-то в неволе проводит года...
Вздогнула, сжалась ногая жена,

Словно ударом меча сражена.
Сделалась ликом как серый ковыль
И рассказала печальную быль.
-Давно уж у хана я сохну, томлюсь,
Случая жду и на волю стремлюсь.
Послан ты мне самую судьбой, -
Кровные брат и сестра мы с тобой.
Хан разорял наши нивы-поля,
Мертвой за ним оставалась земля.
Будь же он проклят, разбойник-злодей!
Смерть ему плата за муки людей!
...Ночью. прикончив лютого врага,
Брат и сестра уже были в бегах.
Резвые кони - отрада души,
Мчались два всадника в жуткой тиши.
Мчались невольники в отчий свой край,
Ночка-пособница, эх, выручай!
Лес их от недругов прятал листвою,
Степь укрывала ковылью-травой.
Звезды им путь освещали с высот,
Алой зарею мерцал небосвод.
Красило солнышко яркий рассвет, -
Путникам родина слала привет.

НА ВОЙНУ УХОДЯТ ПАРНИ УДАЛЫЕ

Над землей росистой
Дуют ветры злые.
На войну уходят
Парни удалые.
Три сестры-сиротки
Провожают брата.
Трех сестер-сироток
Гложет боль утраты.
-Братушка родимый,
Путь твой долог, труден.
Без тебя, кормильца,
Что же с нами будет?
Кто теперь утешит
Нас в тяжелой доле?

Кто весной на пашню
Выйдет с плугом в поле?
...Схоронили годы
Три зимы, три лета, -
Сестрам нет от брата
Весточки-привета.
Девушки горюют,
Девушки в печали,
Все с мольбою смотрят
В голубые дали.
И однажды видят:
Мчится конь по лугу,
Сестры побежали,
Торопя друг друга.
-Сильзюнат, скажи нам,
Что же с братом стало?
Где ты, конь ретивый,
Седока оставил?
-Он со мной расстался
На реке широкой,
На реке Дунае
Под горой высокой.
Турки напирали,
Шли лавиной-тучей,
Осами жужжали
Рои пуль над кручей.
Турки напирали,
Шли лавиной-тучей,
Звон мечей да стоны
Внимал Дунай могучий.
В том бою седок мой
Был смертельно ранен,
С жизнью распрощался
На заре он ранней.
Тут же на Дунае
Схоронили парня.
На его могиле
Крест да глыба камня.
Девушки в истошном
Захлебнулись крике,

Затряслись в рыданиях
Сестры-горемыки.
ГУЛЯЮТ ПАРНИ-СОКОЛЫ

Гуляют парни-соколы,
У всех у них мечи.
До зорьки ранней долго ли
Им пировать в ночи?
Коль чарка часто полная
Хмелеет голова.
И песня льется вольная
Про жизнь, что трын-трава.

-Гей, парни удалые,
Где вы живете, родные?
-Дом наш летом и весной
В гуще зелени лесной,
В гуще зелени лесной.
-Гей, лихи головушки,
Где у вас зазнобушки?
-На сторонушке глухой,
За звериною тропой,
За звериною тропой.

...Гуляют парни-соколы,
Блестят у всех мечи.
До зорьки ранней долго ли
Им пить и петь в ночи?

ПЕСНИ ПАЙДУЛА

Нас трижды окружали, -
И мы три дня сражались.
Они уж возомнили,
Что нас вконец побии.
Нас боярам не сломить,
Коль в руках пищали.
Барам нас не сокрушить, -
Есть мечи из стали.

Семь дней за нами гнались,
Не раз нас настигали.
И сразу возомнили,
Что нас уж полонили.
Нас барам не догнать-,
Есть оленье ноги.
Барам век нас не поймать,
Мы в лесу что боги.

* * *

Эй ветры, буйные ветры!
Куда вы, куда, скажите.
И ночью и днем спешите?
Над Волгой несетесь стаей,
За волнами вслед летите
И челн мой в реке кружите.

Эй ветры, буйные ветры!
И мне бы взмахнуть крылами,
И мне бы взлететь за вами.
Над Волгой, над Свягою
Парить бы белой чайкою,
Гулять бы на свободе.

Эй ветры, буйные ветры,
Что ж вы так жалобно стонете,
Душу мою терзаете?

Примечания

¹ Судебей - старший военачальник орды хана Батыея. Осенью 1236 года огромное его войско, захватив город Булгар - столицу Волжской Болгарии, ограбило и опустошило ее.

² Нукеры - дружинники монгольской знати, ханские гвардейцы.

³ Агишкюль - лебяжье озеро.

⁴ Ноян - военачальник в орде хана Батыея.

⁵ Сильзюнат - ветрокрылый.

⁶ Пайдул - как считали пожилые люди ряда чувашских деревень Самарской области, где эта песня записана в конце двадцатых годов двадцатого века, чуваш под таким именем был близким соратником, одним из атаманов Степана Разина.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Полвека в журналистике

Беседа декана факультета журналистики ЧГУ

Анатолия ДАНИЛОВА с ветераном печати

Чувашии Михаилом ИВАНОВЫМ ----- 5

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Звездный час Космонавта-Три ----- 104

Унесенные вихрем ----- 128

Чувашские враги московской "гостыи" ----- 209

Трагедия на берегу Суры ----- 233

Песни предков ----- 248

Научно-популярное издание

ИВАНОВ Михаил Иванович.

СТУПЕНИ СУДЬБЫ

Редактор Е.Е.Семенова
Отв. за выпуск А.П.Данилов
Дизайн-верстка И.Ю.Петровой
Технический и художественный
редактор А.А.Данилов

*В книге использованы фото М.Иванова, В.Шемарова, В.Исаева,
Б.Иванова, И.Никифорова, В.Романова, С.Игнатьева,
из семейного архива автора.*

ИД № 06547 от 28.01.2002.

Подписано в печать 14.11.2002.

Формат 60х84/16. Бумага писчая. Печать оперативная.

Усл. печ. л. 15,5. Уч.изд. л. 14,3.

Тираж 300 экз. Заказ № 814.

Издательство Чувашского университета
Типография университета
428015 Чебоксары, Московский просп., 15.

40=00